Пространство перевода

ЯКОПО САННАДЗАРО
АРКАДИЯ

Перевод
АЛЕКСАНДРА ТРИАНДАФИЛИДИ

Аркадия
Якопо Саннадзаро

Аннотация
Якопо Саннадзаро. Аркадия
ЯКОПО САННАДЗАРО И ЕГО «АРКАДИЯ»
I
II. Жизнь Саннадзаро. История создания его романа
III. Аркадия: источники, композиция, форма
IV. «Аркадия» в Европе и в России
АРКАДИЯ
ПРОЛОГ
ПРОЗА 1
ЭКЛОГА 1
ПРОЗА 2
ЭКЛОГА 2
ПРОЗА 3
ЭКЛОГА 3
ПРОЗА 4
ЭКЛОГА 4
ПРОЗА 5
ЭКЛОГА 5
ПРОЗА 6
ЭКЛОГА 6

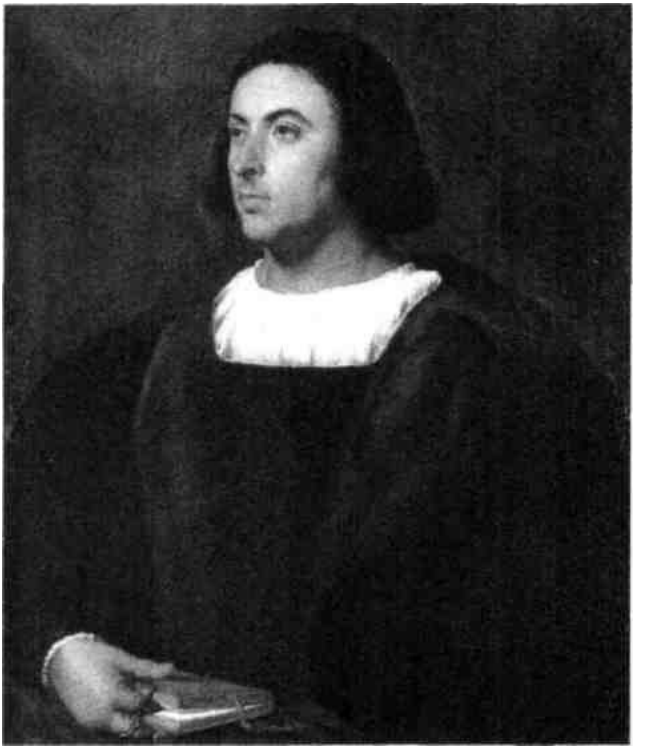
ПРОЗА 7
ЭКЛОГА 7
ПРОЗА 8
ЭКЛОГА 8
ПРОЗА 9
ЭКЛОГА 9
ПРОЗА 10
ЭКЛОГА 10
ПРОЗА 11
ЭКЛОГА 11
ПРОЗА 12
ЭКЛОГА 12
К СВИРЕЛИ
КОММЕНТАРИИ
Источники ссылок и цитат
Указатель
Литература

Аннотация

Признанный в веках литературным шедевром пасторальный роман Якопо Саннадзаро (1458-1530, Неаполь), создававшийся на протяжении многих лет, впервые переведен на русский язык. Прозаические главы чередуются со стихотворными эклогами изысканного стиля и формы в традициях Боккаччо. В центре романа автор, молодой аристократ, ищущий забвения несчастной любви. Переселившись в Аркадию, как в иную реальность, на лоне девственной природы он преображается в пастуха, участвует в дискуссиях, языческих празднествах, магических обрядах, певческих и спортивных состязаниях.

Классика итальянского Возрождения, «Аркадия» вплоть до начала XIX в. оказывала влияние на пасторальное искусство Запада и, в целом, на художественное восприятие мира. Текст сопровождается критическим исследованием и комментарием известного переводчика А. Триандафилиди.

Якопо Саннадзаро
Аркадия



ЯКОПО САННАДЗАРО И ЕГО «АРКАДИЯ»

I

До появленья луны возникла, коль можно ей верить, Эта земля и несет имя Аркада она.

Овидий, «Фасты», I, 470-471. Пер. Ф. Петровского

На исторической карте древней Эллады Аркадия значима не менее, чем Афины, Спарта или Крит. В действительности, это центральная область на Пелопоннесе, расположенная на возвышенном и окаймленном горами плоскогорье, сохранившая в течение веков свое исконное название по сей день. В эпоху античности здесь обитало эолийское племя пастухов и охотников. Согласно свидетельствам древних авторов, аркадяне или аркадцы были наделены большой физической силой, придерживались умеренности и строгости в обычаях, славились своим гостеприимством. Впрочем, была и оборотная сторона медали: грубость и нецивилизованность местных жителей. Свободолюбие и остро выраженное чувство независимости помогли аркад-цам сохранить нравы неиспорченными

даже тогда, когда греческий мир клонился к нравственному упадку. Из всех искусств они предпочитали музыку и славились как искусные музыканты. Слова Вергилия «аркадцы, искусные в пенье больше других» (Буколики, X, 31-32) можно признать высшим признанием природного их таланта. И хотя великих поэтов и ученых Аркадия миру не дала, сама эта страна стала устойчивым поэтическим образом, мифом, популярным вплоть до наших дней, причем не столько из-за живописного горного ландшафта, располагавшего к мифотворчеству, сколько из-за описанных нравов ее жителей, приукрашенных воображением знаменитых поэтов.

Аркадцы считались одним из самых древних племен Греции. Начало легендарной истории Аркадии возводится еще ко всемирному потопу (в его языческой трактовке); именно в аркадских горах Киллене, по преданию, спаслись из роковых волн Девкалион и Пирра. Эпоним страны, герой Аркад, считался сыном Зевса и несчастной нимфы Каллисто, превращенной сначала в медведицу, а после в созвездие Большой Медведицы; сын же ее, преследовавший свою мать на охоте, по милости верховного бога стал созвездием Волопаса. Цепь этих красочных сказаний, уходя-

щих корнями в глубокую древность, продолжают истории, связанные с Паном, эллинистическим богом, чтимым также и римлянами. Пан обитает на горе Менал здесь же, в Аркадии; некогда он неуспешно преследовал свою возлюбленную нимфу Сирингу и из тростника, в который она превратилась, создал свирель, названную в честь несчастной девушки. Обращение к Пану, «богу Аркадии», имеет ключевое значение при рассмотрении мифологической составляющей произведения Саннадзаро.

Причисление поэта-гуманиста Якопо Саннадзаро (1458-1530) к великим классикам итальянской литературы сегодня, пожалуй, потребует особенных обоснований, тогда как еще в XVIII веке оно не могло вызывать ни малейших сомнений. Дело в том, что центральная в его творчестве «Аркадия» (впервые полностью опубликована в 1504 г.) неизмеримо далека от современного восприятия, по которому тому или иному произведению далекого прошлого присваивается звание шедевра.

«Божественная комедия» Данте подводит итог культуре Средневековья, в частности, в жанре видений, увлекает нас своей мрачностью и фантастичностью; лирика Петрарки пробуждает в душе трепетные чувства любви к женщине и

благоговение перед силой поэтического слова, способного это выразить; «Декамерон» Боккаччо, фундамент европейской новеллистики, пестротой своих сюжетов и человечностью всегда будет востребован и любим нами; мы не перестанем удивляться той выдумке и иронии, с которой Ариосто перемещает своих героев в необозримом пространстве рыцарской эпопеи; наконец, поэма Тассо будет волновать нас своей высокой героикой и животрепещущей темой противостояния Востока и Запада. Чем же был вызван столь ошеломляющий успех творения Саннадзаро? Даже такое определение жанра произведения, как роман, весьма условно. Значимость «Аркадии» основывается не только на исключительной ее популярности в странах Европы, на продолжительном влиянии этой небольшой книги на литературу и изобразительное искусство, но, в большей степени, на том, что в ней заложена основа целого литературного направления.

Прежде чем заняться разбором достоинств и недостатков «Аркадии», следует обратиться к личности ее автора и той эпохе, великим сыном которой он являлся.

II. Жизнь Саннадзаро. История создания его романа

Якопо Саннадзаро родился 28 июля 1458 г. в Неаполе и был старшим ребенком в семье. Его рождение, по счастливой случайности, выпало на день святого Назария, покровителя рода, давшего ему свое имя. Святого патрона впоследствии поэт прославил в ряде своих латинских стихотворений[1]. Род Саннадзаро был одним из самых знатных в Неаполитанском королевстве, и младенцу, родившемуся в такой знаменательный день, как будто самой судьбой было предначертано прославить его на века. Что он и сделал, только не оружием, как его предки-рыцари, а художественной силой пера и необыкновенной, даже в среде гуманистов, ученостью.

Прадед поэта, Никколо Саннадзаро, в 1380 году покинул родовой замок в Ломеллине и переселился в Неаполь, получив должность полководца в войсках Карла Третьего ди Дураццо. За «по-

[1] Примечания: 1

Крешембени отмечает, что день Св. Назария отмечался римской академией «Аркадия» как день памяти Саннадзаро. Storia della volgar poesia. T.2,1.2, p. 338 Venez., 1730. Заметим, что своим названием это ученое сообщество обязано творению Саннадзаро.

хвальные деяния» и доблесть ему были подарены королем значительная часть полей Фалерно, горы Массика, замки Мондраджоне и Линтерно, а также «множество земель и замков в плодородной Лукании», как напишет впоследствии его потомок.

Сын Никколо, Якопо, не менее достойно зарекомендовал себя при правлении Владислава, преемника Карла. Фортуна отвернулась от него, когда после внезапной смерти короля, случившейся 14 августа 1414 года, власть перешла в руки Джованны. Королеве, имевшей множество любовников, Якопо Саннадзаро-Старший не пришелся по вкусу. Как следствие ее немилости было обвинение в сношении с заговорщиками против фаворита королевы Караччоло и лишение всех родовых поместий. Умер Якопо в бедности, оставив своему сыну Никколо в наследство «нужду и невзгоды». Страстная филиппика в адрес Джованны, несколько не вяжущаяся с общим идиллическим тоном «Аркадии», стала достойной местью его внука своенравной королеве.

Мытарства Никколо, следующего представителя рода, перешли на долю его двух сыновей Якопо и Маркантонио, оставшихся после смерти отца в 1462 году практически без средств к

существованию. Светская жизнь в Неаполе пришлась не по карману его вдове донне Мазелле, и она с сыновьями примерно в 1470 году была вынуждена переселиться в Ночера-Инферьоре, неподалеку от Салерно. Теплые чувства к матери воплотились в образ Массилии, чью смерть Якопо оплакал в стихах и в прозе устами пастуха Эргасто. «Вскормленный в скромной доле», Саннадзаро в своих сочинениях впоследствии не без горечи вспоминал, что его род когда-то владел и Фалерно, славящимся вином, воспетым Горацием, и Линтерно, где умер победитель Ганнибала Сципион Африканский Старший, и живописным побережьем, орошаемым рекой Вольтурно.

В седьмой главе или «прозе» «Аркадии» он рассказывает, что в возрасте восьми лет познал первую любовь. Как мы помним, в «Новой жизни» Данте рассказывает, что свою первую любовь Беатриче он встретил в девятилетнем возрасте. Не названная в романе по имени избранница поэта в жизни звалась Кармозина Бонифачо. О ней мы не имеем каких-либо точных сведений. Друг поэта Фабричио де Луна в своем «Словаре» даже называет ее дочерью Понтано (чему, однако, верить не приходится) и сообщает, что Якопо был намерен жениться на ней. Ранняя смерть Кармо-

зины послужила мотивом сочинений Саннадзаро на вольга-ре — как лирики, сонетов и канцон, так и самой «Аркадии», определив в конце концов сюжетную развязку романа[2]. Полагали, что она изображена также в образе пастушки Амаранты в Прозе 4 «Аркадии». Таким образом, Кармозина заняла почетное место среди дам, которых обессмертили великие поэты Италии — Беатриче, Лауры и Фьямметты.

После многих лет междоусобных раздоров, вызванных борьбой за престол между анжуйской и арагонской династией (Трастамара), наступил недолговременный мир после победы арагонцев. Именно на годы правления Альфонса Арагонского, которому в 1442 году удалось силой захватить власть, приходится начало культурного расцвета Неаполитанского королевства[3]. Альфонс оказывал покровительство виднейшим гуманистам Италии, прежде всего Антонио Беккаделли (1394-1471), прозванному Панормитой по месту его рождения (Палермо), который, будучи

[2] Примечания: 2

Можно предположить, что Кармозина скончалась во время работы Саннадзаро над окончанием романа. Это объясняет несколько неожиданную меланхолическую тональность финала «Аркадии».

[3] Примечания: 3

Подробнее см.: История литературы Италии. Т. 2. Кн. 1 / Отв. Ред. М.Л. Андреев. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 122 и след.

придворным историографом, возглавлял Неаполитанскую академию. После смерти Панормиты эта почетная должность перешла к Джованни Понтано (1429-1503), министру и дипломату королевства при Альфонсе V и его преемнике Фердинанде I (годы правления 1458-1494). В трактате «О неаполитанской войне» (1494) Понтано писал: «Правление Альфонса привело Италию к великому расцвету. Многие жесточайшие войны при нем были завершены, и воспоследовавший мир был полон спокойствия и роскоши. В это время у власти находились отважные полководцы и премудрые мужи, и словесность (gli studi delle lettere) была в великой чести после векового застоя».

Фердинанд взошел на престол после смерти своего отца Альфонса, по его завещанию, в год рождения нашего поэта. Этот государь, по натуре вероломный и крайне жестокий, продолжая прогрессивную политику отца, содержал роскошный двор, привлекая в Неаполь выдающихся деятелей науки и искусства, в числе которых были и учителя юного Саннадзаро. Стоит отметить Каритео, Габриеле Альтилио, Джироламо Карбоне, Элио Маркезе и Пьетро Суммонте. В продолжавшемся противостоянии с анжуйцами он потерпел

сокрушительное поражение в битве при Сарно в 1460 году, но при поддержке папы Пия II смог взять реванш, разбив в 1462 Иоанна Анжуйского, и в 1464 в Неаполитанском королевстве надолго утвердилась власть арагонской династии. На эти годы в королевстве приходился расцвет литературы и науки, что дало основание называть Неаполь тех лет «Афинами Италии».

Понтано был наставником старшего Альфонса, сына Фердинанда. Для него он написал свой знаменитый трактат «Государь» (не путать с Макиавелли!), в котором изобразил идеального правителя, руководствующегося принципами нравственности и гражданского долга. Альфонс, перенявший от отца порочный нрав, правил Неаполем всего два года и надежд, возложенных на него великим гуманистом, не оправдал.

В такой политической обстановке проходило детство Якопо Саннадзаро. В 1473 г., вернувшись на родину вместе с братом и матерью, будущий поэт продолжает свое обучение, начатое еще до отъезда, и под руководством членов Академии Луки Грассо и Джуниано Майо совершенствуется в риторике, грамматике и латинском языке, изучает древнегреческий. Благодаря блестящим способностям и природной склонности к гума-

нитарным наукам, Саннадзаро вскоре добился превосходных результатов и через протекцию наставников был представлен Джованни Понтано, принявшему участие в дальнейшем образовании талантливого юноши. С самого начала он проникся к Якопо симпатией, переросшей в самую теплую дружбу, продолжавшуюся до самой смерти Понтано. Свидетельством теплоты их отношений стали многочисленные обращения Понтано в латинских стихах к Саннадзаро, а тот, разумеется, не оставался в долгу. Еще в начале своего творческого пути, в возрасте немногим более 20 лет, Якопо был избран членом Неаполитанской академии под латинским псевдонимом, т.н. «академическим именем», Actius Sincerus, Акций Синцерус (итал. Синчёро, т.е. «Искренний»). Имя «Синчеро» в академическом кругу и в дружеских посланиях заменило подлинное имя поэта, по поводу чего в Прозе 7 он говорит: «Я не слышал еще, чтобы кто-либо из вас называл меня "Саннадзаро", хотя фамилия моих предков всегда пользовалась большим почетом, и это заставляет меня вздыхать, вспоминая, как прежде моя дама звала меня "Синчеро"». Два сильных чувства кипели тогда в молодом человеке: с одной стороны, восторженное упоение признанием своего

таланта современниками, а с другой — пылкая любовь к прекрасной даме. Конечно, описанное в «Аркадии» бурное отчаяние от неразделенной любви — ни что иное, как дань традиции, поэтическое преувеличение, однако это говорит о том, что не увенчавшаяся счастьем любовь к Кармозине оставила глубокий след в душе Якопо, что не могло не способствовать открытию в нем лирического дарования, выразившегося также и в знаменитой пасторали. Сонеты и канцоны будущего «Канцоньере» складывались именно в эти годы.

Кроме лирики молодой Саннадзаро пробовал себя и в драматическом жанре. В период с 1481 по 1494 г., состоя при дворе Альфонса Арагонского герцога Калабрийского, для постановок на сцене он сочинял на вольгаре «Фарсы» и «Клубки»; последние, в угоду публике, он писал на родном неаполитанском диалекте. Жанр «клубок» (неап. *gliommero,* лат. *glomeris)* был специфическим для Неаполя и пользовался популярностью на протяжении всего столетия. Эти небольшие пьесы, всегда стихотворные, писались размером «фроттола» — одиннадцатисложными стихами с рифмой, расположенной внутри строки на цезуре, как правило, на седьмом слоге. Сохранился

всего лишь один «клубок» Саннадзаро, развивающий бурлескные традиции в итальянской поэзии с ее злободневными темами. Фроттола, как мы рассмотрим в дальнейшем, была успешна применена в ряде эклог «Аркадии». Что же касается «фарсов», то от комического жанра античности и средневековья осталось только одно название: у Саннадзаро они по сути не выходят за рамки лирических стихотворений, облеченных в изящную форму «фроттолы».

Придворная должность налагала на поэта и другие обязанности. Так, он принимал участие в походах Альфонса Калабрийского в Тоскану, Ломбардию и Феррару и в одной из своих элегий извинялся, что из-за любовных переживаний не может прославить военные триумфы своего господина, очевидцем которых он был. Однако о роли поэта в исторических событиях тех лет нет сколько-нибудь определенных сведений. Живя в Неаполе, он расточает щедрые похвалы Альфонсу в латинских стихотворениях, видя в нем нового Владислава.

В 1494 г. король Франции Карл VIII перешел Альпы и вторгся в Италию с целью захватить Неаполитанское королевство, на которое он имел некоторые права. Продвижение французской

армии, состоявшей также из германцев и швейцарцев, при поддержке могущественных врагов Неаполя, папой Александром VI и герцогом Миланским Лодовико Моро, не встретило вначале особенного сопротивления со стороны итальянцев, и вскоре король занял Флоренцию и продвигался к Неаполю, который завоевал в следующем году. Альфонс Арагонский, взошедший на престол в 1494 г., слишком поздно выступил против французов и был вынужден ретироваться в Мессину, где он отрекся от престола в пользу своего брата Фердинанда II (итал. Феррадино), чем вызвал недовольство у веривших в него подданных, в том числе у Саннадзаро, приветствовавшего недавнюю коронацию своего патрона латинским стихотворением. Феррадино с верными людьми бежал сначала на Искью, а затем на Сицилию. Завоевание Неаполя Карлом, произошедшее 24 февраля 1495 г., в Италии было воспринято как национальная трагедия, против французов была организована т.н. «Священная лига» итальянских государств. Исторические события, получившие название «Первая итальянская война», нашли бурный отклик и в творчестве великих поэтов, творивших в то время: в Ферраре Маттео Боярдо, например, по этому поводу оставляет работу над

«Влюбленным Роландом», а Ариосто впоследствии скажет в «Неистовом Роланде» (XXXIII, 24):

Вот с гор альпийских сходит Карл Восьмой,
Ведет он цвет французских паладинов,
Край покорит за Лирисом-рекой,
Копья не вскинув и меча не вынув...

с ироничным намеком на то, что из-за слабости отпора захватчикам война не была кровопролитной. Саннадзаро же действовал в этой обстановке как и подобало в его положении: он последовал за своим новым господином, тогда как Понтано остался при французах. В этом же году Альфонс Арагонский скоропостижно скончался на Сицилии. Однако уже 6 июля 1495 г. под давлением обстоятельств Карл покинул Италию. Фердинанд, заручившись поддержкой испанской короны, Венеции и папы Александра VI, повел успешную борьбу против захватчиков, и в следующем году французский гарнизон под командованием герцога Монпансье капитулировал. Фердинанд Арагонский вернулся в Неаполь в 1496 г., но вскоре скончался от дизентерии. На престол взошел Федерико Арагонский; всеми силами он стремился восстановить мир в королевстве и с этой целью

окончательно примирился с папой Александром VI. Заботясь о процветании королевства, новый король уделял большое внимание развитию экономики, науки и, конечно, искусства. Таким образом, Неаполитанское королевство сделалось крупнейшим центром гуманистической культуры Италии, приняв эстафету у Флоренции, после смерти Лоренцо Медичи Великолепного (1492) уступившей свое первенство как в политике, так и в искусстве. Молодому Саннадзаро выпало занять в «неаполитанском Ренессансе» выдающееся место и сыграть ключевую роль. Будучи в дружбе с Федерико задолго до его коронации, он пользовался исключительным доверием своего покровителя, который был старше поэта на 6 лет. Саннадзаро стал крестным отцом его сына Альфонса и получил в дар от государя великолепную виллу с угодьями на холме Мерджеллина. Здесь, среди цветущих апельсинов, он рассчитывал предаться любимым научным и литературным занятиям. Эти радостные события своей жизни поэт излагал в латинских элегиях по образцу Тибулла и Проперция, щедро расточая похвалы «новому Меценату». Между тем Понтано отошел от политики и дипломатии и вел частную жизнь литератора, поддерживая дружеские отношения

со своим прежним учеником.

Но исторические события вновь смутили идиллический покой поэта, когда французский король Людовик XII в 1499 г. вторгся в Италию с целью завоевать Неаполитанское королевство. Поход начался удачно: был взят Милан, покорена Генуя; миланский герцог Лодовико Моро бежал из города, но вскоре был пойман и убит. Французский король договорился с Фердинандом II, королем испанским, о разделе Неаполитанского королевства и, с одобрения папы, повел войска на Неаполь, которым 4 августа 1501 г. овладел. Осажденный в замке Нуово, Федерико был вынужден заключить соглашение с завоевателями, отстояв право владения островом и замком Искья на шесть месяцев. Тщетно возлагая надежды на своего родича испанского короля, он сделал отчаянный шаг, обратившись к турецкому султану, но Фортуна изменила ему: арагонские войска проиграли французам битву при Капуе, а сам король Неаполя был отлучен от церкви папой Александром VI. «Такова была его ненависть, — сообщает в «Анналах» Муратори, — к королю Католиков за предательство и утеснения, причиненные им, что он предпочел направиться во Францию, чем полагаться на известное великодушие этого ко-

роля, которому однажды уже доверился и познал на опыте, насколько тот вероломен».

Саннадзаро прибыл на Искью, когда Федерико собирался во Францию и выразил королю готовность следовать за ним. Продав два своих родовых замка и собрав пошлину с Гаудьелло, все вырученные средства (15000 дукатов) он вручил королю и добровольно последовал за ним в изгнание. 9 сентября 1504 г. во Франции, в Плессиле-Тур, король скончался на руках у Саннадзаро. Вместе с королем погибла и независимость Неаполитанского королевства на целых два столетия: территория государства была разделена между Францией и Испанией. Власть французов в Неаполе снова была недолгой. Разногласия Людовика XII с Фердинандом Католиком завершились битвой при Гарильяно, произошедшей 29 декабря 1503 г., где французы потерпели сокрушительное поражение от испанской армии под командованием Гонсальво Фернандеса Кордовского, и в марте 1504 г. по мирному договору Неаполь отошел в состав испанских владений. Королем Неаполя стал Фердинанд II под именем Фердинанда III Арагонского.

Сразу после смерти своего патрона поэт вернулся на родину, где его ждала еще одна утрата

— смерть Джованни Понтано. Удрученный этими событиями, он вел уединенную жизнь на своей вилле Мерджеллина, утешаясь чтением античных классиков и сочинением латинских стихов. Читая Тита Ливия, помня Лукана с его изречением «мечи нам даны, чтобы не было рабства», поэт, конечно, грезил о возрождении былого величия Италии и понимал, что все беды от ее раздробленности и междоусобных конфликтов правителей городов и княжеств. Обращаясь к темам современности (он это делал, как правило, в латинских стихах), поэт удерживался от воинственного пафоса и бесплодных стремлений улучшить жизнь, его взгляд был направлен в славное прошлое, а не в туманное будущее. А в настоящем залог счастья он видел в постижении красоты искусства минувших эпох, прежде всего, античности. Можно сказать, Саннадзаро был патриотом Неаполя, но не Италии в целом. Он свято дорожил честью рода и своим добрым именем, которое пронес незапятнанным в течение долгой жизни, однако не был чужд и личных интересов. «Аркадию» он начал сочинять еще совсем молодым человеком, в середине 1480-х годов. Окончательный замысел произведения сформировался не сразу, претерпев изменения как в композиционном плане, так и

в лексическом. Первоначально, можно полагать, Саннадзаро задумал сборник из десяти эклог на итальянском языке, аналог «Буколик» Вергилия, включавших, как известно, такое же количество эклог.

Имя Саннадзаро в ту пору уже было знаменито во всей Италии благодаря «Аркадии», издание которой предпринял в 1504 г. его друг, гуманист Пьетро Суммонте, по рукописи, предоставленной ему братом поэта Маркантонио.

Однако издательская история романа началась двумя годами ранее, когда поэт находился в добровольной ссылке во Франции. 12 мая 1502 г. в Венеции вышла книжица in ottavo со следующим заголовком: «Книга Пасторальная, именуемая | Аркадио Якопо Санацаро, Неа-| политанца. | *По милостивому разрешению*»[4]. Издателем ее был некий маэстро Бернардино Верчелезо, названный в предисловии «выдающимся человеком». Книга содержала текст романа до десятой эклоги включительно. Несмотря на всю тщательность подготовки текста, как пишет исследователь[5],

[4] Примечания: 4

Libro Pastorale Nominato IARCADIO de Jacobo I Sanazaro Nea I politano. I Con gratia et privilegio.

[5] Примечания: 5

Scherillo 1888, p. XXXII.

издание изобиловало неточностями и искажениями, вызванными многочисленными дефектами манускрипта романа, которым располагал издатель. Выпуск пиратских изданий книг знаменитых писателей в ту эпоху, когда не существовало понятия авторского права, было явлением обычным. Однако Саннадзаро пришел в ярость при виде столь искаженного творения его юности, вышедшего в свет. В письме к одному венецианскому другу он излил свое негодование, дав понять, что искажение даже его имени на титульном листе, как и названия романа, считает личным оскорблением. Гнев автора был справедлив, ведь помимо ошибки в написании его имени, чтобы ввести в обман читателей, было поставлено *con gratia et privilegio,* указывающее на авторское дозволение к печатанию. Остается также недоумевать, как издатель мог допустить ошибку в названии «Аркадия», общеизвестном благодаря античным писателям и, прежде всего, Вергилию. Тем не менее, факт остается фактом: неоконченное произведение в таком виде получило широкое распространение в ущерб его создателю. Новое, сильно откорректированное издание «Аркадии» вышло в свет в марте 1504 г. в Неаполе стараниями Пьетро Суммонте. На ти-

тульном листе значилось: «Аркадия I Саннадзаро I завершенная, I извлеченная! и исправленная I по ее оригиналу»[6]. Как мы видим, за время подготовки книги были сочинены две обширные заключительные прозы с не менее длинными эклогами и эпилог под названием «К свирели». Усиленная работа производилась автором и над всем текстом романа, что выражалось в искоренении диалектизмов и варваризмов; таким образом, язык «Аркадии» стал образцовым для итальянской прозы, основываясь на тосканском диалекте, ставшем к тому времени литературным языком Италии. Успех второго издания способствовал появлению переизданий, из которых следует упомянуть выпущенное в Венеции Альдом Мануцием в сентябре 1514 г., сделавшее «Аркадию» достоянием интеллектуалов Европы.

Вопрос датировки «Аркадии» несколько разъясняет Микеле Скерилло, изучивший пять ее манускриптов, созданных за период между 1489/90 и 1503 г. Он приходит к выводу, что в это время текст романа завершался на десятой эклоге, значит, вся развязка, включая и грандиозную эклогу двенадцатую, была сочинена в 1504 г. Начало же

---

[6] Примечания: 6

ARCADIA I del SANNAZAROI TUTTA FORNITAI ET TRATTAI EMENDATISSIMAI DAL SUO ORIGINALE.

работы над романом можно отнести к середине 1480-х годов, т.е. к расцвету творческих сил и придворной карьеры Саннадзаро. Первоначально было написано десять эклог, как уже сказано, по числу эклог «Буколик» Вергилия. В последствии замысел разрастался, и к каждому стихотворению была присоединена прозаическая вставка, игравшая сначала вспомогательную роль. Рост значения проз, которое автор придавал им по мере сочинения романа, можно проследить хотя бы по изменению объема, от кратких начальных зарисовок до обширных и высокохудожественных фрагментов, включая описание праздника Палилий и посещение храма Пана.

Одновременно с итальянскими эклогами, составившими «Аркадию», Саннадзаро сочинял латинские под общим заглавием «Рыбачьи» («Piscatorie»), увидевшие свет только в 1526 г. Вместо традиционных пастухов здесь выступали неаполитанские рыбаки. В каком-то роде Саннадзаро соперничал со своим учителем Понтано. Слава латинского поэта привлекала его всё более. Поэтому в дальнейшем творчестве главное место занимают именно латинские его сочинения, среди которых, помимо эклог, свод элегий и эпиграмм (по три книги). Последние

годы жизни поэт посвятил работе над религиозной поэмой «О родах Девы» («De partu Virginis»), разделенной также на три части: благовещение, рождение Христа, поклонение волхвов и пастухов. В этом произведении он достиг совершенства своего изысканного стиля. По мнению многих, в латинской словесности Саннадзаро достиг больших высот, нежели в итальянской. Именно последнее детище пера он считал своим главным творением, поэтическим завещанием. Латинские сочинения Саннадзаро были напечатаны Альдом Мануцием еще в 1517 г., а итоговым их изданием стало посмертное, выпущенное в Венеции в 1535 г.

Последние годы Саннадзаро прожил на вилле Мерджеллина, где на свои средства возвел церковь Санта-Мария-дель-Парто, в которой и был похоронен. Прожив долгую жизнь, поэт скончался 6 августа 1530 г. в доме своей любимой женщины Кассандры Маркезе, которой незадолго до смерти посвятил составленный по образцу Петрарки сборник своей ранней итальянской лирики: сонетов, канцон и мадригалов. Его портреты писали Рафаэль и Тициан, он удостоился надгробия работы Микеланджело, а также славы и поклонения у современников и потомков на

несколько столетий вперед. Из многочисленных поэтических посвящений на его смерть приведем замечательный сонет его не менее знаменитого земляка и поклонника Джанбаттисты Марино «Могила Саннадзаро»:

Вот та гора, пещера, камень скальный,
Где прах певца почиет, рыболова,
Близ пастуха из Мантуи благого,
С которым он сравнился песней хвальной.
Ты расточай над урной погребальной,
Кратон, цветы и слезы снова, снова;
Почтен у Арно, Тибра он святого,
А днесь — в пещере темной и печальной.
Представь (о, беспощадные светила!)
Как стонет бриз, прибой вздыхает пенный
Над мрамором счастливой сей могилы.
Здесь лебедь вьет гнездо себе степенный,
Где хладный прах, где лира опочила,

И кружат стайкой скорбные Сирены[7].

[7] Примечания: 7
Перевод наш.

III. Аркадия: источники, композиция, форма

«Аркадия» написана прозиметром, т.е. сочетанием стихотворного и прозаического текста в рамках одного произведения. Судя по фрагментам «Сатирикона» Петрония, к этой форме обращались писатели еще в «золотую» эпоху латинской литературы, однако из-за отсутствия сохранившихся образцов мы не можем достаточно определенно судить о ее бытовании в античности. Из прозиметров ранней средневековой литературы следует выделить аллегорическое сочинение ритора Марциана Капеллы «О браке Меркурия и Филологии» (вт. половина V в.) и знаменитый трактат Боэция «Об утешении философией», написанный им в 524 г. в тюрьме перед казнью. Популярность Капеллы и Боэция в Средние века, возможно, способствовала дальнейшему возрастанию интереса к прозиметру. Выдающиеся произведения зрелого Средневековья в этом жанре — «Плач природы» Алана Лилльского и «Космография» Бернарда Сильвестра (XII в.), но влияния на Саннадзаро они не

оказали. Первым итальянским прозиметром стала «Новая жизнь» Данте, с которой, можно сказать, начался Ренессанс. Задумав свою повесть как художественный комментарий к сонетам и канцонам, написанным в юности, Данте опирался на провансальские сборники, содержавшие прозаические пояснения к стихам, и в итоге создал, по словам И.Н. Голенищева-Кутузова, «первый психологический роман в Европе после гибели античной цивилизации и вместе с тем лучший сборник лирических стихов высокого Средневековья»[8].

Книгу Данте, конечно же, Саннадзаро хорошо знал, и хотя прямых цитат в тексте «Аркадии» не усматривается, налицо заимствование отдельных стилистических приемов «Новой жизни»: в частности, обычай утаивания имени своей дамы; также обсуждение эклог их слушателями у неаполитанца призвано играть роль комментариев к стихам у флорентийского поэта, что иногда давало возможность Саннадзаро, по примеру Данте, высказывать свои мысли относительно сказанного в стихах (например, восхваление Неаполя после Эклоги 10). Плод зрелого твор-

[8] Примечания: 8

Голенищев-Кутузов И.Н. Жизнь Данте. В кн.: Данте Алигьери. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 424.

чества, трактат Данте «Пир» создал традицию художественных комментариев к стихам на почве итальянской литературы и дал впервые на народном языке образец философской прозы, на которую до него пользовалась прерогативой лишь латинская словесность. Традицию Данте закрепил Лоренцо Медичи, создавший незадолго до смерти свой «Комментарий к некоторым моим сонетам». Также, в глобальном ключе, можно увидеть и определенные черты сходства романа Саннадзаро с «Божественной комедией». В центре поэмы Данте поставил самого себя, аллегорическое отображение души человеческой, проходящей путь восхождения из темного леса действительности, через ад, чистилище и рай до высшего духовного блага — созерцания Бога. В центре «Аркадии» также поставлена личность автора, который из лабиринта любовных переживаний вырывается в фантастическую страну блаженных пастухов, но итоговое его возвращение в действительность не соответствует оптимистическому финалу поэмы Данте, может быть, потому, что поиски Синчеро устремлены не к любви божественной, а к любви земной, которую в итоге он и теряет за смертью возлюбленной.

«Новая Жизнь» и «Пир» заложили фундамент итальянской прозы, развитие которой связано с именем Джованни Боккаччо, судя по количеству цитат и заимствований, любимейшего писателя Якопо Саннадзаро. В творчестве Боккаччо обычно выделяется три периода, из которых первый, неаполитанский, представляет для нас особый интерес при рассмотрении источников «Аркадии». Влияние творчества Боккаччо на Саннадзаро уместно рассматривать относительно «Филоколо», «Фьямметты» и «Амето», трех выдающихся его сочинений до «Декамерона».

«Филоколо» — написанный прозой любовно-приключенческий роман довольно большого объема, попытка Боккаччо перенести на почву молодой итальянской литературы богатейшую традицию куртуазных романов французского Средневековья. Неслучайно, что в качестве основы сюжета был им выбран анонимный французский роман XII века «Флуар и Бланшефлор», посвященный приключениям двух влюбленных со многими перипетиями и благополучным концом. Переклички с «Филоколо» встречаются на всём протяжении «Аркадии», иногда в виде почти дословного копирования того или иного эпизода. Рассмотрим это на примере централь-

ного эпизода «Аркадии», Прозе 7, когда Карино своими вопросами вызывает Синчеро на откровенность и тот повествует о своей несчастной любви, ставшей причиной его таинственного временного переселения в пастушеский оазис.

Флорио, разлученный с Бьянкафьоре, — пишет Боккаччо, — утратил покой, плачет и призывает ее даже во сне. Утром в его одинокую келью приходит Герцог, озабоченный его состоянием, и говорит: «Поднимись Флорио, ужели не видишь ты, сколь улыбчиво небо. Идем же, возобновим обычные наши забавы». Но, видя его задумчивый, меланхолический вид, продолжает: «О, какая внезапная перемена произошла в тебе, Флорио? Какие мысли тебя одолевают? Что за несчастье случилось с тобою и привело к такой меланхолии?» Несчастный юноша не ответил, лишь умножил плач. Тогда Герцог, проявив еще большую заботу, спросил его: «Поведай же мне по секрету причину боли твоей, чтобы я мог ее смягчить надлежащим советом и утешением, а там бы и помощь оказал».

В подобном же состоянии находится и Синчеро, который в ответ на заботливое обращение к нему Карино как бы сбрасывает бремя с души, поделившись с аркадскими пастухами повестью

своих злосчастий. «После некоторого молчания, — продолжает Боккаччо (Филоколо, III, 4), — Флорио поднял свой заплаканный лик и так ответил ожидавшему Герцогу: «Ваше столь милостивое ко мне обращение побуждает меня ответить вам и показать то, что, как я полагал, откроется вам само... Нежные годы моей ранней юности (как вы могли это знать) я провел рядом со своей любезной Бьянкафьоре, рожденной в доме отца моего в один день со мною. Красота ее, благородные повадки и красноречие породили во мне усладу, и так сильно эта услада одолевала мое юное сердце, что ничего из того, что я видел кроме нее, не радовало меня... И по мере всё крепнущего в те дни огня, мое влечение к ней усиливалось и так возросло, что уже невозможно стало его скрывать, и ей не меньше, чем мне, стала очевидна моя влюбленность... Когда же известие об этом дошло до моего отца, он вообразил, что, отдалив меня от нее, изгонит тем самым из меня всякое воспоминание о ней, хотя, на самом деле, хоть вся Лета влейся мне в уста, не смогла бы погасить его; и то, что я по его воле был удален от нее, не обошлось без тяжкой боли и для моей души и для Бьянкафьоре также. Сюда-то и направил он меня под благовидным предлогом необходимости

учения. Но, пребывая здесь вдали от красавицы, предела моих мечтаний, подвергся я душевному недугу, и боль сердечная не позволяет моему лицу казать веселый вид, в чем вы могли многократно убедиться...»

Тронутый исповедью юноши, Герцог утешает его словами, похожими на те, которыми Карино увещевал Синчеро: «Благородный юноша, мое сострадание к твоей несчастной жизни беспредельно... и я испытал это... или ты думаешь, что нечто может помешать тебе, коли будет твоим заступником тот бог, силе которого ничто не способно противостать? Тебе надлежит веровать, что боги непрестанно заботятся о твоих нуждах, раз они не попустили тебе встретиться здесь с твоей Бьянкафьоре без веской на то причины...»

Схожесть саннадзаровского повествования с боккаччев-ским в столь важном месте романа словно подразумевает, что Синчеро излагает чужую историю любви, выдавая ее за свою собственную. Любовные страдания у Синчеро куда глубже, чем у Флорио, но при их описании Саннадзаро также копирует приемы Боккаччо, в данном случае из «Фьямметты». Доведенный до отчаяния, герой «Аркадии» решает «прибегнуть к крайнему средству ухода от жизни» и лишь

мучительный выбор способа совершения самоубийства удерживает его от рокового шага. То же самое и у мадонны Фьямметты. Она говорит: «без промедления умерщвлю себя, хоть смерть нам ненавистна, но ожидаю ее более благостной, нежели плачевная жизнь. И, остановясь на таком решении, я стала выискивать, какой способ из тысячи выберу я, чтобы лишить себя жизни»[9]. Различные варианты, перечисленные героиней, дают повод Боккаччо лишний раз проявить свою мифологическую ученость, приводя примеры трагического конца античных героинь. Но, как и в случае с Фьямметтой, доводы здравого рассудка удерживают Синчеро от отчаянного поступка, свою любовную скорбь он предполагает вылечить приятной ссылкой. В качестве добровольного изгнанника он сближается с другим боккаччевским героем, а именно, с Филено, скромным рыцарем, соперником Флорио. Не смея поднять очи на прекрасный лик Бьянкафьоре, он тем не менее вызывает ненависть в королевском сыне и вынужден покинуть Марморину, чтобы где-нибудь в пустынном месте оплакивать свою горькую любовь. Сходный мотив, как мы узнаем

[9] Примечания: 9

Пер. М. Кузмина. Здесь и далее «Фьямметта» и «Амето» цитируются по кн.: Боккаччо Джованни. Малые произведения. С. 248-249.

из Прозы 7, подвигнул Синчеро переселиться в страну пастухов. Рассказ героя о постигших его несчастьях составляет ядро романа. И связан этот коренной перелом в повествовании прежде всего с тем, что здесь открывается первоначально обезличенное «я» автора как героя собственного произведения, до тех пор как бы растворявшегося в гармоничных буколических пейзажах. Начиная с раскрытия авторского «я» в рассказе Синчеро, читатель невольно проецирует события, происходящие с героем, на личную судьбу поэта. О его юношеском увлечении Кармозиной собрано недостаточно исторических сведений, однако это не помешало старинным биографам Саннадзаро не ограничивать его аркадское приключение рамками поэтического вымысла, причем архаическая страна вполне могла оказаться живописными окрестностями Неаполя. Право на такое предположение давала связь повествования с романами Боккаччо, который, как это известно, изображал в них прообраз своих собственных любовных отношений с Марией д'Аквино, по легенде, внебрачной дочерью короля Неаполя. Суть любовной истории Саннадзаро передает его биограф, некий Криспо, который сообщает, что, вернувшись по настоянию матери в Неаполь для

глубокого изучения латинского и древнегреческого, молодой поэт оторвался от своих ученых занятий, ибо «влюбился в одну благородную даму из его же собственного Седжио ди Портанова, звавшуюся Кармозиной Бонифаччо[10]». Затем биограф сообщает, что по возвращении на родину из французской ссылки, Якопо узнал о ее смерти, что вынудило его закончить свое произведение в меланхолических тонах. Таким образом, согласно этому свидетельству, судьба сама подсказала автору концовку произведения, которое, ввиду своей бессюжетности, могло бы и вовсе не иметь логического завершения.

Возможно, Саннадзаро столь плотно опирался на Боккаччо не только в знак творческого преклонения перед ним, но и в угоду знатному обществу Неаполя, которое до тех пор еще питало особое пристрастие к произведениям великого писателя, связанным с его пребыванием в их родном городе. Так, в 1478 г. в Неаполе был выпущен в свет «Филоколо» под редакцией Франческо де Туппо с посвящением дону Фернандо Арагонскому, королю Сицилии и Венгрии, как значилось на титульном листе. Востребованность романа

[10] Примечания: 10

Vita di m. J.S., discritta da G.B. Crispo da Gallipoli, p. VI. Innanzi alle *Opere volgari* del S. ediz. Camino, 1723.

доказывается тем, что уже в 1481 г. потребовалось переиздание раннего шедевра Боккаччо. Как мы видим, «Филоколо» явился первостепенным источником «Аркадии» и, видимо, неслучайно.

Литературная традиция буколики на итальянском языке сформировалась исключительно благодаря тому же Боккаччо, потому что все предшествующие опыты в этом жанре, включая «ученые» эклоги Данте и Петрарки, писались на латинском языке. Идиллические эпизоды значительного объема присутствуют не только в «Филоколо», но и в «Филострато», в «Тезеиде», а такие прославленные творения гения, как «Фьезоланские нимфы» и «Амето» и вовсе заложили основу буколики на «народном» языке Италии. И как «Аркадию» Саннадзаро можно признать первым «чистокровным» пасторальным романом европейского Возрождения, то, соответственно, и влияние пасторалей Боккаччо на него заслуживает пристального внимания.

«Амето» открывает второй «флорентийский», самый продуктивный период в творчестве писателя, триумфально завершившийся «Декамероном». Задуманная и, видимо, начатая в Неаполе повесть написана сочетанием прозы и стихов и включает в себя пятьдесят глав.

Стихотворные сочинены в терцинах, причем непосредственно к пастушеской теме относится из них только одна, четырнадцатая, где пастухи Альцест и Акатен спорят о том, где лучше пасти овец — в долине или в горах. В основу сюжета автор включил тему преображения человеческой личности под воздействием любви. Его герой из дикого, почти первобытного состояния восходит на вершину куртуазной галантности в соответствии с идеалом эпохи. Замысел, почерпнутый из «Метаморфоз» Овидия по известной истории циклопа Полифема, раскрылся на почве идей раннего гуманизма по-новому и во всей красе. Пастух и охотник Амето, нравы которого отличались диковатостью, однажды на охоте встречает семь прекрасных нимф, олицетворяющих семь добродетелей, в одну из которых, Лию, он влюбляется. В компании этих нимф и пастухов на празднике в честь богини Венеры он слушает историю каждой нимфы в виде законченной любовной новеллы по образцу будущего «Декамерона». Очищение героя от грубости и невежества совершается в конце праздника, когда Лия окунает его в источник Надежды, открывающий способность познания божественных откровений. В «Аркадии» мы видим нечто

обратное: не грубый пастух удостаивается утонченного общества, а «благовоспитаннейший» (coltissimo) молодой человек нисходит к грубым пастухам, предпочтя их общество ученому кругу неаполитанских интеллектуалов, для которых Аркадия служила недостижимым идеалом, отвлеченным от окружающей действительности. В финале романа Синчеро, подобно Амето, проходит духовную инициацию в виде погружения в таинственное подземное царство. Исследователи даже выявляют лексическое и синтаксическое сходство текстов «Амето» и «Аркадии». И если первое возможно рассматривать только при сопоставлении текстов в оригинале, то сходство синтаксиса наглядно и в переводе:

«Амето», III: «В Италии, затмевающей блеском дольние страны, лежит область Этрурия, ее средоточие и украшение...»

«Аркадия», Пр. I: «На вершине Парфения, не самой низкой горы в пастушеской Аркадии, располагалась приятная равнина, не слишком просторная...»

Далее Боккаччо описывает холм, склоны которого «меж высоких круч густо поросли лесом из буков, елей, дубов, простирающимся до самой вершины». Вдохновившись этим, Саннадзаро

в свою очередь приводит более развернутую картину, описывая рощу так: «двенадцать, а то и четырнадцать деревьев, таких удивительных, превосходной красоты, что любой, увидев их, решил бы, что сама искусница природа испытала великое удовольствие, создавая их». Комментируя это место, русский исследователь[11] пишет: «эта роща, воплощающая культуру, создана природой. Саннадзаро, вроде бы вопреки акценту на мастерстве, говорит о безыскусном порядке (ordine non artificioso). В двух словах заключен ренессансный идеал, и сразу видно, что он непрост».

Повествование обеих книг открывается обязательным полу мифологическим пейзажем, традиционным для буколики. Описанием холма у Боккаччо предваряется появление Амето; также и в «Аркадии» роща, «сотворенная» природой по всем правилам гармонии в искусстве, служит декорацией для пастушеского действа. От начальных проз так и веет театральностью, создается впечатление, что не пастухи, а актеры в их масках произносят заученные речи, постро-

[11] Примечания: 11

Баткин Л. М. Мотив «разнообразия» в «Аркадии» Саннадзаро и новый культурный смысл античного жанра // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984.

енные в риторической пышности.

Амето — охотник; подобно овидиевскому Актеону, во время охоты он случайно встречает свою прекрасную богиню; недаром и Карино, герой единственной вставной новеллы «Аркадии» (Проза 8), сближается со своей возлюбленной в условиях охоты. Подобно Амето, Карино рожден и воспитан в лесу, а его любимая с нежного возраста посвящена служению Диане, что заставляет ее сравнивать с Лией. Еще одним существенным сходством обеих пасторалей является описание сельского праздника: у Боккаччо это чествования богини Венеры, когда происходит окончательное преображение пастуха-охотника Амето, а у Саннадзаро — Палилии в Прозе 3, списанные, кстати, с «Фастов» Овидия; здесь происходит встреча пастухов с группой пастушек, среди которых на первый план выступает Амаранта, в образе которой старинные исследователи видели Кармозину[12].

Помимо Боккаччо, на Саннадзаро оказали влияние и другие итальянские поэты, прежде всего, Петрарка и Полициано. Реминисценции из Петрарки в большом количестве встречаются в

[12] Примечания: 12

О влиянии Боккаччо на Саннадзаро можно говорить еще много. Подробнее по данному вопросу см.: *Scherillo 1888,* Introduzione, VIII.

соответствующих лирических фрагментах «Аркадии», в частности, в любовных эклогах. К тому же форму обеих канцон (Эклоги 3 и 5) и секстин (Эклоги 4 и 7) Якопо сложил по петрарковским моделям из «Книги песен». С Полициано нашего поэта роднит приверженность к художественной изысканности, бессюжетность поэтического повествования, а также широкая вариативность (например, схожее со «Стансами на турнир» описание деревьев в Прозе 1; обилие ссылок на разнообразные мифы по Овидию в виде перечислений). Как и в «Стансах» Полициано, где, кажется, нет места христианским реалиям и даже не упоминается Бог, пастушеский мир Саннадзаро сплошь языческий с характерным для античных неоплатоников пониманием загробного мира (Эклога 5), а также обрядами жертвоприношений, ритуалов, таинств, изложенных необыкновенно выразительным языком.

Относительно последних заметим, что обилие столь подробно и красочно описанных не совсем привлекательных колдовских обрядов и языческих поверий объясняется не склонностью

Саннадзаро к оккультным наукам[13], а скорей ученой потребностью пересказать как можно больше сведений, почерпнутых из «Естественной истории» Плиния Старшего, основного источника европейского естествознания в Европе вплоть до XVIII века.

Влияние античных авторов на «Аркадию» колоссально. Античные ее источники целесообразно разделять на две группы: древнегреческие и латинские. Будучи звеном, связующим античную буколику (Феокрит, Вергилий) с европейской пасторалью XVI-XVIII веков, «Аркадия» Саннадзаро подобно губке впитала в себя все достижения и особенности жанра за его многовековое существование. Сценами колдовства «Аркадия» обязана Феокриту. В эклогах, а также в прозаических монологах и диалогах пастухов, искусно вплетены многочисленные цитаты из идиллий основателя буколического жанра. Да и сама личность Феокрита символична для Саннадзаро наравне с Вергилием, автором «Буколик», недаром его имя предстает пастухам в храме бога Пана. Знакомство европейских читателей

[13] Примечания: 13

Хотя известно, что Джуниано Майо, учивший юного Саннадзаро древнегреческому, занимался магией и астрологией, о чем косвенно упоминается в «Аркадии», см. Эклога X, 33.

с Феокритом, а также его ближайшими последователями — поэтами Мосхом и Бионом, в ту эпоху только начиналось, в основном благодаря венецианскому книгоиздателю Альду Мануцию, выпустившему феокритовскую инкунабулу в 1495 г. В кругу гуманистов того времени к изучению древнегреческого языка проявлялся острый интерес. Характерно, что Саннадзаро, впитавший знание языка от Джуниано Майо, обращается не только к Феокриту, но и к Мосху и Биону, чьи произведения в то время почти не отделялись от феокри-товских и были мало изучены. Плач Эргасто по Массилии построен строго по образцу мосховского «Плача по Биону» со вкраплением мотивов элегии Биона «Плач об Адонисе» (III век до н.э.) Нехарактерный для итальянских терцин рефрен в Эклоге 11 взят из первой, самой известной идиллии Феокрита: «Песни пастушьей напев запевайте вы, милые Музы!» и звучит в ней столь же органично, как и в древнегреческом оригинале. Тема поэтического плача, топос пасторали всех веков, звучит в романе неоднократно, причем от имени пастуха Эргасто воспеваются усопшие Андроджео (Эклога 5) и Массилия (Эклога 11), персонажи, в которых старинные комментаторы были склонны ви-

деть родителей Саннадзаро. В уста старца Опико вложена проникновенная ламентация о безвозвратно ушедшем Золотом веке и рядом с ней не менее пронзительная инвектива об упадке нынешних нравов применительно к аркадской стране, несмотря на мифическое «блаженство» ее обитателей. В рассказе о пастухе-воре Лачинио из Эклоги 6 первые читатели могли видеть отображение современности, так как в пастушеский роман перекочевало имя реально существовавшего разбойника. Завершающая Эклога 12 служит кульминацией поэтического плача, и роль вымышленного Эргасто здесь исполняет уже Понтано, сошедший на страницы романа в маске Мелизео, чтобы возгласить прощальный гимн бренной земной красоте.

Преемственность литературных источников присутствует и во многочисленных заимствованиях из латинской буколики. Саннадзаро не ограничивается цитацией Вергилия и внушительным числом аллюзий на его произведения — от ранних «Комара» и «Завтрака» до «Энеиды», он активно перенимает буколические приемы у последователей великого мантуанца, поэтов-буколиков Кальпурния и Немесиана. Так, мотив, побудивший Карино рассказать историю своей

любви (поиски коровы, отбившейся от стада) идентичен приему из третьей эклоги Кальпурния, где при тех же обстоятельствах сходятся для беседы пастухи Иолл и Ликид, причем один из них, подобно Карино, обидел свою возлюбленную и ищет пути примирения с ней. Чтение надписей на коре различных деревьев и связанные с этим трудности — прием, введенный Кальпурнием в первой эклоге «Буколик», с блеском применен Саннадзаро для ретроспекции любовных страданий Мелизео (Эклога 12). Отметим, что первым в Европе неаполитанский гуманист постарался обелить Кальпурния от незаслуженной репутации пустого эпигона Вергилия, в которую его облекло сложившееся в веках мнение, опровергаемое многими публикациями последних лет.

В дань античной традиции Саннадзаро вставляет в свой роман экфрасисы (литературные толкования произведений изобразительного искусства). Этот излюбленный прием античных поэтов применялся во всех жанрах древней поэзии — от героического эпоса (щит Ахилла в «Илиаде») до антологических эпиграмм, разумеется, не исключая буколику.

Экфрасисы Саннадзаро, призванные украшать роман подобно архитектурному декору, вносят

оживление в статичный сюжет, отчасти играя роль вставных новелл. В этих живописных сценках из жизни низших божеств античной мифологии, как-то нимф, сатиров, Приапа, автор дает волю воображению, тогда как во многочисленных мифологических аллюзиях, рассыпанных по тексту, он строго придерживается литературных источников, Вергилия и Овидия прежде всего. Первый экфрасис — фантастическая роспись ворот храма Палее в Прозе 3 — явно отсылает нас к «Стансам на турнир», где среди прочего мифо-идиллического реквизита Полициано описывает «тысячецветные ворота» храма Венеры на Кипре, причем с эпическим размахом, начиная с теогонии по Гесиоду и кончая морским триумфом Галатеи; экфрасису в поэме Полициано уделено целых 23 октавы. Саннадзаро, чьи отношения со старшим флорентийским коллегой были сложными, тем не менее воспользовался его примером, но уместил всю широту размаха в сугубо буколических рамках. На фоне изображения нехитрых деревенских занятий мысленному взору зрителя открывается чарующая своей художественной полнотой картина с нимфами, атакуемыми группой сладострастных сатиров. Причем статичность многих сцен «Аркадии»

здесь неожиданно сменяется динамичностью: вот нимфы стоят под сенью каштана, как бы не замечая подкрадывающихся к ним сатиров; вот они срываются в бегство; вот одна залезает на дерево, отбиваясь от козлоногих хворостиной, остальные — вплавь по речке, тут в нескольких словах автор, как волшебной кистью, вызывает в сознании читателя картинный образ обнаженных девичьих тел, поблескивающих меж подвижных струй ручья; и наконец, усталые спасенные девы сушат волосы и остерегают других об опасности. Возникает вопрос: не этот ли потрясающий эстетическим совершенством фрагмент лег в основу пасторальной живописи, бурно развивавшейся в последующие два столетия? Картинка, возбуждающая в нас эстетическое удовольствие, предваряет целую серию мифологических сцен, связанных с буколикой; здесь Саннадзаро-художник вступает на место Саннадзаро-эрудита, компилятора приемов античной пасторальной литературы, и уже не обходится без живописных деталей. Так, при обрисовке спящего Эндимиона вставлена бытовая подробность, призванная оживить образ холодной красоты: охотничья собака обнюхивает сумку хозяина; вместе с тем и здесь Саннадзаро не самостоятелен, — он заим-

ствует данный эпизод из экфрасиса, вставленного в первую идиллию Феокрита. Второй экфрасис относится к традиционному рассмотрению залогов, выставляемых на пастушеских состязаниях. В изображенном на вазе Приапе (Проза 4), поймавшем в объятия нимфу, видится нереализованный в первой сценке ход: любовная погоня увенчалась успехом. Трогательным дополнением служит группа мальчиков, помогающих нимфе против домогательств насильника. Выписанная во всех деталях картина в эллинистическом духе предстает перед читателем полноценным творением изобразительного искусства, созданного силой слова, а не резцом или кистью, что впоследствии вдохновило Пьера Ронсара на поэтическое ее переложение (см. с. 211 настоящего изд.).

Если первые два экфрасиса романа относятся к произведениям искусства заведомо несуществующим, вымышленным, то третий (резьба на кленовом сосуде, Проза 11) предварен ссылкой на знаменитого падуанского мастера Андреа Мантенья, современника автора, что говорит о реальности описанного произведения искусства. Саннадзаро, видимо, с умыслом включил его в повествование, показав тем самым, что его Аркадия — не только земной рай, непорочный и нетро-

нутый цивилизацией, но и часть культурного пространства, в котором творили выдающиеся мастера Возрождения, среди которых наш поэт играл не последнюю роль. Отметим, что изображенная на сосуде «сатиресса» не свойственна античным представлениям, согласно которым такие существа, как сатиры, фавны, кентавры и др. предполагались только мужского рода, что, однако, не мешало живописцам Возрождения запечатлевать их на своих полотнах.

Гомеровское влияние на Саннадзаро не исчерпывается описанием кубков (ср. Кубок Нестора, «Илиада», XI, 632 и след.) или сходством старца Опико с патриархом ахейского войска Нестором. Включенные в «Аркадию» спортивные игры пастухов в память о Массилии (Проза 11) восходят к «Илиаде» и характерны не для пасторальной литературы, а для античного героического эпоса. В романе присутствует весь набор состязаний, взятый у древних эпиков (Гомер, Вергилий, Стаций), за исключением невозможных в пасторали конных бегов, которые удачно заменены народной игрой по выталкиванию из лунки соперника. Используя спортивные сюжеты «Илиады» Гомера и «Фиваиды» Стация, Саннадзаро всё же больше зависит от «Энеиды» Вергилия, в соответствии с

которой описывает приключения при состязании в беге, а также при стрельбе по живой мишени. Важная деталь, что вместо вергилиевской голубки, привязанной к шесту, у Саннадзаро герои целятся в волка, пойманного накануне, в чем сказывается религиозная символичность.

Большое влияние на Саннадзаро оказало и самое позднее творение античной буколики — роман Лонга «Дафнис и Хлоя», из которого заимствована как прозаическая форма, так и мотив вмешательства в повествование богов (Нимфа в Прозе 12). Но, в отличие от Лонга, поэт отказался придать своему произведению черты авантюрного романа, как это сделали его последователи в Испании, Франции и Англии.

Имена в романе также неслучайны. Некоторые взяты из классических произведений, например, Андроджео — из Вергилия и Боккаччо[14]; Партенопей — из Стация и Боккаччо; Клоник — имя одного из друзей мадонны Фьямметты; собака по кличке Меламп фигурирует в «Метаморфозах» Овидия. Другие образованы от мест обитания: Сельваджо — «лесной», Монтано — «горный», Серрано — «долинный», или же связаны с геогра-

---

[14] Примечания: 14
Энеида, VI, 20; Филоколо, I.

фическими названиями: Галичо — из Галисии, Энарето — из Энарии, древнее название острова Искьи, что дает основания видеть в их носителях современников и друзей автора. Большинство имен, по примеру Боккаччо, образовано от греческих слов, расшифровку их можно найти в нашем Указателе. Женские имена образованы от названия растений: Амаранта — амарант, Амендола — миндалевый куст.

В заключение краткого обзора необходимо сказать несколько слов о метрике стихотворной части «Аркадии». Из двенадцати эклог восемь написано в терцинах, причем три из них (первая, вторая и десятая) полиметрические: во всех трех присутствуют фроттолы, а во вторую эклогу дополнительно введены стансы из одиннадцати- и семисложных стихов с «подхватом» строки-рефрена. Форма терцин во времена Саннадзаро стала обычной и даже обязательной для эклог на вольгаре. Начало традиции заложил Боккаччо в «Амето», очевидно, исходя из того, что терцеты Данте как нельзя лучше подходят для аллегорического произведения с элементами мистики. В терцинах до Саннадзаро писали эклоги Лоренцо Медичи, Бенивьени, Боярдо и др., ими же Бернардо Пульчи переложил «Буколики» Вергилия

в 1481 г.

В итальянском литературоведении неоднократно отмечалось, что Саннадзаро не воспользовался классическим размером терцин — одиннадцатисложником (terzina piana), в отличие от Данте, а пошел более трудным путем, предложив свою форму терцин, terzina sdrucciola. Предполагали, что он сам изобрел эту форму для своих эклог. Дактилическая рифма, называемая «скользящей» (ит. «sdrucciola»), в итальянской просодии еще более экзотична, чем в русской. Стихи со «скользящей» рифмой писались и до Саннадзаро[15], но авторитет и слава «Аркадии» оставили честь их введения в национальную литературу за ее творцом. Эклоги шестая, восьмая и двенадцатая написаны на одних «скользящих», тогда как первая, вторая и девятая включают в себя сочетание терцин «piana» и «sdrucciola», в чем видится особый авторский замысел. Разница форм в рамках одной эклоги служит выразительным приемом для передачи смены настроения героев при произнесении ими тех или иных стихов, например, в начале Эклоги 9 экспрессивная пере-

[15] Примечания: 15

Отдельные строфы «Дриадео» Луки Пульчи, «Стансов на турнир» Полициано. Также рифма «sdrucciola» активно разрабатывалась в народной комической поэзии.

бранка пастухов дана на рифмах «sdrucciola», а с переходом на поэтическое состязание меняются и рифмы терцин на классические «piana» (женская рифма). Только одна эклога (одиннадцатая) полностью написана классической терциной. Рифма «sdrucciola» практически эквивалентна русской дактилической, и если вариативность таких рифм в обоих языках довольно широка, то троектратная рифмовка в этом случае составляет существенную трудность, что сказалось и на переводе, да и в оригинале автор нередко что называется «для рифмы» приводит вычурные, иногда придуманные им самим слова либо вводит неожиданные обороты.

Другой редко употребляемый размер, присутствующий в «Аркадии», это уже упоминавшиеся фроттолы, наиболее характерные для неаполитанской поэзии. У Саннадзаро фроттолы — одиннадцатисложные стихи с рифмой на цезуре, использованные им прежде в «Фарсах». Необычное месторасположение рифмы придает стихам и особенное звучание, что приятно контрастирует с терцинами, как бы обтекающими фроттолы со всех сторон. В каждом из трех случаев употребления фроттол они играют свою роль: в первой эклоге — рассказ о встрече с возлюблен-

ной, построенный в виде мадригала; во второй — забавное предостережение о волках; наконец, в десятой — один из важнейших поэтических эпизодов, «темное» сказание Караччоло о бедственном положении пастухов.

Две канцоны, включенные в «Аркадию», составляют метрический диптих и являются совершенными образцами лирики. Их часто включают в антологии как отдельные стихотворения. Обе имеют схему, идентичную двум канцонам Петрарки («Книга песен», CXXV, CXXVI): пять станс по 13 строк с рифмовкой abCabCcdeeDfF и трехстрочная торнада со схемой YzZ. Подобные метрические «игры» с Петраркой Саннадзаро заводил и в своем «Канцоньере», например, в точности воспроизвел сложную систему внутренних рифм петрарковской канцоны CV.

То же можно сказать и о двух секстинах (эклоги четвертая и седьмая), они построены по образцам Петрарки. Отметим двойную секстину в Эклоге 4. Эта редкая форма всего один раз была использована Петраркой (CCCXXXИ). Секстина — разновидность канцоны — имеет итальянское происхождение и является устойчивой стихотворной формой в отличие от канцоны: шесть строф по шесть строк и заключительное трехсти-

шие; вместо рифм окончания строк чередуются в строго определенном порядке и повторяются в трехстрочной торнаде. Игру словами в секстине Саннадзаро приспособил для поэтического диалога-состязания пастухов (соперники «подхватывают» ключевые слова строф друг у друга), прецедентов чего в итальянской поэзии, насколько нам известно, не было, так как секстина позиционировалась только как лирический монолог.

Другие устойчивые формы итальянской поэзии, сонет и октава, в «Аркадии» не нашли отражения, позже их будут активно применять в пасторальных романах многочисленные последователи Саннадзаро наряду с формами их национальной литературы.

IV. «Аркадия» в Европе и в России

«Когда все идеалы добра и доблести в реальной действительности рухнули, одни поэты стали искать их в рыцарском мире, другие — в пастушеской жизни; так на развалинах средних веков возникли рыцарская поэма и идиллия, два поэтических идеальных мира»[16]. Такими словами крупнейший итальянский литературовед XIX в. Ф. де Санктис охарактеризовал место и значение пасторали в культуре Возрождения, мира, противоположного рыцарскому, но столь же утопичного в условиях времени и вместе с тем столь же прекрасного. В другой своей статье он скажет, что, хотя мода на рыцарские романы преградила дорогу пасторали, последняя взяла реванш в конце века, приняв драматическую форму. Люди еще могли ценить прекрасное в ту эпоху, понимая красоту искусства несколько иначе, нежели мы сейчас. Этим и объясняется кажущееся противоречие: произведение, непринятое романтиками и непонятое в наше время (если и понятое, то умом, а не сердцем), ценилось

---

[16] Примечания: 16

Де Санктис. История итальянской литературы. Т. 2. М: Прогресс, 1964.

современниками как недостижимый литературный шедевр, поэтическое откровение гения.

Век XVI, Чинквеченто, культурно зрелый, последний для итальянского Возрождения, открылся «Аркадией» Саннадзаро (1504), вершиной пасторальной литературы, и продолжился выходом в свет «Неистового Роланда» Ариосто (1516), вершины литературы рыцарской. Так на подъеме столетия определились две совершенные модели литературных жанров, главенствовавших в художественной литературе эпохи. Но если эпопее Ариосто суждено было стать кульминацией богатой традиции рыцарских поэм, сложившейся в сравнительно неотдаленное от нее время (Пульчи, Боярдо и др.), то Саннадзаро выпала честь создания традиции как таковой на почве родного языка, а опираться ему приходилось непосредственно на авторитеты античности — как на эллинские (Феокрит, Лонг), так и на римские (Вергилий, Кальпурний). Конечно, в построении своего произведения он несамостоятелен, сильно сказывается влияние Петрарки, Боккаччо и др., не говоря уже об античных поэтах, но эту-то преемственность особенно ценили образованные современники и потомки. Для интеллектуалов эпохи угадывать и выявлять подтексты и реми-

нисценции великих произведений, входивших в круг тогдашних обязательных знаний, было наивысшим наслаждением; если бы Саннадзаро пошел неким своим путем вразрез авторитетам прошлого, он наверняка был бы не понят. Словом, «Аркадия» явилась идеальной моделью пасторали, вобравшей в себя все особенности жанра за более чем тысячелетнюю его историю. Совокупность структурных элементов жанра современным литературоведением определена термином «буколический код». Если бы хоть одно звено этого кода выпало из романа, он не был бы признан образцовым. Такие требования выдвигала сама эпоха, и Саннадзаро блестяще справился с ними, одержав победу в искусстве и в вечности.

Учеными подсчитано, что за период 1504-1646 гг. вышло 66 полных изданий «Аркадии», не считая фрагментарных. Создавались подробные комментарии к ней, причем старинные комментаторы ограничивались, как правило, толкованием мифологических имен и названий, изредка отдельных слов, но не вдавались в подробности композиции и в раскрытие многочисленных аллюзий и реминисценций. Исчерпывающим, итоговым исследованием «Аркадии» признана

работа Микеле Скерилло, подготовившего научное издание памятника в 1888 г., принятое нами за основу при подготовке книги.

Сразу по выходу в свет «Аркадия» завоевала общеевропейскую популярность. Однако в Италии после нее не было создано сколько-нибудь значимого пасторального романа. Буколический жанр прочно закрепился здесь в области поэзии, и популярность стихотворных эклог не затухала. Новое дыхание пастораль обрела, перейдя в область драматургии. К концу века она прочно заняла подмостки при дворах многочисленных итальянских правителей в виде интермедий и лирических драм, постановки которых, как правило, отличались пышностью и великолепием. Наряду с пастухами здесь действовали языческие боги и полубоги (нимфы, сатиры, фавны), а сюжеты отличались усложненностью и запутанностью любовных интриг. От саннадзаровской простоты и прозрачности сочинители пасторалей перешли к вычурно-изощренным формам, близким эстетике барокко. Вершинами жанра пасторальной трагикомедии принято считать «Аминту» Торквато Тассо и написанного отчасти в подражание ему «Влюбленного пастуха» Гварини. В обеих этих пьесах ощутимо влияние

Саннадзаро, и действие разворачивается в условном пространстве Аркадии.

Традиция прозометрических пасторальных романов Возрождения продолжилась в Испании. В 1542 г. посмертно был опубликован роман поэта-воина Хорхе де Монтемайора «Диана» в семи книгах, вызвавший восхищение современников. Действие начинается с того, что протагонист пастух Сирено (от его лица выступает сам автор, подобно Синчеро у Саннадзаро) возвращается на родину, где он проводил счастливые дни вблизи своей неверной возлюбленной. Здесь пастух предается любовным переживаниям наряду с Сильвио, его неудачливым соперником, и пастушкой Сельвахией. По ходу сюжета создается запутанная интрига, позволяющая автору успешно сочетать две традиции, буколическую и романическую. Классическим пастушеским романом признавалась именно «Диана», а в ее изобильных поэтических вставках ощущается прочное влияние Петрарки наравне с Саннадзаро. В чертах пастухов и пастушек испанского романа, в отличие от итальянского образца, отчетливо угадываются изысканные придворные дамы и кавалеры. По горячим следам «Дианы» был опубликован испанский перевод «Аркадии»

(1547 г.), выполненный Диего Лопесом де Айяла и Диего де Салацаром. Но были и прецеденты. Выдающийся лирик испанского Возрождения Гарсиласо де ла Вега (1503-1536) во второй эклоге использовал значительный фрагмент Прозы 8, что способствовало росту популярности неаполитанского поэта в Испании. Превосходно знал «Аркадию» и Сервантес, выучивший язык во время своего длительного пребывания в Италии. Его первый романический опыт — задуманный еще в алжирском плену пасторальный роман «Галатея». Первая его часть вышла в свет в 1585 г., вторая так и не была написана. В нем великий писатель, пользуясь схемой «Аркадии» и «Дианы», выходит за пределы буколического жанра, введя в действие богатый приключенческий материал на основе греческого писателя Гелиодора и дав между прочим превосходные образцы испанской лирики. Явление в финале нимфы, которая оказывается музой Каллиопой, вызывает в памяти Нимфу из Прозы 12, проводницу Синчеро через подземное царство. Но в уста своей богини Сервантес вкладывает не туманное пророчество о смерти дамы, а вдохновенную оду великим поэтам Испании. Значение, которое он придавал первому детищу своего пера, подтверждается

тем фактом, что всю жизнь Сервантес хотел написать продолжение «Галатеи», но эту мечту ему не удалось осуществить. В шестой главе первой части «Дон Кихота» есть шуточное, но довольно любопытное высказывание относительно пастушеских романов. При обследовании библиотеки сеньора Кеханы цирюльник, раскрыв «Диану» Хорхе де Монтемайора, рассуждает о пасторалях следующим образом: «Они не заслуживают сожжения, подобно романам, ибо не причиняют и не причинят такого вреда, как рыцарские романы: это просто занимательное и нисколько не вредное чтение». На что племянница Дон Кихота ему возражает:«.. .может случиться, что сеньор мой дядя, вылечившись от своей рыцарской болезни, начнет читать стихи, и ему вздумается сделаться пастушком и отправиться бродить по рощам и полям, наигрывая на свирели и распевая, а не то и сам станет поэтом, что еще хуже, ибо, по слухам, болезнь эта не излечима и прилипчива»[17]. Стоит добавить, что «заболевание» эпохи пастушескими романами началось с подачи Саннадзаро. Недаром третий пастушеский роман Испании так и назывался «Аркадия» и

[17] Примечания: 17
Сервантес. *Дон* Кихот Ламанчский. Т. 1. М.-Л.: Academia, 1932. С. 87.

принадлежал перу знаменитого Лопе де Бега. Он посвящен любовным перипетиям пастуха Анфрисо, в образе которого изображен герцог Альба, и пастушки Белисарды.

В Португалии влияние Саннадзаро сказалось на творчестве Луиса Камоэнса. Если в любовных сонетах он ориентировался на Петрарку, то в полиметрических эклогах нередко использовал стихотворные формы неаполитанского поэта, обогащая ими национальную литературу. Примечательно, что в пасторальной лирике Камоэнса традиционные для португальской поэзии испанские формы (квин-тильи, глоссы и др.) уступают место итальянским. Так, монологи Белизы в третьей и Афарио во второй его эклогах написаны в форме фроттолы, характерной, как уже отмечалось, только для неаполитанской литературы; метрическая схема канцоны, открывающей вторую эклогу Камоэнса, идентична канцонам «Аркадии», но превышает их количеством станс. Остров Любви в последних песнях «Лузиад» португальский поэт выстраивает по модели идиллического мира «Аркадии»; там, среди античных нимф, воины Васко да Гамы вкушают отдых после понесенных трудов опасного плавания. Первый пастушеский роман вышел в

Португалии только в 1604 г. (через столетие после «Аркадии» Саннадзаро), назывался он «Весна» и принадлежал перу Франсиско Родригеса Лобо (1579-1621), изысканностью стиля заслужившего высокую оценку Сервантеса.

В Англии моду на Саннадзаро ввел блистательный поэт-воин сэр Филип Сидни (1554-1586), одаривший отечественную словесность первым пасторально-рыцарским романом, озаглавленным «Аркадия». В трактате «Защита поэзии» (ок. 1580), литературном манифесте английского Возрождения, Сидни доказывает благотворность сочетания поэзии и прозы на примере Саннадзаро и Боэция и выдвигает тезис о жанровом синтезе пасторального с героическим. «Не пастораль ли заслужила немилость? — восклицает он, — ... стоит ли пренебрегать бедной свирелью, на которой Мелибей пел о страдании народа, притесняемого жестокими лордами и жадными солдатами, а Титир — о блаженстве тех, кто простерт внизу, коли добродетельны сидящие на верху?»[18] Таким образом, через аллюзию на политические подтексты в эклогах Вергилия поэт дает понять, что под внешне отвлеченной

[18] Примечания: 18

Пер. *Л.* Володарской в кн.: Филип Сидни. Астрофил и Стелла. Защита поэзии. М.:Наука, 1982.

и нейтральной оболочкой пасторали кроются высокие гуманистические идеи. Практическим воплощением этих взглядов и стала его «Аркадия», посмертно напечатанная в 1590 г. сестрой поэта графиней Пемброук. Обстановка романа взята у Саннадзаро, правда, с оговорками: в Аркадии Сидни есть, например, свой правитель, герцог Базилий; сюжет построен на основе «Эфиопики» Гелиодора, позднеантичного авантюрного романа. Сидни, видимо, считал, что лишь при совмещении жанров (в данном случае пасторального с героическим) достигается художественная полнота литературного произведения и, напротив, строгое следование канонам одного жанра подразумевает творческую бесцветность. Признавая совершенство стиля Саннадзаро, великий елизаветинец полагает его не только условной моделью для фона, на котором разворачивается действие романа, но и пользуется сходным структурным построением. Как и Саннадзаро, Сидни отделяет равномерно эклоги от проз и делает это с помощью специально введенных интермедий, завершающих каждую из пяти частей романа. Таким образом, авантюрно-рыцарские сюжетные линии расположены симметрично относительно пасторальных частей. «Аркадия» Сидни имела

две редакции, названные соответственно «Старой» и «Новой», Значительно расширенная, вторая редакция не была завершена из-за гибели автора, скончавшегося от ран в бою во время Нидерландской кампании. Пасторальную традицию Сидни продолжил другой великий елизаветинец Эдмунд Спенсер в посвященном ему своем первом произведении «Пастуший календарь» (опубликован в 1579 г.). Здесь, в двенадцать эклог, соответствующих месяцам года, Спенсер включает все составляющие «буколического кода» (диалоги пастухов, любовные песни, плач об усопшем, песенные состязания) и привносит многое от себя, например, английский колорит и необычайную для пасторали тему противопоставления католической и протестантской церквей (эклога «Июль»). Отметим, что и роман Сидни, и сборник эклог Спенсера только в последние годы были переведены на русский язык, но литературоведческий интерес к ним, в том числе и в нашей стране, не ослабевает по сей день. Шекспир, охотно бравший сюжетные ходы для своих драм из пасторальных романов и пьес Монтемайора, Гварини и Сидни, у Саннадзаро позаимствовал имя Офелия, из мужского превратив в женское и дав его знаменитой героине

«Гамлета». В XVII веке к традициям Саннадзаро обращался Джон Мильтон, сочиняя свою траурную идиллию «Люсидас».

Во Франции «Аркадия» Саннадзаро увидела свет в переводе Ж. Мартена, секретаря кардинала Ленонкура, в 1544 году. Переводчик сопроводил текст подробным комментарием в виде словаря, где даны пояснения к именам и географическим названиям, встречающимся в романе. При воспроизведении эклог он пользовался размерами, характерными для старофранцузской поэзии: десятисложник с парной и перекрестной рифмовками, изредка допускал шестисложные строки. В прозаической части Мартен значительно упрощает синтаксические конструкции Саннадзаро, предпочитая разбивать его сложные периоды на отдельные короткие предложения. Избегает он и подчас навязчивых стилистических оборотов оригинала, в частности, излюбленных Саннадзаро литоты и плеоназма. Влияние «Аркадии» испытали на себе поэты «Плеяды», прежде всего Ронсар в своих эклогах и Реми Белло в прозиметрической «Пасторальной поэме». Глава лионской школы поэтов Морис Сэв создал поэму на основе латинского текста Саннадзаро «Ивы», включенного в состав «Рыбачьих эклог». Традиции

пасторального романа во Франции восприняла в следующем веке прециозная литература в лице ее выдающегося памятника, огромного романа Оноре д'Юрфе «Астрея». Подобно своим источникам, «Аркадии» Саннадзаро и «Диане» Монтемайора, «Астрея» также имеет стихотворные вставки различных форм, ее проза развивает приемы стиля барокко, а под обличием пастухов и пастушек проступают черты утонченных аристократов. Уступив место придворной галантности, утонченности и даже манерности, из пасторали окончательно ушла классическая простота и грубоватость сельских пастухов, те черты, которыми так дорожил неаполитанский поэт в угоду античным образцам. Такой оборот соответствовал определенной эстетической программе, установленной вкусами французских читателей данной эпохи.

В Германии в первой половине XVII века пастушеский роман, по сообщению профессоров Фогта и Коха, играл чрезвычайно скромную роль[19], питаясь исключительно переводами; «самостоятельные попытки или вовсе не выходят в свет,

[19] Примечания: 19

Ф. Фогт и М. Кох. История немецкой литературы от древнейших времен до настоящего времени. СПб.: Типография книгоиздат. товарищества «Просвещение», 1901. С. 384.

или не представляют ничего стоящего упоминания». При этом переделка Опицем «Аркадии» Сидни и перевод «Дианы», осуществленный Гарсдёрфером, пользовались большим читательским спросом наряду с «Астреей» в оригинале. Вскоре они были оттеснены модой на французские героико-галантные и политические романы. В дальнейшем небогатая традиция немецких идиллий шла вразрез с романической формой, но оставалась устойчивой, найдя высшее воплощение в лирике Гете.

Русской поэзии, отставшей от западноевропейской на три столетия, а от итальянской на четыре, пришлось за исторически малый промежуток времени наверстывать упущенное. Русский классицизм, главным образом, опирался на французскую литературу и, следуя кодексу жанров, приведенному в «Поэтическом искусстве» Буало, отводил пасторали место в разряде лирики среднего, а то и низкого «штиля». Одна из первых русских идиллий, «Ниса и Тирс» В. Тредиаковского, по своей структуре сближается с народной любовной песней. Обращает на себя внимание строго выдержанная строфическая форма этого стихотворения, отдаленно напоминающего итальянскую канцону. Строфа имеет

схему aBaBcdcda, где строчными буквами обозначены строки двустопного ямба, а заглавными трех- и четырехстопные:

Тогда лежал
На травке Тирс, как не в игрушку
В уме держал
Он Нису там пастушку:
«Ея в селе
У нас красняе
И на земле
Нет, чай, умняе», —
В себе сказал.

Не исключено, что, проведя молодые годы в Париже и вращаясь в академических кругах, Тредиаковский знал о Саннадзаро и об итальянском стихосложении вообще, хотя о каких-либо связях с неаполитанцем в его творчестве говорить не приходится. В эклогах М. Ломоносова «Полидор» и Е. Кострова «Три фации» буколика служила лишь внешним фоном, на котором условные фигуры произносят панегирики в честь конкретного лица или события. Эклоги А. Сумарокова и его последователей ограничены рамками французской ложноклассической школы, они не внесли

ничего нового в развитие этого жанра в России. Из крупных по объему произведений, затрагивающих пастушескую тему, можно упомянуть лишь, пожалуй, одно: ныне прочно забытую поэму Федора Козельского «Незлобивая жизнь» (1769 г.), интересную своими масонскими идеями, но слабую по художественному исполнению. В XIX веке в русских идиллиях отмечается как влияние античных образцов (А. Дельвиг, П. Катенин), так и попытки привнесения в эклогу русского колорита («Отставной солдат» А. Дельвига и «Рыбаки» Н. Гнедича). Идиллия Гнедича, напечатанная в журнале «Сын отечества» за 1822 г., была высоко оценена А. Пушкиным и стала последним образцом отмиравшего жанра, его прощальной вспышкой. Романтизм, в том числе русский, в корне отвергал пастушескую литературу, беспощадно критикуя ее, что сказалось и в Италии, где в это время об «Аркадии» Саннадзаро отзывались негативно, в частности, такие авторитеты, как Алессандро Мандзони и Франческо де Санктис. Незнакомство русских поэтов с Саннадзаро объясняется исторически сложившимися условиями нашей литературы. Не имея в своем распоряжении даже Данте и Петрарки, русская переводная литература XVIII века просто обошла его сторо-

ной. Хотя первый русский перевод «Галатеи» Сервантеса с французской переделки Флориана был опубликован еще в 1790 г.

Советская эпоха не приняла Саннадзаро, конечно, по идеологическим соображениям. Личность родовитого аристократа, владельца земель и замков, придворного, преданного арагонской короне, не подходила ей ни по каким статьям. Вот одна из немногих раннесоветских характеристик «Аркадии» в вынужденной статье «Литературной энциклопедии», издававшейся в 1929-39 гг.: «Ни итальянская природа, ни итальянская деревенская жизнь не проглядывают через условные очертания ее образов. И все же роман показался современникам Саннадзаро весьма актуальным в силу пронизывающего его утонченного изображения чувств. К тому же пастушеские маски «Аркадии» скрывали идеали-зованных неаполитанских аристократов, а весь роман в целом реализовал грезу гуманистически образованной землевладельческой знати Неаполя, проводившей политику рефеодализации Италии».

Сейчас, по выходе романа на русском языке, мы уже видим, что автор этих строк по крайней мере дважды покривил душой, приписав роману свойства, присущие последующей традиции, но

не ему. «Аристократизм» пастухов и придворная галантность свойственны «Диане» и «Астрее», а у неаполитанского поэта аркадские жители — поэты и художники, и если они аристократы, то только «аристократы духа». Само же сочинение Саннадзаро — вечный гимн вольному искусству в слиянии с природой, а не льстивое подношение сильным мира сего. К тому же никаких идей феодальной или антифеодальной политики в «Аркадии» нет. В одном прав советский критик: в романе изображены утонченные чувства, а иначе и не могло быть в эпоху стремлений к нравственному идеалу, возвышающему индивидуум, и отметавшей всё грубое, средневековое. Впрочем, критикуя пастушескую утопию, советская литература взлелеяла свою, не менее далекую от действительности: производственные романы.

Закономерно, что в объемистой «Хрестоматии по западноевропейской литературе» под редакцией Б. Пурищева, вышедшей в 1937 г., о Саннадзаро не сказано ни слова. Но в ее переизданиях (1959 и 1976) «Аркадия» представлена двумя значительными фрагментами: Эклогой 5 в пер. О. Румера и отрывком из Прозы 12 под заглавием «Подземное путешествие из Аркадии в Неаполь» в пер. А. Рубина. Это были первые русские пе-

реводы из нашего романа. В томе «Европейские поэты Возрождения» знаменитой серии «Библиотека всемирной литературы» (1974) опубликован замечательный в художественном отношении перевод Эклоги 3, выполненный Е. Витковским. Он-то и побудил автора этих строк в 2009 г. обратиться к Саннадзаро. При работе над переводом, занявшей 4 года, слишком часто чувствовалось «сопротивление материала», которое всегда служит стимулом для преодоления трудностей.

А. Триандафилиди

АРКАДИЯ

Selvaggio ed Europeo

ПРОЛОГ

Часто высокие и раскидистые деревья, взращенные природой в диких горах, отраднее созерцателю, нежели ухоженные растения, взлелеянные заботливыми руками и услаждающие взоры в пышных садах; также и лесных птиц, распевающих в зеленой листве, слушать намного приятней, нежели в людных городах тех, что в украшенных и уютных клетках уже не радуют нас своей выучкой. Оттого, как я считаю, и выходит, что читать дубравные канцоны, вырезанные на негладкой коре бука[20], не менее приятно, чем приглаженные стихи на ровных страницах раззолоченных томов; и вощёные пастушеские тростинки[21], оглашающие цветущие долины, быть может, звучат приятней лощеных дорого-

[20] Примечания: 20

...дубравные канцоны, вырезанные на негладкой коре бука. — Ср. Вергилий. Экл. V, 13:«.. .словами изрезал кору неокрепшего бука».

[21] Примечания: 21

...вощеных...тростинок. — Ср. Вергилий. Экл. III, 25-26 «...воском скрепленных тростинок».

стоящих самшитов[22] у музыкантов в помпезных залах. А кто сомневается, что для человеческого разума отрадней источник, пробивающийся волей природы из живых камней, окруженных сочными травами, чем все другие, искусственно оправленные белейшими мраморами, сияющими обильной позолотой? Конечно же, никто. Итак, уверенный в том, я могу на этих пустынных побережьях среди внимающих деревьев[23] и немногих собравшихся пастухов как рассказывать грубоватые эклоги, исходящие из самих природных недр, приукрашивая их там, где есть изъяны, так и в сладостной тени под шепот журчливых источников слушать пение аркадских пастухов, при котором не раз, а тысячу раз горные божества, покоренные его сладостью, склоняли свой внимательный слух, а нежные нимфы, забывая о преследовании трепетных животных, слагали свои колчаны и луки к подножью высоких сосен

---

[22] Примечания: 22

. *..дорогостоящих самшитов.* — Метонимия музыкальных инструментов. Древесина самшита считается ценной, идет на изготовление флейт и т.п.

[23] Примечания: 23

... *внимающих деревьев.* — Ср. Гораций. Оды, I, 12, 11-12 «... шли за ним дубы по следам, внимая...» (пер. Н. Гинцбурга).

Менала и Ликея[24]. Отчего и я, если то будет мне дозволено, больше стяжаю славы, приложив к своим устам скромную свирель Коридона, данную ему некогда Даметом[25] как драгоценный дар, звучащую на манер Палладиной флейты[26], которой возгордившийся сатир[27] вызывал Аполлона себе на великое горе. Также уверен я, что лучше тщательно возделывать свой небольшой участок земли, чем из-за плохого ухода обрекать великие утодия жалкому запустению.

---

[24] Примечания: 24

...Менала иЛикея... — Две аркадские горы, любимое местопребывание бога Пана. Упоминание их обеих в связи с Паном — см. Вергилий. Георгики, 1,16-18.

[25] Примечания: 25

...свирель Коридона, данную ему некогда Даметом. — См. Вергилий. Экл. II, 40-41.

[26] Примечания: 26

Палладиной флейты. — Изобретение флейты (дудки) приписывалось богине Афине Палладе. Играя на ней, она увидела свое отражение в воде с безобразно раздувшимися щеками и бросила флейту в реку Меандр.

[27] Примечания: 27

...возгордившийся сатир — Марсий. Он подобрал брошенную Афиной флейту и, возгордившись своей мастерской игрой на ней, вызвал на состязание бога Аполлона, за что тот содрал с него живьем кожу. См. Овидий. Метаморфозы, VI, 382-400. Смысл: автор предпочитает скромную сельскую поэзию (Марсия) возвышенной и величественной (Аполлону).

ПРОЗА 1

На вершине Парфения, не самой низкой горы в пастушеской Аркадии, располагалась приятная равнина, не слишком просторная, ибо то место было узким и неудобным, зато вся поросшая изумрудной травой[28]; и как ненасытные овечки, жадно щиплющие траву, здесь не паслись, то в любое время года зелень там не скудела. Здесь, если я вам не солгу, росло, может быть, двенадцать, а то и четырнадцать деревьев, таких удивительных, превосходной красоты, что любой, увидев их, решил бы, что сама искусница природа испытала великое удовольствие, создавая их[29]. Несколько отдаленные друг от друга, растущие как придется, они своей редкостностью и природной красотой сверх меры облагораживали это место.

Здесь встретится стройнейшая, лишенная уз-

---

[28] Примечания: 28

На вершине Парфения... располагалась приятная равнина... поросшая изумрудной травой. — Ср. Овидий. Метаморфозы, X, 86-88: «Некий был холм, на холме было ровное плоское место,/ всё зеленело оно, муравою покрытое. Тени/ не было вовсе там».

[29] Примечания: 29

...природа испытала великое удовольствие, создавая их. — Ср. Лонг. IV, 2: «И то, что сделала природа, казалось, создано было искусством».

ловатостей ель[30], рожденная стойко переносить все опасности моря[31], могучий дуб и высокий ясень с куда большим числом ветвей, и благодатно раскинувшийся платан; тень от их крон покрывает собой немалую часть прекрасного и обильного луга. А вот дерево с более узкой кроной, чья листва некогда увенчала Геркулеса и стволами которого встарь обратились несчастные дочери Климены[32]. С одной стороны, выделялись извилистый каштан, пышный самшит, со своими остроконечными листиками, ростом превышающий сосну, отягченный тяжеловесными плодами; с другой — тенистый бук, непорочная липа и ломкий тамариск вместе с восточной пальмой, что служит вожделенной и достойной наградой победителю. А меж всеми прочими,

---

[30] Примечания: 30

... *лишенная узловатостей ель*, и далее перечень деревьев. — Ср. Полициано. Стансы на турнир, I, 82 и след.

[31] Примечания: 31

.. *.ель, рожденная стойко переносить все опасности моря...* — Из древесины ели или сосны со времен античности строили корабли.

[32] Примечания: 32

.. *.дерево с более узкой кроной, чья листва некогда увенчала Геркулеса и стволами которого встарь обратились несчастные дочери Климены.* — Подразумевается тополь. Геркулес, совершив свой двенадцатый подвиг (пленение Кербера), по дороге из Аида из веток дерева на Елисейских полях сплёл себе венок. Листья на этом венке те, что смотрели наружу, почернели, поскольку это цвет преисподней, а прижатые ко лбу Геркулеса, стали серебристо-белыми в знак того, что Геркулес

совершал подвиги в обоих мирах. В поэзии связь тополя и Геркулеса (Геракла, Алкида) см. Феокрит, II, 120-121: «священные листья Геракла»; Вергилий. Экл. VI, 61: «Тополь Алкиду любезен...»; Георгики, И, 66: «...с пышным венцом громадное древо Геракла». В тополя превратились гелиа-ды, дочери Климены и бога солнца (Гелиоса либо Аполлона), когда их брат Фаэтон был низвергнут молнией Зевса в реку Эри дан. См. Овидий. Метаморфозы, И, 346 и след.

посередине, близ ясного ручья тянулся к небу прямой кипарис, неподдельно подражающий высоким столпам, так что в него не только юноша Кипарис, но, с позволения сказать, сам Аполлон не погнушался бы превратиться. Названные деревья не только не были столь нелюбезны[33], чтобы их сень возбраняла солнечным лучам проникать в восхитительный лесок, напротив, они были столь милостивы, что редкая здешняя травка была защищена ими от знойной истомы. И как в любое время года приятным было это место, то цветущей весной наипаче, чем во все остальные времена года.

Сюда по обыкновению сходились пастухи, приводя с окрестных гор стада, и здесь в разнообразных и непростых состязаниях мерились они силами: метали тяжелую свайку, стреляли в мишень из лука, упражнялись в легких прыжках

[33] Примечания: 33

Названные деревья не только не были столь нелюбезны.. .-Реминисценция двух мест из Ахилла Татия. I, 1: «Цветы в несметном множестве покрывали луг, деревья и кусты росли в столь близком соседстве, что касались друг друга листьями, сплетались ветвями кроны, образуя над цветами непроницаемую крышу». Ibid. I, 15: «Пышные ветви деревьев сплетались между собой, листья крон перемешивались, цветы и плоды сливались в тесном объятии».

и крепких единоборствах[34], в коих помогала им деревенская смекалка; но чаще испытывали друг друга в пении и игре на свирели, не оставляя победителя без должной похвалы и почета. И однажды случилось так, что все окрестные пастухи собрались здесь вместе со своими стадами, и каждый по своему соображению стал измышлять, чем бы развлечься, какой бы чудесный праздник устроить; кроме одного Эргасто[35], который, не в силах ни говорить, ни чего-нибудь делать, сидел у подножья дерева, позабыв и себя самого, и стада свои, будто утес иль чурбан какой-либо, несмотря на то, что прочих пастухов превосходил он приятностью и приветливостью. Проникшись состраданием к несчастному, Сельваджо, чтобы хоть немного ободрить его, дружественно и громко обратил к нему сии речи:

---

[34] Примечания: 34

...пастухи...стреляли в мишень из лука, упражнялись в легких прыжках и крепких единоборствах. Ср. Вергилий. Георгики, И, 530-531: «...вешают тут же мишень, пастухи в нее дротики мечут./ Для деревенской борьбы обнажается грубое тело».

[35] Примечания: 35

...кроме одного Эргасто... и далее до конца «прозы». — Ср. Боккаччо. Филоколо, III, 195: «...и пришли они в сад, где Флорио пребывал в скорби, исполнясь думами в одиночестве; застали они его, задумчиво склонившим белокурую голову на левую руку, и они, окинув его сострадательным взором, такие речи обратили к нему...»

ЭКЛОГА 1

СЕЛЬВАДЖО, ЭРГАСТО

СЕЛЬВАДЖО

ЭРГАСТО

СЕЛЬВАДЖО

ЭРГАСТО

Почто задумчив, грустен, мой Эргасто,
Как погляжу я? Овцам нет пригляда,
Разброд такой чреват бедою часто![36]

У речки та вон выбилась из стада;
Вон два барана прянули друг к другу,
И точно: будут биться до упада.[37]

Как победитель славен на округу!
Бегут за ним, и горе побежденному:

---

[36] Примечания: 36

Пассаж заимствован у Кальпурния. См. Кальпурний. Экл. V, 5 и след.

[37] Примечания: 37

Ср. Вергилий. Георгики, II, 525-526: «Козлы, на злачной сойдясь луговине,/ сытые, друг против друга стоят и рогами дерутся». Также см. Овидий. Фасты, IV, 101. Лонг. I, 14.

Пуститься прочь гонимому по лугу.

Вот, гладу покорясь неутоленному,
Добычу волки ждут, но спят собаки,
Ведь не до них хозяину бессонному.

Уже в лесах свивают гнезда птахи,
Снега нисходят с гор, растаял иней,
И поднимаются под солнцем злаки.

Вот-вот цветами запестреть долине,
Ветвям покрыться зеленью густою;[38]
Ягнята щиплют травку на равнине.

Венерин сын готовит лук свой к бою,
Чтоб ранить им, не зная пресыщения,
И сердце обратить сухой золою.

Уж Прокна, возвратясь в сопровожде-нии
Кекропиды-сестры из стран далеких,

---

[38] Примечания: 38

...поднимаются под солнцем злаки...ветвям покрыться зеленью густою... — Ср. Овидий. Фасты. I, 151-154: «И набухают опять почки на ветвях кустов/ Каждого дерева ветвь покрывается свежей листвою/ И разрастается вновь злаков трава на земле».

Рыдает о старинном преступлении.[39]

И правда, нынче пенье столь немногих
Разносится в тени дерев, что мнится,
Живем средь скифов, варваров жестоких.

С тобою в пенье мало кто сравнится,
Стихи слагаешь, фроттолы умело;
Спой, ибо ласкова Весна-царица.

Сельваджо мой, не Прокну с Филомелой,
А сов я вижу да мышей летучих
Во мраке сей пещеры опустелой.

Сама весна не дарит дней мне лучших,[40]

---

[39] Примечания: 39

.Прокна.. .рыдает о старинном преступлении.-I.e. прилетели ласточки. Прокна отомстила своему мужу Терею за то, что тот обесчестил и ослепил ее сестру Филомелу. Она убила своего сына Итиса и подала Терею его плоть в качестве угощения. За это «старинное преступление», Прокна была превращена богами в ласточку. См. Овидий. Метаморфозы, VI, 438 и след. *Кекропиды-сестры.* — Имеется в виду Филомела, дочь афинского царя Пандиона. По отцу она соответственно потомок легендарного основателя Афин, царя Кекропа.

[40] Примечания: 40

Сама весна не дарит дней мне лучших... — Ср. Петрарка. Книга песен, IX, 14: «Не для меня дары несет весна» (пер. А. Эфроса).

Цветов благих, травы не вижу росной,
Одни шипы терновников колючих.

И нет просвета в хмари дожденосной,
И ясный день, столь теплый и погожий,
Мне зимней ночью чудится морозной.

Пусть гибнет мир, не испытаю дрожи,
Крушенья жажду с чувством я особым,
И слаще думы нет для сердца всё же.

Страшусь громов, раздавшихся над скопом
Гигантов Флегры, воды призываю,
Что скроют землю новым злым потопом.

Ты мнишь, что мне, когда я так страдаю,
О бедном, жалком стаде печься любо?
Что отогнать надеюсь волчью стаю?

Я жажду одного в тоске сугубой:
Сесть у подножья ясеня иль клена,

Сосны густой иль пробкового дуба,[41]

Мечтать о той, что мучит непреклонно,
Как лед сама; заботы нет мне более,
Чем тосковать, страдая, как влюбленный.

Тебя в такой увидев меланхолии,
Скалою становлюсь от удивления,
Ответь же мне, ведь мучусь поневоле я,

Кто дева та, чье гордое презрение
Твой лик покрыло бледностью такою?
Открой же тайну и развей сомнение.

Ягнят однажды вел я к водопою,
Вдруг предо мною вспыхнул свет у речки;
Кудрей колечки стали мне силками,
А в сердце пламя лик разжег небесный,
Чей цвет чудесный молока белее
И роз алее; вся душа горела,

---

[41] Примечания: 41

Ср. Мосх. I, И: «Мне же так сладостно спится в тени густолистых платанов...»

Хоть не терпела бремени доселе.
Сношу я еле то ярмо на шее,
А тяжелее знал ли кто на свете?
Попал я в сети красоты лукавой.
Лик величавый вижу постепенно,
И вот колено плавно приподнялось,
Мне показалось: небо запылало;
Покров стирала, пела нежным гласом.
Но горе! Разом прекратила пенье,
Мое явленье возмутило деву,
Ее напеву уж не мог внимать я;
Схватила платье, чтоб покрыть им тело;
По пояс смело погрузилась в воды,
И от невзгоды пал я, чувств лишившись.
Ко мне склонившись, дева утешала
И слез немало пролила в испуге,
На крик с округи пастухи сбежались,
Все сокрушались в чувствах благолепных,
Сто трав целебных применили с горя.

И чувства вскоре я обрел, но только
Мне жизнь нисколько не мила отселе,
Мне нет веселья, раненый, терзаюсь.
Она ж, раскаясь, возвратилась вскоре,
Но сердце — горе! — завлекла в ловушку.

Свою пастушку гордую и строгую
Зову и день и ночь, она же, дивная,
Как будто лед — ей сердце не растрогаю.

Лесам известна песня заунывная,
Все горы знают, люди и животные,
Как от любви рыдаю непрерывно я.

И ведают сильваны беззаботные,
Колькрат на дню вздыхаю, все деревия
И все стада, что здесь пасу, несчетные.

Несется эхо, и ловлю напевы я,
Что, отозвавшись, слух ласкают звуками,
И слышу имя этой юной девы я.

О ней лишь речь меж вязами и буками,

На чьей коре стихи мои читаются,

К слезам и пенью понужден я мука-ми.[42]

Из-за нее быки мои сражаются.

[42] Примечания: 42

Ср. Проперций, I, XVIII, 19-22: «Будь же свидетелем мне, — коль знакомы деревья с любовью,/ бук и аркадская ты милая богу сосна!/ О, как тебя я зову под укромною тенью деревьев,/ как постоянно пишу «Кинфия» я на коре». 94-105. Ср. Петрарка. Книга песен, CCLXXXVIII, 9-14.

ПРОЗА 2

Каждый из нас проникся состраданием, не уступающим изумлению от услышанных прежалобных излияний Эргасто; его слабый голос, подавленный тон, побуждавший больше вздыхать, нежели молчать, а вдобавок лицо бледное и изможденное, взъерошенные волосы и отяжелевшие от чрезмерного плача очи[43] дали пищу нашему великому огорчению. Но после, когда он умолк, и звуки, раздававшиеся эхом в роще, улеглись, ни у кого из пастушеского сборища сердце не осталось столь черствым, чтобы он возвратился к прерванным забавам либо озаботился тем, чтобы выдумать новые. На самом деле, каждый столь сильно поддался чувству участия, что насколько мог и умел, старался утешить его, остерегал от повторения прежнего заблуждения, придумывал различные советы, которые куда легче давать, нежели им

[43] Примечания: 43

.. .лицо бледное и изможденное.. .отяжелевшие от чрезмерного плача очи.. .-Ср. Боккаччо. Филоколо, IV, 275: «...ни одного оттенка не оставалось на его лице, а глаза его, от долгого плача, окаймились багровыми кругами и покраснели, ввалившись в глазницы».

следовать[44]. Затем, увидев, что солнце клонится на закат, и что надоедливые сверчки начинают стрекотать в земных ложбинках, в предчувствии наступления сумерек мы не смогли примириться с тем, чтобы несчастный Эргасто оставался здесь в одиночестве, и словно через силу поднялись все вместе со своих мест и неспешным шагом повели спокойные, кроткие стада к привычным загонам. И чтобы немного развеять скуку пути по каменистой тропе, поочередно каждый заиграл на своей свирели, силясь спеть какую-нибудь новую песню; кто-то утихомиривал собак, кто-то выкликал овечек по именам; иной жаловался на свою пастушку, а иной по-сельски похвалялся своей; некоторые сыпали грубоватыми прибаутками; и так мы шаг за шагом, балагуря, наконец достигли соломенных хижин и пришли домой.

Но, когда прошла таким манером череда дней, случилось, что среди прочих был и я и, как заведено у пастухов, пас своих овечек на сочных травах. Когда же мне показалось, что от долгого зноя лучше укрыться в приятную тень, где вете-

[44] Примечания: 44

...советы, которые куда легче давать, нежели им следовать. — Ср. Теренций. Девушка с Андроса, акт I, сц. I: «Здоровые, легко больным даем советы умные». Боккаччо. Фьямметта, I, 15: «Увы, — сказала я тогда, — насколько легче это говорить, чем делать!»

рок свежим веянием дал бы отдых и мне и стаду, я направился в тенистую благодатную долину, лежавшую менее чем за полмили; не спеша, со своим привычным гомоном, шли за мною подвижные мои стада в прохладный лесок. Не пройдя еще и толики пути до желанного приюта, я случайно встретил пастуха, звавшегося Монтано, который так же, как и я искал спасения от томящего зноя; на его голове был убор из зеленой листвы, защищавший от солнца, он гнал свое стадо впереди себя, так сладостно наигрывая на свирели, что, казалось, лес становился веселей, чем обыкновенно.

Очарованный его игрой, я словами, приставшими простому человеку, обратился к нему: «Друг, пусть благосклонные нимфы обратят слух к твоему пению, и вредоносные волки не смогут задрать твоих ягнят, и они, нетронутые, с белейшей шерстью, чтобы давали тебе щедрый прибыток; также и мне позволь услаждаться твоей песней, коли не в докуку тебе буду, с тобой и жаркий путь тогда покажется короче[45]. И дабы не полагал, что твои труды пойдут по ветру, знай, что я обладаю

[45] Примечания: 45

Друг, пусть благосклонные нимфы обратят слух к твоему пению... и далее. — Образцом для такого пожелания послужил Вергилий. См. Экл. IX, 30 и след.

посохом из узловатого мирта, у посоха оба конца украшены полированным свинцом, а навершье — вырезанной рукой Каритео (того волопаса, что пришел к нам из плодородных испанских земель) головой барашка с рогами столь удивительной работы, что Торибио, богатейший из всех пастухов, предлагал мне за него пса, преотважного волкодава, но ни лестью, ни уговором меня не преклонил, сколь ни выпрашивал его[46]. Сей посох, коли пожелаешь спеть, будет твоим».

Тогда Монтано, не заставив возобновлять просьбы, приятным голосом начал так:

[46] Примечания: 46

.. .я обладаю посохом из узловатого мирта... Торибио... ни лестью, ни уговором меня не преклонил, сколь ни выпрашивал его. — Обещание посоха в награду за песню и отказ его подарить другому — см. Вергилий. Экл. V, 88-90.

ЭКЛОГА 2

МОНТАНО, УРАНИО

МОНТАНО

УРАНИО

МОНТАНО

УРАНИО

МОНТАНО

УРАНИО

МОНТАНО

УРАНИО

МОНТАНО

УРАНИО

МОНТАНО

УРАНИО

МОНТАНО

УРАНИО

МОНТАНО

УРАНИО

Под нежных буков сень скорей придите,
Вы, козочки мои, набили чрево,[47]
А солнце жгуче и уже в зените.

Послушайте высокие напевы
В честь белых локонов, очей и дланей
Той, перед кем земные меркнут девы.

Ручей мне вторит сладостью журчаний,
Вы ж травку щиплете с листвой зеленой
И нежными цветами на поляне.

То человек иль камень отдаленный?
Я вижу: спит, простершись, как на ложе,
Он на земле, трудами утомленный.

По росту судя, по плечам, одеже,
То человек, с ним белый пес поджарый.
Увидел я Уранио, похоже.

---

[47] Примечания: 47

Ср. Вергилий. Экл. VII, 44: «С пастбищ ступайте домой, честь по чести ступайте, коровы».

Да, это он. А у его кифары[48]
Столь звучный лад, что, верю, дивным гласом
Свирель моя как раз ей будет парой.

Нам, козопасам, вор жестокий страшен:
Охоч до брашен, бродит волк в округе.
О сколько, други, от него тревоги!
Есть две дороги: путь готовый, скорый
Лежит чрез горы, та стезя открыта,
Гони бандита! Путь второй змеится,
Где волк таится, никогда не спящий,
В кустах следящий за стадами чутко.
Но мне не жутко — верно, знаю толк я
И чую волка; ну же, козы, ну же!
Вас веткой дюже ловко погоняю,
Пройти я чаю через лес дремучий.
Просить ли случай мне прийти в подмогу,

---

[48] Примечания: 48

Кифара — струнный, с костяным плектром музыкальный инструмент времен античной Греции, основная разновидность лиры. Кифара считалась инструментом Аполлона, и противопоставление ее пастушеской свирели снова отсылает нас к теме противостояния Аполлона и Марсия (см. примеч. 8 к Прологу).

Чтоб на дорогу выбраться скорее
И не робея? Вам же, козы, нужно
Сплотиться дружно, как обычно, стадом.
Волк, знаю, рядом. Мы его заметим,
Ведь утром этим слышал шум я скверный.
О, пес мой верный Адр, Меламп мой скорый,
Гоните вора и со смелым лаем.

А мы-то знаем, знаем, как ужасно
Коварство волчье, погоняем стадо;
Нам никакая зависть не опасна.

Коль мудр пастух, за крепкою оградой
Он держит скот, прочны его загоны,
Ведь лай собак не сдержит козокрада.

И никогда не терпит он урона:
И шерсть, и млеко вдоволь прибавляются,
Будь зелены леса, будь оголенны.

Он мартовского снега не пугается,
Коз не теряет и беды не чует,

Так что с судьбой в ладу он обретается.

Его ягнят ничто не зачарует,[49]

Ни травы, ни заклятья колдовские;

Наш вздох его нимало не волнует.

Ему не страшны волки никакие —

Знать, от богатых волк на расстоянье.[50]

А что же нам вредят они, лихие?

Прийти сюда влекло меня желанье

Любовные страданья

Излить, свирелью оглашая высь.

Уранио несчастный, пробудись!

Да что с тобой, очнись!

День с ночью, друг, ты спутал, как ни странно!

Я ночью в этом гроте спал, Монтано,

---

[49] Примечания: 49

Его ягнят ничто не зачарует... — Имеется в виду порча, по народным поверьям, наводимая на стада завистниками. Литературный источник — Гораций. Эподы, XVII,

[50] Примечания: 50

«Не угрожают скоту в той стране никакие заразы,/ и не томится он от солнца знойного» (пер. Н. Гинцбурга).

Но полночью туманной
Я псами был разбужен — лай не молк;
И закричал я: «Волк! Смотрите: волк!
Вперед же, други, волк!»
И до прихода дня забыл о ложе,
Всё стадо по рогам считал я в дрожи,
Под этим вязом всё же
Я наконец-то покорился сну.[51]

Споешь со мною? Первый я начну.

Я песню затяну
Тебе в ответ по твоему уставу.

И как же мне воспеть любовь на славу?
Не горькую ль отраву?[52]
Начну ли так: «Душа моя благая...»?
А может быть: «Планида роко-

---

[51] Примечания: 51

Этот рассказ Монтано навеян эпизодом из романа Лонга Софиста. См. Лонг. I, 21-22.

[52] Примечания: 52

Выбор песни с приведением различных ее вариантов см. Вергилий. Экл., IX, 37-45.

вая...»?[53]

Любя и обожая,
Полдня вчера я пел о ней в селенье.

Слезами исхожу и ночь, и день я;
Так снег на солнце тает
Иль на ветру мятущиеся тучи.
То рок мой неминучий.
Я знаю, что страдать мне подобает.

Я знаю, что страдать мне подобает,
Как воску от огня
Или костру, что заливают воды;[54]
Я не ищу свободы,
Мучение — отрада для меня.

Мучение — отрада для меня.

---

[53] Примечания: 53

Планида роковая... — в ориг. *cruda Stella,* букв, «жестокая звезда». *Планида* — устар., близкий к просторечию синоним доли, участи, судьбы (как правило, тяжкой и несчастной).

[54] Примечания: 54

...страдать мне подобает,/ как воску от огня/ или костру, что заливают воды... Влияние Петрарки. См. Петрарка. Книга песен, CXXXIII, 1-3: «Я выставлен Амуром для обстрела,/ как солнцу — снег, как ветру — мгла тумана,/ как воск—огню» (пер. З. Морозкиной). Ср. Боккаччо. Ворон: «...но с сердцем произошло то же, что и со снегом на солнце, когда он превращается в воду» (пер. мой. — *А.Т.).*

Пою я и танцую,
Пою, танцую, а беды не ведаю,
За василиском следую.[55]
Так я приемлю долю роковую.

Так я приемлю долю роковую;
На злачных побережьях
Цветы и травы свежие срываю,
Венки из них сплетаю,
Хоть вызову слезу в глазах медвежьих.

Филлида, ты белей цветов каштана,
Пурпурнее лугов в апреле нежном,
Оленя ты проворней,
Со мною же упорней
Той, что однажды победила Пана[56]
И стала хрупким тростником прибрежным;
В награду мне за тягости такие

---

[55] Примечания: 55

За василиском следую... — Василиск — злой дух или дракон из средневековых легенд. Среди фантастических свойств, ему приписываемых, основное — это способность убивать или завораживать взглядом.

[56] Примечания: 56

...той, что однажды победила Пана... — Сравнение с Сирингой, аркадской нимфой, которую полюбил бог Пан и которая превратилась в тростник. См. Овидий. Метаморфозы, I, 689 и след.

Развей по ветру кудри золотые.

Тиррена, ты как роза из бутона,

Ты цветом с чистым молоком сравнилась,[57]

Бежишь резвее лани,

Ты — цель моих желаний,

Но ты жесточе фессалийки оной,

Что первым лавром древле обратилась;[58]

Чтоб ранам сердца исцелиться скоро,

Дай видеть очи, где гнездо Амора.[59]

О пастухи, послушать нас пришли вы,

Кресало отыщите вместе с трутом,

Костер зажгите в поле,

---

[57] Примечания: 57

Ты цветом с чистым молоком сравнилась... — Сравнение цвета кожи возлюбленной с молоком см. Феокрит, XI, 20; Анакреонт, XXVIII; Проперций, III, 2.

[58] Примечания: 58

...фессалийки оной,/ что первым лавром древле обратилась. — Сравнение с Дафной, фессалийской нимфой, которую полюбил бог Аполлон и которая превратилась в лавровое дерево. См. Овидий. Метаморфозы, I, 452 и след.

[59] Примечания: 59

...очи, где гнездо Амора. — Ср. Петрарка. Книга песен, LXXI, 6: «И дивны очи, где Амор гнездится» (пер. мой. — *А.Т.).*

Мне ж — саламандры доля:[60]
Как это чудо, горько и счастливо
Живу в огне я крепнущем и лютом
Со дня того, когда увидел очи,
Горю и леденею дни и ночи.

О пастухи, бегущие от зноя
В спасительную тень, ища прохлады,
Где ток струится синий,
Ко мне придите ныне,
Чтоб неутешных слез моих волною
Оплакал я надежды и отрады,
Которых был лишен, увидев руки,
Обрекшие меня на страсть и муки.

Нисходит ночь, темно на небосклоне,
Завесой мглы покрылись склоны горные;
Луна сияет в ярких звезд короне.

---

[60] Примечания: 60

Мне ж-саламандры доля.. .-Ср. Петрарка. Книга песен, CCVII, 40-41: «Питаюсь смертью и в огне живу,/ нелепый корм, я саламандре пара...» (пер. мой. — *А.Т.).* Саламандра, согласно средневековым поверьям, существо огненной стихии. Изображается в виде маленькой ящерицы. Сравнение с саламандрой влюбленного, который подобно ей живет и питается любовным огнем — топос лирической поэзии эпохи.

Уже готовы козы, мне покорные,
Покинуть лес, ведь знают, что пора им
В свои загоны двинуться просторные.

Уранио, что время мы теряем?
Пойдем со мной, друзья нас дожидаются,
Тревожатся, небось, что заплутаем.

Друзья, Монтано, вряд ли сокрушаются,
Что медлю я со стадом; и во благо
Заботой обо мне не угнетаются:

Есть хлеб в суме, и есть хмельная влага...
Ты задержись со мной, пойду едва ли я,
Пока не опустеет эта фляга.

А может статься, и гроза не далее.

ПРОЗА 3

Уже смолкли оба пастуха, искусные в пении, когда все поднялись со своих мест, оставив Уранио с его двумя товарищами, и погнали дальше овец, большей частью находившихся под охраной верных и бдительных собак. И хотя развесистые ветви бузины, покрытые благоуханными цветами, заполняли собой всю тропу, как будто оплетая ее, лунный свет был столь чист, что освещал нам дорогу, и было ясно словно днем. И так, продвигаясь шаг за шагом, шли мы сквозь тихую и ясную ночь[61], обсуждая услышанные песни, и толковали друг с другом о том, сколь чудесно и неожиданно начал их Монтано, и о том, с какой уверенностью отвечал ему Уранио; он, почти не спавший до этого и с большим трудом пробудившийся, всё же начал петь, ничем не умалив заслуженной похвалы. Посему каждый из нас возблагодарил милостивых богов за то, что совсем негаданно получили мы великое удовольствие. И пока мы шли и вели такие речи,

---

[61] Примечания: 61

...*сквозь тихую и ясную ночь*... — Ср. Петрарка. Книга песен, CCXXVII, 28: «Средь сладкой тишины, что дарит ночь» (пер. А. Эфроса).

случилось, что сипло затоковали фазаны в своих жилищах, и мы часто останавливались, чтобы послушать их, прерывая разговоры, казавшиеся нам столь занятными, что, если бы не было этой приятной помехи, мы продолжали бы их по заведенному порядку. В таких развлечениях дошли мы, наконец, до наших хижин, где, сперва подкрепившись сельскими кушаньями, легли спать на привычную солому, с великим нетерпением ожидая наступления следующего дня, когда со всей торжественностью будет справляться веселый праздник в честь богини Палее, чтимой всеми пастухами.

Из почтения к ней[62], как только на востоке взошло солнце, и сладкоголосые птицы в зеленых ветвях возвестили о приближении дня, каждый из нас, поднявшись, принялся украшать свое стадо изумрудно-зеленой листвой дуба и земляничного дерева и развешивать над дверями

---

[62] Примечания: 62

Из *почтения к ней...и* далее. — Палее — древнеиталий-ская богиня плодородия, чтимая пастухами. В древности ее отожествляли с Вестой или Опис, матерью богов. В честь нее в Древнем Риме справлялся праздник Палилии 21 апреля, считалось, что в этот день ею был основан город пастухов. См. Проперций. IV, 4,73 след.: «Праздник в городе был (Палилии назван у предков)/ С этого первого дня начали стены расти...». Овидий. Фасты, IV, 721-746. В описании приготовлений к Палилиям Саннадзаро следовал Тибуллу (II, 1). Элегия Тибулла посвящена празднику освящения полей.

большие венки из листвы, цветов дрока и других растений; после чего, воскурив чистую серу[63], мы стали обходить свои накормленные досыта стада с благочестивыми молитвами, дабы никакое зло, будь то недуг или порча, не коснулось их. По тому же поводу каждая хижина оглашалась звуками различных музыкальных инструментов. Каждая улица, каждый закоулок и закуток были осыпаны зеленым миртом. Все животные ради священного праздника были освобождены от работ и предались желанному отдыху[64]. Плуги, грабли, мотыги, оглобли и ярма подобным же образом были украшены венками из свежих цветов, что свидетельствовало о праздности. Не нашлось ни одного земледельца, который бы в этот день задумал прилагать силы для какой-нибудь работы; все резвились в занятных играх вокруг увенчанных быков у наполненных корму-

[63] Примечания: 63

... воскурив чистую серу. — Воскуренная сера с древнейших времен считалась средством очищения от злых духов. См. Феокрит, XXIV, 96-98: «Вы же дом свой, очищенной серой/ весь окурив, окропите зеленою свежею веткой...»

[64] Примечания: 64

Все животные ради священного праздника были освобождены от работ и предались желанному отдыху... и далее. — См. Тибулл. II, I, 5 и след.: «В день святой да почиет земля, да почиет оратай,/ тягостный труд свой прервав, в угол повесит сошник./ Освободите ярмо от ремней: под венками сегодня/ Пусть отдыхают волы, ясли да будут полны».

шек и распевали любовные песни. В то же время непоседливые мальчишки с наивными девушками в знак всеобщей радости упражнялись на улицах в детских забавах.

Но, дабы благочестиво принести обеты, должно было последовать к дымящимся жертвенникам, и мы всей компанией отправились в священный храм. Поднявшись по немногочисленным его ступеням, узрели мы врата с росписью, изображающей леса и благодатнейшие холмы с обилием лиственных дерев со всевозможными плодами, меж коих можно было видеть животных, пасущихся или бредущих по зеленым лугам, а на страже вокруг них было, может быть, с десяток псов; от топота стад клубилась пыль, выписанная так, словно настоящая. Одних пастухи доили, других остригали[65], некоторые селяне играли на свирели, были и такие, что, казалось, с большим искусством пели в такт их игре. Но что нам понравилось больше всего остального, так это нагие нимфы, стоявшие за стволом каштана, как будто намереваясь спрятаться, и одновременно смеявшиеся над бараном, что пытался жевать

[65] Примечания: 65

О*дних пастухи доили, других остригали...* — Ср. Феокрит, XXV, 100-106: «Этот, доить собираясь.../ ноги корове покрепче вязал.../ этот к их маткам любимым телят подводил.../ этот подойник держал...» и след.

дубовый венок, висевший у него перед глазами, забыв о сочных травах вокруг себя. Сквозь заросли к ним тихо-тихо подкрадывались четыре сатира[66] с рогами на голове и с козлиными ногами, верно, чтоб напасть из-за спины; и те, почувствовав опасность, пустились в бегство по густой чащобе, не уклоняясь от терновника или чего-либо, что могло бы их поранить. Из них одна оказалась быстрее прочих, она забралась на граб и отсюда защищалась длинной веткой, которую держала в руках; другие в страхе бросились в речку, чтобы спастись вплавь, и прозрачные воды только слегка скрывали или вовсе не скрывали их белоснежные тела. Позже, когда поняли, что опасность миновала, вышли они на берег, усталые и запыхавшиеся, сушили свои влажные волосы и при помощи жестов и слов, казалось, старались предостеречь тех, кто еще не успел достигнуть берега. В другом месте был изображен белокурый Аполлон, опиравшийся на посох из лесной оливы и пасший стада Адмета на реч-

[66] Примечания: 66

...к *ним тихо-тихо подкрадывались четыре сатира...* и далее. — См. Овидий. Фасты, IV, 141 и след.: «На побережье, нагая, она свои кудри сушила;/ тут подглядела ее наглых сатиров толпа». Описанная сцена, вследствие общеевропейской популярности «Аркадии», получила широкое распространение в пасторальном искусстве и в литературе.

ном берегу[67]. Внимательно следя за стычкой двух могучих быков, бодавших друг друга, он не замечал, как хитроумный Меркурий в козьей шкуре, скрепленной на левом плече, крал у него коров. На том же лугу стоял и Батт, обличитель вора; превращенный в скальный камень, он так и застыл с вытянутым указательным пальцем[68]. Немного ниже был виден Меркурий, что сидел на большом камне и раздувал щеки, играя на свирели; скосив глаза, он смотрел на белоснежную телицу, что стояла рядом, ибо с великой хитростью он замыслил обмануть многоочитого Аріуса[69]. На другой створке врат был изображен пастух, простершийся у подножья высокого дуба и спавший среди своих овец, меж тем как собака обнюхивала сумку[70], лежавшую у него

---

[67] Примечания: 67

Аполлон... пасший стада Адмета на речном берегу... — Ср. Тибулл. II, III, 11 и след.: «Пас ведь и сам Аполлон-красавец тельцов у Адмета...»

[68] Примечания: 68

...Батт... превращенный в скальный камень, он так и застыл с вытянутым указательным пальцем... — См. Овидий. Метаморфозы, II, 680 и след. Меркурий, отомстив пастуху Батту за разглашение тайны,«...коварное сердце/ в твердый кремень обратил, что доныне зовется «Указчик».

[69] Примечания: 69

...Меркурий, что сидел на большом камне... замыслил обмануть многоочитого Аргуса. — Аргус, сын Арестора, многоглазый великан. Согласно Гесиоду, он имел четыре глаза, а согласно Овидию — гораздо больше. У греков имел прозвище «Паноптис», «Всевидящий». По воле

богини Юноны он был приставлен стражем к Ио, превращенной в корову. Меркурий усыпил вечно бодрствовавшего стража игрой на флейте и убил камнем. Описывая Меркурия в сидячей позе, Саннадзаро дает парафраз соответствующего места у Овидия. См. Овидий. Метаморфозы, I, 682 и след.: «Отпрыск Атланта присел, разговором и долгой беседой/ длящийся день растянул и, на дудках играя скрепленных,/ втайне пытался меж тем одолеть сторожащие очи».

[70] Примечания: 70

...пастух, простершийся у подножья высокого дуба...меж тем как собака обнюхивала сумку... — Эпизод имеет аналогию у Феокрита. Ср. Феокрит, I, 47-51: «Там на терновой ограде уселся мальчик-малютка... за ним две лисицы меж лозами бродят./ Первая спелые гроздья ворует, а к брошенной сумке/ ловко подкралась другая...» Отметим, что в обоих случаях это экфрасис, т.е. описание произведения изобразительного искусства.

под головой; и по тому, как Луна радостным своим оком взирала на него, было понятно, что это Эндимион. Близ него был Парис, который серпом выводил на коре вяза имя «Энона»[71]; ему еще не довелось судить обнаженных богинь, представших перед ним[72]. Но столь же утонченной по замыслу, сколь и восхитительной по исполнению была работа предусмотрительного и скромного живописца, изобразившего Юнону и Минерву в такой исключительной красоте, что превзойти ее было бы невозможно, так как он остерегся являть Венеру во всей прелести, как надлежало бы, а изобразил ее со спины, такой хитростью извиняя недостатки своего искусства. И много изящного и прекрасного довелось нам еще увидеть в различных местах этой росписи, о чем сейчас я плохо помню.

Вошли мы в храм и приблизились к алтарю, где,

---

[71] Примечания: 71

...Парис, который серпом выводил на коре вяза имя "Энона".-Ммя наяды, дочери бога троянской реки Кебрена. Энона была первой женой Париса, когда еще он был пастухом на горе Ида. Устремившись за царицей Еленой, Парис вероломно покинул ее. Ср. Овидий. Героиды, V, 21-22: «Имя Эноны прочесть и сейчас еще можно на буках — / буквы, которые твой вырезал ножик кривой».

[72] Примечания: 72

...судить обнаженных богинь, представших перед ним. — Знаменитый суд Париса над тремя богинями, когда он Юноне и Минерве предпочел Венеру, посулившую ему в награду Елену.

в виду изваяния святой богини, увидели жреца, одетого в белоснежные одежды и увенчанного зеленой листвой; и как столь радостному дню пристали особо торжественные обряды, то и весь предстоящий священный ритуал в полной тишине предвещал многие чудеса. В скором времени, собравшись вокруг жертвенника, мы увидели, как своими руками он зарезал белого ягненка и его внутренности благочестиво возложил на жертвенный костер вместе с душистыми маслами, ветвями девственной оливы, сосны, потрескивающего лавра и пучками сабейской травы[73]. Затем, пролив из сосуда теплое молоко, преклонив колени и протянув руки к востоку, он начал так:

«О досточтимая богиня, доказавшая нам уже не раз свою чудотворную силу, склони же свой милостивый слух к самым благочестивым молитвам собравшихся у твоего алтаря. Каждый смиренно просит тебя даровать ему прощение за свои прегрешения, совершенные либо сидя и

[73] Примечания: 73

...пучками сабейской травы. — Сабея (Саба, Сава) — древнее царство на Аравийском полуострове. Аравия еще во времена греко-римской античности славилась благовониями. Ср. Овидий. Фасты, I, 344: «Дымом курился алтарь, довольный травою сабинской». *О досточтимая богиня...*и далее. — Обращение к Палее построено по образцам Овидия и Тибулла. См. Овидий. Фасты, IV, 747-776; Тибулл. II, 19-26.

пася стадо под каким-нибудь из священных твоих дерев, либо зайдя в неприкосновенные твои рощи и потревожив своим приходом святых нимф и козлоногих божеств, либо когда по необходимости вместе с травою докучным серпом лишат тенистых ветвей посвященные тебе рощи с тем, чтобы накормить изголодавшихся овечек, либо — случись сие по неведению — помнут траву на безгласных могилах или замутят ногами живые ручейки, нарушив обычную прозрачность их вод. Ты же, о богиня милосерднейшая, получишь в ответ их почитание, коли отведешь болезни и слабости и от простых стад и от их хозяев. Признаём, что наши глаза не достойны лицезрения в рощах ни мстительных нимф, ни обнаженной Дианы, купающейся в студеной воде, ни лесного Фавна в полдневный час, когда, усталый, он возвращается с охоты и, сердясь на палящее солнце, пересекает широкие поля. Оборони стада наши от всех магических заклятий и всяческого колдовства, что вредит им; призри кротких агнцев, дабы не жгли их сглазом завистливые очи; храни нашу свору отважных псов, защищающих робких овец и зорко следящих за ними, дабы поголовье ни в какое время года не уменьшалось, чтобы к вечеру возвращалось в загоны столько же, сколь-

ко выходило поутру; чтобы никогда пастухов наших не видели плачущими и приносящими в свои жилища окровавленные шкурки, еле-еле вырванные из пасти хищного волка. Да минует нас беспощадный голод, да будет всегда вдоволь травы, листвы и воды чистейшей для водопоя и омовения стад наших; и во всякое время да не обделены будем ни молоком, ни приплодом, ни обилием мягчайшего руна, когда пастухи наши, принимая это, будут радоваться прибытку».

Это было сказано четверократно[74] пока многие среди нас неслышно шептались; затем каждый, в знак очищения, омыл живой речной водой свои длани, и после, когда от соломы зажгли огромные костры, все принялись проворно прыгать через них во искупление прегрешений, свершенных в минувшем. Вознеся благочестивые молитвы, закончив торжественные жертвоприношения, вышли мы через другую дверь на прекрасную равнину[75], покрытую приятнейшими лужай-

[74] Примечания: 74

...сказано четверократно. — Именно столько раз, согласно ритуалу, надлежало обращать молитву к богине Палее. См. Овидий. Фасты, IV, *777-778:* «Так богине молись и скажи это раза четыре,/ ставши лицом на восток...»

[75] Примечания: 75

...на прекрасную равнину... — Ср. Боккаччо. Филоколо, IV, 33: «Прямо перед ним [храмом] была небольшая лужайка, поросшая молодой травкой, достаточно приятная».

ками, на которых, как я полагал, никогда не паслись ни овцы, ни козы[76] и куда не ступала ничья нога, кроме разве что нимф; и доселе еще слышу я, как жужжащие пчелы кружатся, пробуя нектар на нежных цветах, растущих там; такими чудесными и нетронутыми показались мне тогда эти угодия. Здесь повстречали мы много изящных пастушек, что, идя плавной походкой, плели свежие венки; они на тысячу причудливых способов украшали ими свои белые волосы, и каждая силилась мастерством искусства превзойти дары природы. Среди них наш Галичо увидел ту, которую, пожалуй, любил больше всех; не спросив никого из нас, после нескольких пылких вздохов, под звуки свирели Евгения он начал петь, и столь сладостно, что прочие смолкли.

[76] Примечания: 76

...никогда не паслись ни овцы, ни козы... — Ср. Овидий. Метаморфозы, III, 408 и след., XIII, 924 и след.

ЭКЛОГА 3

ГАЛИЧО (ОДИН)

На берегу зеленом,
Где ток бежит игривый,
Где в красочных цветах лесная сень,
Пастух в венке, сплетенном
Из дуба и оливы,
Встал под благую ясеневу тень,
И пел он в третий день
Веселого апреля,[77]
А на кустах приятных
И в кронах благодатных
Ему в ответ звучали птичьи трели;
Он к солнцу взор направил
И так светило славил:

«Пастух небес высокий,

---

[77] Примечания: 77

Зачин эклоги ср. Вергилий. Экл. II, 3-5: «В буковой чаще, в тени раскидистых крон, нестройную складывал песню/ в тщетном порыве швыряя слова нагорьям и рощам...»

Отверзи дверь рассвета,[78]
Румянцем чистым небо осияй!
Яви нам прежде срока
Мир в красках, полный цвета,
Пленительный и вожделенный май;
Повыше путь вздымай,
И пусть твоя сестрица
Поспит немного боле,
Но на небесном поле
Да не простынет ясных звезд станица;
Так ты, о вечно юный,
Пасешь скот белорунный.

Средь долов, гор и пашен,
Средь ольх, платанов, елей
Я песню разнесу простым стихом,[79]
И волк не будет страшен

---

[78] Примечания: 78

Пастух небес высокий,/ отверзи дверь рассвета…-Ср. Вергилий. Экл. VIII, 17: «О Светоносец, явись и впусти благотворное утро».

[79] Примечания: 79

Средь долов, гор и пашен…!я песню разнесу…. Ср. Петрарка. Книга песен, CCXXVI, 1-13.

Ягнятам, как доселе,[80]
И будет мир как в веке золотом.
На дубе вековом
Вдруг розы забелеют;
Тогда кустам крапивным
Стать виноградом дивным,
И груши вмиг, и яблоки поспеют;
Тогда струиться рекам
Чистейшим свежим млеком.

Цветы покроют склоны,
И хищники лесные
Забудут лютость и свирепый глад;
Нагие купидоны,
Без стрел своих, шальные,
Резвиться будут в радостях услад;
Хор молодых дриад
Затянет звучно оды,

---

[80] Примечания: 80

И волк не будет страшен! ягнятам... и далее. — Парафраз описаний Золотого века у античных авторов: ср. Вергилий. Экл. IV, 21 и след.: «Стадо коровье не будет бояться львиных набегов...»; Овидий. Метаморфозы, I, 103 и след.; Гораций. Эподы, XVI, 42 и след.: «Найдем же землю, острова богатые...» (пер. А. Семенова-Тян-Шанского); Клавдиан. Похищение Прозерпины, И, вступ., 25-26: «И беспечного псы молосские зайца ласкают,/ и соседство с собой агнице волк подает».

И фавны, и сильваны
Запляшут, видом странны,
И будут ликовать луга и воды,
И в выси лучезарной
Не станет тучи хмарной.

В сей день благословенный
Душа на свет явилась
И оболочкой облеклась честной;
Через нее мир бренный
Добра познает милость,
Что днесь обращена к нему спиной;
И я в глуши лесной
Пишу на дубе, буке,[81]
Как и на всяком древе
Об Амаранте-деве —
Виновнице моей всечасной муки;
Я лишь ее взыскую,
Пою о ней, тоскую.

Пока холмы и долы

---

[81] Примечания: 81

Пишу на дубе, буке...-Традиционное место в любовной лирике. Ср. Овидий. Героиды, V, 21; Проперций, 1,18.

Зверь дикий населяет,
Пока остры иголки в сосняке;
Пока поток веселый
Радушно принимает
Морская бездна где-то вдалеке;
То в счастье, то в тоске
Пока живет влюбленный,
Я буду славить имя
С кудрями золотыми,
С очами той гордячки непреклонной,
В чьей хладности мне сладость;
И жизнь такая в радость.

Моя канцона, ты ее попросишь,
Чтоб сделалась добрее,
Приветливей, милее.

ПРОЗА 4

Каждый был приятно удивлен пением Галичо, правда, по-разному. Некоторые расхваливали его молодой голос, полный непостижимой гармонии; некоторые — сам стиль, сладостный и нежный, способный очаровать даже мятежную душу, восстающую против любви; многие превозносили его легкие рифмы, доселе неизвестные простоватым пастухам; были еще такие, кто с большим восторгом прославлял его утонченную сообразительность и находчивость, позволившие упомянуть месяц, губительный для стад и пастухов, столь мудро уклонившись от зловещих предсказаний в такой счастливый день, сказав «веселого апреля». Но мне всё более не терпелось узнать, кто такая эта Амаранта, что, услышав любовную канцону, смутилась, приковав свой слух к словам влюбленного пастуха, а очи к самому этому прекрасному юноше, что являлось знаком большого расположения с ее стороны; судя по ее выражению, когда она слушала песню, мы без сомнения смогли это понять. И переводя осторожный взгляд с одной на другую, увидели мы ту, что среди красивых была красивейшей,

по нашему суждению; чьи волосы были покрыты тончайшим покровом, под которым лучились два ока нежных и блистательных, не иначе как яркие звезды, взошедшие на ясный и прозрачный небосвод, дабы пылать на нем. Лицо ее было скорее продолговатым, нежели круглым, дивной формы, с белизной не чрезмерной, а умеренной и цветом, почти склонявшимся к темному в сочетании с изящным розовым, и оно переполняло чувством восторга всех, кто его созерцал очами. Уста были такими, что посрамляли утреннюю розу; между ними всякий раз, когда она говорила или смеялась, показывались частично зубки со столь удивительным и редким очарованием, что ничего иного, кроме восточных жемчужин, я не мог им уподобить. Низводя взор по ее мраморной и гладкой шее, узрел я нежную грудь, юную и привлекательную, что наподобие двух

округлых плодов[82] проступала через тончайшую ткань ее одеяния; между ними спускалась восхитительная дорожка, чарующая смотрящего, однако, она приводила к тем запретным местам, которые заставляли меня только домысливать об утаенных там сокровищах. У нее было отменное телосложение и грациозная осанка, она шла по лугам и белоснежной рукой срывала трепетные цветы[83]. Она собирала их в подол своего платья, к тому времени уже его наполнив, но как только услышала, что поющий юноша назвал ее имя «Амаранта», она уронила свои руки и как будто вышла из повиновения разуму, не осознавая того, что все цветы упали, усеяв землю пестрой мозаикой, может быть, из двадцати различных оттенков цветов[84]. После того, как будто очнув-

---

[82] Примечания: 82

.. *.грудь... наподобие двух округлых плодов...* и далее. Описание красоты Амаранты и ее наряда восходит к Боккаччо. Ср. Фил около, III, 11: «Их очи были подобны множеству звезд, маленькие уста цвета пурпурных роз... Одеяния в такую жару они носили из тончайших и мягких тканей, которые, тесно прилегая к телам, являли взору очертания прекрасных грудей, которые как два округлых яблока выдавались из-под неподатливого платья, и еще во многих местах благодаря легкости покроя выдавали белизну кожи». Амето, IX: «Обозревая всё восхищенным взором, он приметил и небольшие холмы, окутанные тончайшей, огненного цвета индийской тканью, не утаивающей величины небесных плодов, которые, вздымая мягкие покровы, вернейшим образом доказывали свою упругость».

[83] Примечания: 83

...шла по лугам и белоснежной рукой срывала трепетные цветы... и да-

лее. — Образ восходит к Данте. Чистилище, XXVI, 97-98:«... на лугу цветы сбирала/ прекрасная и юная жена»; XXVIII, 40-42: «Явилась женщина, и шла одна,/ и пела, отбирая цвет от цвета,/ которых там пестрела пелена». Ср. Полициано. Сказание об Орфее, 101-102: «Но с девушкой я повстречался милой,/ что рвет цветы там, на холме далеком».

[84] Примечания: 84

...усеяв землю пестрой мозаикой, может быть, из двадцати различных оттенков цветов... — Растерявшая цветы Амаранта напоминает Прозерпину, описанную Овидием в момент похищения ее Плутоном. См. Овидий. Метаморфозы, V, 391 и далее. Образ использовался в итальянской литературе и до, и после Саннадзаро. Ср. Полициано. Стансы на турнир, I, XLVII: «На травах сидя сочных и зеленых,/ она гирлянду радостно плела/ из тех цветов, природой сотворенных,/ которыми украшена была./ Узрев юнца в раздумьях потаенных,/ она главу в испуге подняла,/ подол рукою белой придержала/ и к нежной груди те цветы прижала». Торквато Тассо. Аминта, акт II, сц. 2: «...пестрые цветы,/ что на коленях у нее лежали...»

шись и придя в себя, она залилась чуть ли не рубиновой краской; воистину, такой румянец ожидают от зачарованной луны[85] или от восходящего солнца, расстилающего перед глазами смотрящего заревой пурпур. Отчего она, как я уверен, не по необходимости, а, вероятно, по рассуждению, что лучше скрыть эту внезапную алость, сопутствующую женской стыдливости[86], так низко склонила долу голову, словно ни о чем другом не было у нее заботы, как только о том, чтобы собрать цветы, отделив белые от кроваво-красных, а бордовые от фиолетовых. За всем этим я наблюдал с большим вниманием, придя к убеждению, что именно она должна быть той пастушкой, чье имя прозвучало в песне, к немалому ее смущению.

---

[85] Примечания: 85

...румянец ... зачарованной луны и далее. — Сравнение цвета кожи с луной и сиянием при пробуждении природы восходит к Феокриту. См. Феокрит. XXVIII, 26-27: «Словно сияющий лик всемогущей владычицы-ночи/ словно приход лучезарной весны, что зиму прогоняет,/ так же меж всех нас подруг золотая сияла Елена». Также см. Боккаччо. Амето, V: «...увидел, как лицо ее озаряется тем светом, каким сияет Аврора, когда Феб являет новое утро».

[86] Примечания: 86

..алость... женской стыдливости. — Редким словом «алость» передано нами редкое же слово «rossezza». В том же контексте его употребляет Боккаччо. См. Филоколо, III, 16: «У Бьянкафьоре, слышавшей эти слова, на светлом лице изобразилась *стыдливая алост*ь (vergognosa rossezza)».

Но после короткого промежутка времени сплела она из собранных цветов незатейливый венок и смешалась со своими прекрасными спутницами, которые таким же образом лишали луга их красы[87], и горделивой походкой, тихими шажками последовала за ними; так шествуют наяды или напей, разнообразием своих прелестей превосходя красоты природы. На одних были венки из бирючины[88] с желтыми цветами, перевитыми вместе с алыми; другие смешивали белые лилии с пурпурными цветами, добавив к ним зеленые ветви апельсина; та шла вся усыпанная розами, словно звездами, другая — белоснежным жасмином, так что все они вместе скорее напоминали божественных духов, нежели смертных созданий. Многие при виде их удивлялись, говоря: «О, как счастлив тот, кто обладает подобной красо-

---

[87] Примечания: 87

...лишали луга их красы... — Аллюзия на Клавдиана. См. Похищение Прозерпины, И, 128: «Паств похищенна краса...»

[88] Примечания: 88

На одних были венки из бирючины... и далее. — Снова реминисценция из Клавдиана, продолжение предыдущей. См. Похищение Прозерпины, II, 128-130: «... сия сокрывает лилеи/ в темных фиалках; сию украшает нежна душица;/ идут, кто в розах блеща, белеяся кто бирючиной...» Также см. Мосх. Европа, 63-66: «После того как подруги достигли лужаек душистых,/ каждая стала сбирать те цветы, что ей по сердцу были:/ та собирала нарцисс ароматный, другая — фиалки;/ эта рвала гиацинты, а эта — вьюнок...»

той!»[89] Но когда увидели, что солнце поднялось уже высоко[90], и жара становится невыносимой, смеясь и шутя, девушки направили шаги свои к одной свежей и прохладной долине. Пройдя лишь небольшой отрезок пути, вышли они к живым ручьям, которые были столь чисты, что прозрачностью напоминали кристалл; их ледяной водой пастушки принялись освежать свои лица, блиставшие красотой, ничем не обязанной искусству прихорашивания. Подвернув чистые рукавчики до локтей, они ненароком позволили нам созерцать их белоснежные предплечья, столь же нежные и привлекательные, как те части рук, что мы могли видеть прежде. По этой причине нам еще больше захотелось рассмотреть их, и без малейшего промедления мы приблизились к то-

---

[89] Примечания: 89

...как счастлив тот, кто обладает подобной красотой! — Ср. Боккаччо. Амето, V: «[Амето] справедливо полагал в душе счастливцем того, кому дано обладать прелестью юной нимфы...»; Филоколо, III, 11: «Блажен тот, кому боги позволили обладать такой красотой!» Ibid.V, 8: «Про себя он расхваливал ее красоту и полагал блаженным того, кого боги удостоили ею [красотой] владеть».

[90] Примечания: 90

.*когда увидели, что солнце поднялось уже высоко...* и далее. Ср. Боккаччо. Фи л около, V, 17: «Уже Аполлон вознес световую колесницу к кругу меридиана и словно прямым взором озирал зазеленевшую землю, когда собравшиеся здесь дамы и юноши, закончив праздновать, разбрелись группами в разные уголки сада, в поисках приятной тени и всяческих нег, избегая знойного воздуха, угнетавшего их тела... и вышли они на луг, в пышной красоте цветов и трав наполненный сладостными

ароматами, вокруг которого росло множество молодых прекрасных кустов, которые своей густой зеленой листвой защищали это место от лучей великой планеты. А посередине того луга был небольшой прозрачный источник, вокруг которого все они и расселись».

му месту, где они находились; здесь, у подножия высокого дерева, мы беспорядочно расселись.

Так как многие были сведущи в игре на кифаре и свирели, большинству из нас очень хотелось послушать Лоджисто и Эльпино, собравшихся петь; оба пастуха были пригожими и юного возраста; Эльпино был козопасом, а Лоджисто сторожем рунных овечек; у обоих волосы светлее спелых колосьев, оба родом из Аркадии и с равным искусством готовы как запевать, так и отвечать на песню песней. Но затевать песенное состязание без награды победителю Лоджисто не хотел, поэтому, выбрав одну белую овцу с двумя ягнятами, он сказал:

«Их принесу в жертву нимфам, если победа будет за тобой, но если благоприятный случай предоставит ее мне, то своего ручного оленя, как заслуженную пальму первенства, ты отдашь мне».

«Моего домашнего оленя[91], — ответил Эльпино, — с первого же дня, как он был оторван

[91] Примечания: 91

Моего домашнего оленя... как он был оторван от кормящей матки... и далее. — Описание прирученного оленя, выставляемого в качестве залога в певческом состязании, см. Кальпурний. VI, 35-47. Ср. также Вергилий. Энеида, VII, 483-485: «Жил там красавец олень, высокими гордый рогами,/ был он еще сосунком похищен у матки и вскормлен/ Тирра детьми...»; Овидий. Метаморфозы, X, НО и след.

от кормящей матки, и вплоть до сего времени сберегаю всегда для милой моей Тиррены; ради любви к ней с неустанной и великой заботою вскармливал я его лучшими яствами, расчесывал ему шкуру, украшал его ветвистые рога венками из роз и других цветов; привык он кормиться с нашего стола, а днем, ради своего удовольствия, гулять в рощах; когда же поймет, что настало время, возвращается сам он в привычное жилище, где ждут его и встречают ласково, и нельзя пресытиться очарованием, видя, как он прыгает и проделывает вокруг сотни разных трюков. Но что в нем паче всего прочего меня радует, так это его привязанность к своей госпоже: он терпеливо сносит, когда та на него набрасывает веревку, и благодарно принимает ласку из ее рук; к тому же он добровольно склоняет покорную шею под ярмо и подставляет свою спину хозяйке; доволен, когда на него она садится верхом, и во время скачки по лугам и полям можно не бояться ушибов или каких-либо иных невзгод. Это ожерелье из морских ракушек с кабаньими клыками, похожими на белые полумесяцы, которое видишь ты на моей груди, связала для меня возлюбленная, и ношу я его в знак любви к ней. Итак, этого я

не поставлю на кон[92]; однако мой заклад будет таким, что ты сам, когда его увидишь, убедишься, что он не только достаточен, но и лучше твоего. Перво-наперво выставляю я козла, с отменной шерстью, крупнотелого, бородатого, о четырех рогах, привыкшего побеждать, бодаясь ими; не будь пастуха, его одного хватило бы, чтобы стать предводителем стада, сколь бы велико оно ни было. Кроме того, вазу, вырезанную из молодого бука, с двумя прекрасными ушками из того же дерева, которую искусный резчик сработал, изобразив посередине румяного Приапа[93], в тесных объятиях замкнувшего нимфу и силящегося ее поцеловать; та же, пылая гневом, извивается и отворачивает лицо, напрягая все свои силы, чтобы вырваться из цепких рук, левой рукой

---

[92] Примечания: 92

... этого я не поставлю на кон... — Рассмотрение закладов перед состязанием см. Вергилий. Экл., III, 32-43: «Выбрать из стада заклад не отважусь...»; Энеида, V, 533 и след.; ibid. IX, 262-263; Феокрит, I, 32 и след.

[93] Примечания: 93

...изобразив посередине румяного Приапа. — Помимо заботы о садах греческому богу Приапу вменялось также покровительство над низменной любовью, похотью, его атрибутом считался неимоверной длины фаллос, что зачастую обыгрывалось в античной поэзии, когда речь заходила о нем. Саннадзаро старательно избегает обсценных смыслов в своей «Аркадии», что сказывается даже в щекотливой сценке с Приапом. Между тем сочность его описания вызывала отдельные восторги у ее читателей. Самым ярким откликом стал стихотворный парафраз Пьера Ронсара, вставленный им в свою эклогу. Приводим

этот фрагмент в переводе С. Шервинского:

В суме охотничьей, из буковых корней
Есть чаша у меня; из дерева над ней
Две ручки, мастерством отменные, круглятся,
И разные на ней изображенья зрятся.
Поближе к горлышку художник поместил
Сатира страшного. Руками он схватил
Посередине стан пастушки белоснежной
И хочет уронить на папоротник нежный.
Убор ее упал, и ветерок шальной
Играется волос роскошною волной.
И нимфа гневная, рассерженная, строго
Назад откинула лицо свое от бога,
Стараясь вырваться, и правою рукой
Рвет волосы с брады и с груди завитой,
И нос ему приплюснула рукою левой:
Напрасно — все ж сатир господствует над девой!
Три малых мальчика, полуобнажены,
Как настоящие, и пухлы, и полны,
По кругу явлены. Один решился тайно
Сатира разлучить с добычею случайной,
Ручонкой дерзкою стараясь как-нибудь
У козлоногого ладони разомкнуть.
Другой, рассерженный, в волнении сугубом

В бедро власатое вцепился острым зубом
И, за икру схватясь, так сильно укусил,
Что кровью ногу всю косматый оросил;
А пальцем манит он уж мальчика второго,
Чтоб на зубах повис он у бедра другого, —
Но тот, согнувшийся в подобие дуги,
Старается извлечь занозу из ноги,
Присевши на лужок, где мурава густая,
И зова мальчика совсем не примечая.
Телушка над пятой глядит, как из нее
Меж тем язвящее он тащит острие
Занозы, впившейся в его живое тело,
И это так ее захватывает дело,
Что позабыла пить и есть совсем она, —
Так сильно пастушком-младенцем пленена,
Который, скрежеща, занозу исторгает
И навзничь тотчас же от боли упадает.

ухватив его за нос, а правой вцепившись ему в густую бороду. Вокруг них изображены три нагих мальчика с удивительной живостью: один из них со всех сил с серпом в руке старается прогнать Приапа, по-детски разжимая его грубые мозолистые пальцы, один за другим; другой яростно зубами впился в его волосатую ногу, подавая третьему товарищу знак, что нужна помощь; а тот между тем упоенно мастерит из соломы и камыша маленькую клетку, чтобы посадить в нее поющих сверчков, и от своей работы не отходит ни на шаг. Однако похотливый божок мало о них заботится, всё крепче прижимая к себе прекрасную нимфу с неуклонным намерением довести начатое до желанного конца. И на этой моей вазе, увитой по кругу зеленой виноградной веткой, можно прочесть короткую надпись, содержащую такие слова:

Кто от корня сего родится,
Тот лихом моим кормится[94].

И я клянусь тебе божествами святых источников, что никогда уста мои не касались ее, но

[94] Примечания: 94

От корня сего родится,/ тот, кто лихом моим кормится. — Аллюзия на стих Петрарки. См. Книга песен, CLXXIII, 14: «Таков был плод от такового корня» (пер. А. Эппеля); *от корня* — от любви.

всегда я сберегал ее в чистоте у себя в суме с того часа, когда одна коза и две большие плетеные корзины для молока привлекли внимание одного моряка, что прибыл в наши леса из дальних стран».

Тогда Сельваджо, избранный судьей в этом состязании, не позволил выставлять такие залоги[95], сказав, что будет лучше, если победителю достанется похвала, а проигравшему позор. И молвив так, он дал указание Офелии играть на свирели, повелел Лоджисто начинать, а Эльпино отвечать, соблюдая должную очередность. Посему, только заслышав музыку, Лоджисто начал такими словами:

[95] Примечания: 95

Сельваджо, избранный судьей в этом состязании, не позволил выставлять такие залоги и далее. — Ср. Кальпурний. II, 22-24: «Молвил он: Раз уж я буду судьей в вашем споре, забудьте/ про залоги свои: победителю будет довольно/ славы, а побежденный уйдет отсюда с позором».

ЭКЛОГА 4

ЛОДЖИСТО, ЭЛЬПИНО

ЛОДЖИСТО

ЭЛЬПИНО

ЛОДЖИСТО

ЭЛЬПИНО

ЛОДЖИСТО

ЭЛЬПИНО

ЛОДЖИСТО

ЭЛЬПИНО

ЛОДЖИСТО

ЭЛЬПИНО

ЛОДЖИСТО

ЭЛЬПИНО

Кто хочет слышать эти вздохи, рифмы,

Драгие донны, безутешный плач[96]
И как вотще средь ночи я и дня
Исхаживаю здесь за полем поле,[97]
Прочти сие на дубе и на камне,
Которыми окрест полны все долы.

Нет, пастухи, не приютили долы[98]
Зверей иль птиц, не слышавших те рифмы;
Такой пещеры нет, ни щели в камне,
Чтоб их не оглашал мой долгий плач;[99]
Травинки нет, хоть обойди всё поле,
Что не сминал бы день я ото дня.

---

[96] Примечания: 96

Кто хочет слышать эти вздохи, рифмы/ драгие донны, безутешный плач — Ср. Петрарка. Книга песен, 1,1-2: «Вы, внемлющие звукам слов моих,/ томлениям...» (пер. А. Эфроса); Боккаччо. Фьезоланские нимфы, IV: «...и вас, все в мире дорогие донны».

[97] Примечания: 97

Исхаживаю здесь за полем поле...-Ср. Петрарка. Книга песен, XXXV, 1: «Брожу один, задумчив, одинок...» (пер. Е. Солоновича); ibid. XXIII, 12-13: «... и каждую долину/ раскатом оглашал мой тяжкий стон» (пер. мой. — *А.Т.).*

[98] Примечания: 98

...не приютили долы/зверей иль птиц, не слышавших те рифмы... — См. секстину Петрарки. Книга песен, XXH,19-20: «Не видел я, чтоб проходил сквозь лес/ зверь, рыщущий лютее ночь и день» (пер. А. Эфроса).

[99] Примечания: 99

См. строфу секстины Тристана Карачьоло: «Ни зверя, ни растенья нет в горах,/ ни травки, ни цветка в моих долинах,/ ни быстрых волн меж этими камнями,/ ни птиц под сенью благостного леса,/ чтобы не слышали мой горький плач/ и лиру, что звучит здесь ежечасно» (пер. мой. — *А.Л.).*

Несчастный я! Ни часа нет, ни дня,
Чтоб я не замыкался в эти долы,
И не бегу уже я в чисто поле,
Свободный, ловкий; только плачут рифмы,
Живу я словно в пламени, мой плач
Способен жалость вызвать в древе, в камне.[100]

Ручьи, брега, дубравы, горы, камни[101]
Я обыскал, всё ожидая дня,
Когда сдержал бы хоть отчасти плач;
Но знаю я: скрывают наши долы
Один приют, где страждущие рифмы
Лепечут втуне, оглашая поле.

Вы, звери дикие, бродя чрез поле,
Блуждая, где остры утесов камни,
Услышите ли горестные рифмы?

---

[100] Примечания: 100

...мой плач/ способен жалость вызвать в древе, в камне... — Ср. Боккаччо. Фьезоланские нимфы, CCCXXX1X,6-7: «...тот вопль, уныл,/ растрогал бы деревья или камни».

[101] Примечания: 101

Ручьи, брега, дубравы, горы, камни... — Аналогичные перечисления см. Петрарка. Триумф любви, III, 114; Книга песен, LXXI, 37.

Ответьте, Бога ради: среди дня
Вы слышите ль, как потрясают долы
Мой жаркий вздох и бесконечный плач?

О, тысячи ночей мой длится плач,
Так что, глядишь, болотом станет поле,[102]
Но там, где зеленью покрыты долы,
Услышу некий голос в скальном камне:
«Эльпино, — скажет, — ты дождешься дня,
Когда твои счастливей станут рифмы».

Счастливец тот, кого иные рифмы
Утешут и уймут тоску и плач!
Но, бедный, я брожу день изо дня,
Вам докучая, небо, рощи, поле;
Так верю я, что травы, воды, камни
И птицы не зальют слезами долы.

Услышат ли брега сии и долы

---

[102] Примечания: 102

...тысячи ночей мой длится плач,/ так что, глядишь, болотом станет поле. — Ср. Боккаччо. Фьезоланские нимфы, CLXXVII, 3-4: «И слезы полились так изобильно,/ что щеки, грудь казалися рекой».

Столь нежные и сладостные рифмы?

Запляшут, верю, и леса, и камни,

Как встарь, когда звучал Орфея плач,[103]

Их чувствовать могли б и в дальнем поле

Голубки, горлицы с рассветом дня.[104]

Однажды я сменю отрады дня

На тесный гроб, который примут долы,

Сплетете вы венки в зеленом поле,

Тогда мой прах твои оплачут рифмы:

«Несчастная душа, удел твой — плач,

Ты тронуть им могла бы даже камни».

Лоджисто, о, услышат реки, камни

Средь радостного, праздничного дня,

---

[103] Примечания: 103

Запляшут, верю, и леса, и камни,/ как встарь, когда звучал Орфея плач. — Согласно мифу, пение Орфея оживляло камни и деревья, покоряло диких зверей. См. Овидий. Метаморфозы, XI, 1-2. *Орфея плач* — скорбь по Эвридике.

[104] Примечания: 104

...их чувствовать могли б.../ голубки, горлицы с рассветом дня — Ср. Вергилий. Экл. 1,57-58: «И ни за что не замолкнет любимец твой, голубь осипший,/ горлицы плач не прервется в кроне воздушного вяза».

Как звонким смехом обернется плач;
Коль не солгут мне эти травы, долы,
Коль не солгут волшебные мне рифмы,
То больше не взойдет пшеница в поле.[105]

Скорее рыб в сухом увижу поле,
И море твердым, и что жидки камни,
Что Титира затмят Эргасто рифмы;
Средь ночи солнце, звезды среди дня,
Чем ели, буки, осеняя долы,
Из уст моих иной услышат плач.[106]

Ты словно тот, кого и гнев, и плач
Питают вечно, это знает поле;
И всё ж надеюсь: ты оставишь долы,
Где вкруг стеной высокой встали кам-

---

[105] Примечания: 105

Коль *не солгут волшебные мне рифмы,/ то больше не взойдет пшеница в поле.* — См. Овидий. Любовные элегии, III, 7, 31: «От чародейства и хлеб становится злаком бесплодным».

[106] Примечания: 106

Скорее рыб в сухом увижу поле ... и далее. — Перечень невозможного — общее место классической поэзии. См., напр., Вергилий. Экл. I, 59-63; Проперций. II, 15; Петрарка. Книга песен, LVII, 5-8; ibid. CCXXXVIII, 16-18.

ни,[107]

И уповаю, что дождешься дня,
Когда со мной споешь стихи и рифмы.
Тогда лишь рифмы позабудут плач,
Когда свет дня навек покинет поле,
И дрогнут камни, что замкнули долы.

[107] Примечания: 107

...вкруг стеной высокой встали камни. — См. Петрарка. Книга песен, CXVII, 1: «...скала, замкнувшая долину» (пер. Ю. Верховского).

ПРОЗА 5

Уже солнце, намереваясь закатиться, рассеяло по всему западу облака с тысячей различных оттенков: одни фиолетовые, другие лазоревые, третьи желтовато-черные; такой блеск им придавали лучи, отражавшиеся от них, так что облака казались совершенным подобием чистопробного злата. Отчего пастухи в единодушном согласии поднялись со своих мест у прозрачного источника, и двое влюбленных допели свои песни. И как все вместе в удивительной тишине их слушали, так теперь с великим восхищением принялись расхваливать обоих певцов в равной степени, особенно Сельваджо, который не мог выделить из них того, кто был ближе всего к победе; оба, рассудил он, достойны наивысшей похвалы, и его решение не расходилось с общим мнением. И будучи не в состоянии хвалимых превозносить паче, каждый счел, что уже приспело время возвращаться в наше селение, и пошли мы шагом неспешным, рассуждая о многих приятных событиях минувшего дня. И так как мы шли по жестким тропам дикой местности, скорее гористой, чем пологой, этим вечером мы могли

предаться только тем бесхитростным забавам, какие позволяла веселой и праздничной компании подобная глухомань.

Прежде всего, по дороге[108], каждый отыскал свой диск и метал его в определенную мишень; того, чей бросок был наиболее удачным, как победителя, проигравший достаточно долго нес на плечах, а все прочие вокруг с радостными криками ему аплодировали, как это пристало на чудесном празднике, который завершался такой игрой. Затем, покончив с этим, взяли кто луки, кто пращи и на ходу извлекали и метали камни, стремясь превзойти друг друга в ловкости и умении. Но спустившись на равнину и оставив за плечами каменистые горы, все решили, что пора бы начать новые развлечения; и вот они то скакали, то метали пастушеские посохи, а то с великой легкостию бросались вперегонки по простиравшимся долинам; того же, кто оказался

[108] Примечания: 108

Прежде всего, по дороге... — Ср. Боккаччо, Филоколо, И, 24: «Но Флорио удалялся с несколько помутненным лицом, всем видом своим выражая скорбь и душевную тоску. Некоторые из его товарищей перешли от летающих птиц к курлычущим журавлям, стравливая их для различных схваток друг с другом в воздухе. Иные с великим шумом гнали резвых псов по долу за робким зверем. И так, кто сим, кто сим способом, по дороге они себе доставляли удовольствие». Интересно, что, интерпретируя это место у Боккаччо, Саннадзаро заменяет охотничьи воинственные забавы мирными, более подобающими идиллической картине.

самым быстрым и первым коснулся обозначенной меты, в награду увенчали листвой бледной оливы и почествовали звуками свирели. Помимо того, как прежде часто случалось, в лесах, где то и дело сновали лисы, а рядом скакали косули, здесь и там преследуемые нашими псами, мы развлекались до тех пор, пока не возвратились в привычные полевые хижины, где ждал нас веселый ужин; и там, после многих игр, когда миновала уже большая часть ночи, усталые от удовольствий, мы предали свои натруженные члены покою.

Еще прекрасная Аврора не прогнала ночные звезды[109], и гребненосный петух не прокукарекал приветствие рождавшемуся дню[110], обозначая час, когда волы, запряженные попарно, возвращаются к привычному труду, как уже некоторые пастухи, раньше всех поднявшие-

---

[109] Примечания: 109

Еще прекрасная Аврора не прогнала ночные звезды... — Перифраз рассвета. См. Вергилий. Энеида, III, 521; V, 42-43; Овидий. Метаморфозы IV, 81 и др.

[110] Примечания: 110

...гребненосный петух прокукарекал приветствие рождавшемуся дню ... — Ср. Вергилий. Завтрак, 2: «Песнею звонкой рассвет возвестил караульщик крылатый». Эпитет петуха «гребненосный» («cristato») заимствован у Овидия. См. Фасты, I, 455: «Ночью хохлатый (cristatus) петух...» См. также Боккаччо. Амето, XXXV: «Бдительный кочет пением уже оповестил о наступлении дня».

ся, шли будить с помощью хриплого рога всю компанию; и каждый, с этими звуками покинув ленивое ложе, готовился при первых проблесках зорьки к новым увеселениям. Из своих загонов мы погнали на выпас заждавшиеся стада, и с каждым шагом своими колокольчиками в молчащих рощах они пробуждали сонных птиц, а мы шли задумчивые, с удовольствием воображая то место, где сможем удобно их пасти и, не скучая, провести весь предстоящий день. И пока в таких размышлениях мы шли, и кто-то предлагал одно место, кто-то другое, Опико, самый старший и уважаемый меж пастухами, сказал: «Если вы пожелаете сделать меня своим проводником, я приведу вас в одно место, что недалеко отсюда и, как мне кажется, весьма приятное; о нем я не могу не вспоминать ежечасно, поскольку почти вся моя юность прошла там, среди счастливых мелодий и песен; и уже скалы, что мне так знакомы, учат, как отвечать на мои слова и призывы[111]. Здесь, я полагаю, мы найдем множество деревьев, на которых я в ту пору, когда кровь моя была еще

[111] Примечания: 111

...скалы...учат, как отвечать на мои слова и призывы...-Олицетворение из Вергилия. См. Экл., V, 62-64: «Горы, заросшие лесом, от радости голос возносят...»; Экл. I, 5: «Лес за тобой повторяет...»; VIII, 22-23: «Менала склоны — глаголящий лес и болтливые сосны,/ Менал внимает всегда любовной песне пастушьей» и др.

горяча, своим серпом вырезывал имя той, кто была для меня превыше всех стад; думается, что эти послания вместе с деревьями теперь выросли[112]; здесь я молил богов сохранить навеки хвалы в ее честь и вечную ее славу».

Все единогласно решили последовать совету Опико и в один момент изъявили согласие по его желанию. Пройдя немногим более двух тысяч шагов, вышли мы к реке, именуемой Эриманфом[113], которая у подножья горы из пролома в живом камне с великим устрашающим грохотом и кипенью белой пены выкатывалась на равнину и, протекая по ней, своим ропотом оглашала ближние рощи. Шум, долетавший издалека, вселил в приближавшихся пастухов неодолимый трепет и, конечно, тому была причина, ибо, по общему мнению окрестных жителей, здесь обитали нимфы этой страны, отчего у всякого, кто

---

[112] Примечания: 112

...послания вместе с деревьями теперь выросли. — Реминисценция из Овидия. См. Героиды, V, 21-23: «Имя Эноны прочесть и сейчас еще можно на буках/ буквы, которые вырезал твой ножик кривой./ Ствол вырастает, и с ним вырастает имя Эноны».

[113] Примечания: 113

...вышли мы к реке, именуемой Эриманфом... — Описание аркадской реки напоминает описание Леты у Боккаччо. См. Филоколо, III, 28: «Вдоль мрачных жилищ протекает маленькая речка, именуемая Летой, которая истекает из-под тяжелого камня и, своим течением передвигая камни, производит сладостный шелест, навевающий дрему».

подходил к этому месту, в душе рождался испуг, как только его слуха достигали неведомые звуки. Так и мы, замерев при этом шуме, не могли ни говорить, ни петь себе в удовольствие и стали медленно подниматься на гладкую гору, на которой росло, быть может, тысяча кипарисов и сосен, таких высоких и развесистых, что тень от каждого дерева заменила бы целую рощу. Затем, когда мы достигли вершины горы, солнце поднялось немного выше, и мы смущенно присели на зеленую траву. Но овцы и козы, которые охотнее паслись, чем отдыхали, разбрелись[114] по заповедным местам на крутой лесистой горе и объедали ломкий кустарник, пробивавшийся из-под земли; та приподнималась, чтобы достать ветку ивы, та обгрызала нежные верхушки дубо-

---

[114] Примечания: 114

...овцы и козы... разбрелись... — Здесь и далее обширная реминисценция из Вергилия. См. Комар, 45-57:

> *Вот уж пастух перегнал из загона на злачную пажить*
> *Коз, а сам забрался на вершину крутого пригорка,*
> *Где пожелтелой травой покрыты просторные склоны.*
> *Вот уже козы его по лесам, по кустам разбрелися,*
> *Скрылись в долинах одни, а другие, блуждая на воле,*
> *Нежные трав стебельки осторожным срезали укусом.*
> *Там, где в щербинах нагих нависали над пропастью скалы,*
> *С веток повисших они земляничника ягоды щиплют,*
> *С жадностью в частых кустах виноградины дикие ищут;*

Эта спешит оборвать верхушку склоненную ивы
Юной, а та — обглодать едва подросшие ольхи,
Эта терновых кустов обдирает побеги, а эта
Не отойдет от ручья, и собой, и водою любуясь.

вой поросли, а большинство пошло на водопой к чистому источнику, радостно смотрясь в него, как в зеркало; и если наблюдать за этим издалека, можно легко поверить, будто животные нависали над обрывом. Пока мы безмолвствовали и внимательно созерцали это зрелище, позабыв о пении и обо всем прочем, вдруг нам показалось, что где-то вдалеке звучат волынка и кимвалы вперемежку с громкими возгласами пастухов. Отчего мы поднялись со своих мест и быстро направились на ту часть горы, откуда доносились звуки, и настолько углубились в лес, что пришли наконец к цели. Там мы увидели десять волопасов, пляшущих вокруг могилы почтенного пастуха Андроджео, как это обычно делают похотливые сатиры, которые скачут по рощам в полночный час, поджидая, что вот из ближней речки выйдут их возлюбленные нимфы; и тогда мы вместе с ними стали справлять печальный обряд.

Тот из волопасов, кто был достойнее, стал посередине танцующих у высокой гробницы и возложил на алтарь душистые травы. Затем, по

древнему ритуалу[115], он пролил свежее молоко из двух сосудов, из двух священную кровь и еще из двух благородное пенящееся вино, рассыпал в изобилии благоухающие цветы различных оттенков; и тогда благочестивым и сладостным ладом заиграли волынки и кимвалы, и он протяжно запел хвалу усопшему пастуху:

«Радуйся, радуйся, Андроджео[116], и, если после смерти успокоенной душе твоей позволено слушать[117], внимай слову нашему и торжественные почести, которые в этот час воздают тебе твои товарищи, прими благосклонно, где бы ты ни пребывал. Уверен я, что твоя благостная душа, снизойдя с высот, посетит снова эти рощи и что видит она и чувствует, как сегодня мы в память о тебе освящаем твою свежую могилу. И

---

[115] Примечания: 115

...по древнему ритуалу... и далее. — Возлияние над могилой см. Вергилий. Энеида, V, 77-79: «Там, возлиянье творя, две чаши Вакховой влаги/ чистой и столько же чаш молока и крови священной/ он пролил, цветы разбросав пурпурные...»

[116] Примечания: 116

Андроджео — старинные комментаторы по аналогии с Массилией, матерью Эргасто (см. Аркадия, Пр. И, Экл. 11), полагали, что под этим именем выведен умерший к тому времени отец Саннадзаро. Если предположить, что Массилия из «Аркадии» это донна Мазелла, мать Саннадзаро, то тогда предположение оправдано. В таком случае и персонаж Эргасто, оплакивающий Андроджео в пятой и Массилию в одиннадцатой эклоге, является вторым отображением в романе самого автора. В любом случае, необходимо отметить симметричность этих двух мест романа, связанных с ритуалами по усопшим.

[117] Примечания: 117

...если после смерти успокоенной душе твоей позволено слушать... — Мысль Катулла. См. Катулл, XCVI: «Если немых могил желанных наших и милых/ нашей печали, Кальв, может хоть капля достичь...»

если это правда, как она может не ответить на такой наш призыв? И ты, кто сладостным звучанием свирели чаровал весь наш лес, наполняя его невыразимой гармонией, как ныне, замкнутый в тесном узилище меж холодных камней, выносишь вечное молчание? Как, всегда примирявший ссорившихся пастухов своими кроткими речами, мог ты их покинуть, оставив ропщущими и недовольными паче прежнего? О, благородный отец[118] и учитель всего нашего племени, где найти нам равного тебе? чьим наставлениям следовать? под чьею опекою будем теперь жить спокойно? Не ведаю, кому нам теперь доверяться в наших сомнениях и затруднениях. О скромный пастырь, неужели никогда леса наши тебя больше не увидят? Кто еще в этих горах так любил истину, насаждал справедливость и почитал богов? Под твоими крылами расцветала земля наша столь величественно, что, быть может, никогда еще досточтимый Термин столь равномерно не обозначал границы полей, как то было в твое время. Ах, кто еще воспоет нимф в лесах наших? кто подаст нам верный совет в бедах? кто утешит

[118] Примечания: 118

О, благородный отец... и далее. — Ср. Боккаччо. Филоколо, V, 75: «О дорогой отец, как горько мне быть с тобой разлученным. Где мне найти подобного тебе?»

нас и обрадует в печалях, как ты, который часто распевал на берегах зыбучих рек сладостные стихи? Ах, теперь с трудом наши стада смогут пастись на зеленых лугах без твоей свирели[119]; пока ты жил, они обычно при ее звуках с упоением пережевывали траву под благодатной сенью молодых дубов. Ах, когда тебя не стало, и наши боги ушли вместе с тобой, покинув эти поля. И сколько раз потом мы тщились сеять чистую пшеницу, столько же раз пожинали несчастные плевелы с бесплодными побегами в безутешных бороздах; и в долинах наших на месте фиалок и других цветов поднимались терны с острейшими колючками и ядом. Посему, пастухи, бросьте траву и листья на землю и тенистыми ветвями покройте свежие ручьи, ибо того хочет в свою честь Андроджео. О счастливый Андроджео, прощай, навеки прощай![120] Вот уже пастушеский

[119] Примечания: 119

...с *трудом наши стада смогут пастись на зеленых лугах без твоей свирели.* — См. Мосх. Плач по Биону, 21-22: «Тот, кто со стадом был дружен, напевов своих не играет,/ песен своих не поет он, в тиши под дубами усевшись».

[120] Примечания: 120

О *счастливый Андроджео, прощай, навеки прощай!* — Здесь и далее весь пассаж о схождении богов на могилу пастуха — реминисценция из Немесиана. См. Немесиан. Экл. I, 64 и след.

Аполлон[121] торжественно сходит к твоей гробнице, дабы увенчать ее своим благословенным лавром. И также фавны подходят, с увитыми венком рогами, нагруженные нехитрыми сельскими дарами, которые преподнесет тебе каждый в меру сил своих: с полей колосья, с кустов гроздья и виноградные листья, с деревьев созревшие плоды. На зависть окрестным нимфам, которых ты при жизни так любил и почитал, пришли они все сейчас, неся кошницы, полные белоснежных цветов и благоуханных плодов в благодарность за твое служение им. И то, что больше всего, дар могильному праху, долговечней которого нельзя преподнести — Музы дарят тебе стихи; стихи тебе дарят Музы[122]; и мы под звуки наших цевниц поем тебе и будем всегда петь, пока стада пасутся в этих лесах. И сосны, и дубы, и платаны, растущие вокруг, пока стоит мир, шелестя, будут

---

[121] Примечания: 121

Пастушеский Аполлон — эпитет заимствован у Кальпурния. См. Кальпурний. Экл. VII, 22: «pastoralis Apollo». Аллюзия на миф, в котором Аполлон скрывается от гнева Юпитера в образе пастуха.

[122] Примечания: 122

Музы дарят тебе стихи; стихи тебе дарят Музы. — Симметричная инверсия.

нашептывать твое имя[123]; равно и быки со здешними стадами в любое время года почтут твою сень и громким мычанием станут звать тебя, а рощи отзовутся эхом. Так что отныне и присно будешь ты в числе наших божеств, и словно Вакху и святой Церере, также на твоем алтаре будут совершаться должные жертвоприношения; если будет холодно, разложим костер, если жарко, укроемся в прохладную тень. И прежде из ядовитых тисов засочится животворный мед, и сладкие цветы станут горькими; прежде зимой будут сеять зерно, а летом собирать урожай черных оливок, нежели когда-нибудь в этих краях умолкнет слава твоя».

Когда он закончил речь, в тот же миг заиграл на приятной свирели, висевшей у него за плечами; и под эту мелодию Эргасто, в чьих глазах, казалось, было влажно, отверз уста и так запел:

[123] Примечания: 123

...сосны, и дубы, и платаны...будут нашептывать твое имя. — Ср. Вергилий. Экл. I, 38-39: «Титира не было рядом. Сосны тебя призывали,/ Титир, просила вернуться река, даже этот кустарник».

ЭКЛОГА 5[124]

ЭРГАСТО (ОДИН)

Ты в благости святой
Совлекшись риз телесных,[125]
Душа, вошла в превыспренние сени,
Где со своей звездой
Среди отрад небесных
От дольних отрешилась помышлений;[126]
И, солнца совершенней,
Меж духов ты сияешь
Святым своим убором,
И вечных звезд простором
Средь миртов и источников блуждаешь

---

[124] Примечания: 124
В некоторых изданиях эклога озаглавлена «Эргасто на могиле Андроджео».

[125] Примечания: 125
Совлекшись риз телесных — т.е. покинув телесную оболочку.

[126] Примечания: 126
Реминисценция из Вергилия. См. Вергилий. Экл. V, 2(М4.

Ты с горними стадами
И с теплотой любви следишь за нами;

Иные долы, горы,
И рощи, и леса
Ты зришь на небе, и цветы красивей;
Иных сильванов взоры[127]
Пленяет нимф краса —
Бегут им вслед, но там любовь счастливей.
Там, в ароматов диве,
Под сению приятной,
Где Дафнис с Мелибео,[128]
Поет наш Андроджео,
Лелеемый отрадой благодатной,
И покоряет разом

---

[127] Примечания: 127

Сильванов взоры... — Изначально в римской миф. был один бог Сильван, покровитель лесов и рощ. С течением времени это имя стало нарицательным в значении «лесные божества». У др.-греч. поэтов Александрийской эпохи было принято производить множественное число от имен богов (не высшего ранга), например, Эрот — эроты, Пан — паны, чем часто пользуется Саннадзаро.

[128] Примечания: 128

Где Дафнис с Мелибео... — Дафнис — персонаж *идиллий* Феокрита; Мелибей (итал. Мелибео) — эклог Вергилия. Таким образом, умерший пастух приобщается к великим поэтам древности.

Стихии глас, что не постигнет разум.

Как плющ на вязе старом

И в стаде бык, всех краше,

Как на полях счастливых ржи волненье,[129]

Так славы чистым даром

Ты полнишь хоры наши.

О злая Смерть, нет от тебя спасенья!

Найду ль земную сень я,

Где ты была б не властна?

Узрим ли в мире снова

Мы пастуха такого,

Что пел бы среди нас так сладкогласно,

Что рощи одевались

Листвой, и воды тенью укрывались?

Все нимфы возрыдали[130]

---

[129] Примечания: 129

См. Вергилий. Экл. V, 32-33: «Древу пристала лоза, лозе — виноградные листья,/ бык — украшение стада, хлеба — плодородного поля».

[130] Примечания: 130

Все нимфы возрыдали... — Ср. Вергилий. Экл. V, 20: «Плакали нимфы о Дафнисе мертвом...»; Мосх. Плач о Бионе, 29: «Плакали нимфы *ручьев...»*

Днесь о твоей кончине
И вместе с ними буки, гроты, кручи;
И прослезились дали,
Поникли травы ныне,
Не светит солнце, спрятавшись за тучи,
И звери в лес дремучий
Ушли с лугов цветущих,
Не видно стад в нагорье —
Не щиплют травку в горе,
Так всё томится от скорбей гнетущих,
И эха глас щемящий:[131]
«О Андроджео, Андроджео!» — в чаще.

Со свежими венками
Здесь, у твоей могилы,
Селян и волопасов не убудет;
Из года в год меж нами,
Как голубь легкокрылый,

---

[131] Примечания: 131

См. Вергилий. Экл. VI, 44 «Гилас — кричат моряки, Гилас — отзываются чащи». В латинском оригинале имя упоминается два раза подряд, как это делает и Саннадзаро: *О Андроджео, Андроджео!* Ср. также Полициано. Стансы на турнир, I, LXII, 7-8: «И только отзвуков многоголоси-ца:/ «...лиа-лиано» им в ответ доносится».

Из уст в уста переноситься будет
То имя — не забудет
Его наш род искусный,
Покуда тернам — гады,
А рыбы водам рады.
И ты не только в этой песне грустной
Жить будешь, но в бессчетных
Пастушьих песнях и в стихах почетных.[132]

Коль в вас, дубы, любови дух гнездится,
Завесою тенистой
Сомкнитесь над могилой этой чистой.

[132] Примечания: 132
Финал строфы соответствует финалу плача по Дафнису в «Буколиках». См. Вергилий. Экл.У, 72-80.

ПРОЗА 6

Пока Эргасто пел свою жалобную песнь, Фронимо, из всех пастухов изобретательнейший[133], переписал ее на зеленую кору бука и один из венков повесил на дерево, раскинувшее свои ветви над беломраморной гробницей. После чего, когда обеденный час почти уже истек, мы подошли к прозрачному ручью, бегущему у подножья высокой сосны; и здесь, соблюдая должный порядок, принялись пить молоко[134], вкушать мясо жертвенных тельцов, нежнейшие каштаны и те плоды, что в изобилии взращивает в это время года земля; причем не обошлось без самых благородных вин, благоуханных благодаря своему почтенному возрасту, подмешавших к нашему общему трауру долю веселья. Но после того, как различными изысканными кушаньями насытили мы свой голод, кто принялся петь, кто сказки

---

[133] Примечания: 133

Фронимо, из всех пастухов изобретательнейший [ingegnosis-simo]. — Ср. Боккаччо. Филоколо, V, 8: «Эвкомос, из всех пастухов изобретательнейший [ingegnosissimo]».

[134] Примечания: 134

...принялись пить молоко... и далее. — Описание пастушеской трапезы дано по образцу трапезы Энея и его спутников. См. Вергилий. Энеида, I, 210-219.

рассказывать, кто играть, а многие, одоленные дремой, забылись на лужайке.

Наконец, я (кому вдали от милой отчизны, а также в силу иных уважительных причин каждая радость доставляла нескончаемую боль), возлежа под деревом, совершенно подавленный и огорченный, вдруг увидел вдалеке от нас, может быть, на расстоянии переброса камня, пастуха, шедшего торопливым шагом, с виду очень юного; был он закутан в плащ цвета, какой обычен у журавлей, на левом боку у него висела сумка из кожи недоношенного теленка; поверх длинных волос, что, светлее желтой розы, волной ниспадали ему на плечи, была косматая шапка, сшитая, как мы потом выяснили, из волчьей шкуры; в деснице он держал превосходный посох с верхушкой, украшенной свежими ветвями, но из какого дерева был он сделан, мы не могли сообразить; ибо, будь он кизиловый, мы бы поняли это по его узловатости, а будь ясеневый иль самшитовый, об этом бы сказал нам его цвет. Идущий к нам пастушок был воистину троянским Парисом в пору, когда тот в рощах высоких средь стад простых жил по-сельски со своей милой нимфой и часто украшал цветочными венками рога барашков-победителей. И вот, когда нас с ним стало

разделять лишь небольшое расстояние, волопасов, продолжавших забавляться игрой в рифмы, он вопросил об одной своей корове[135], белой и с черным пятнышком на лбу; отбившись от его стада, она как-то затерялась среди их быков. А те ответили ему учтивым приглашением не погнушаться провести время с нами, так как уже начался полуденный зной, а в такой час все стада обычно уходят в прохладную тень дерев щипать молодую утреннюю травку. И помимо этого на поиски коровы они отправили одного своего свойственника, столь косматого и неуклюжего человека, что вся Аркадия называла его Урсакьо (Медвежонком); ему поручили обойти все окрестности и, коли найдет, привести ее к нам.

Тогда Карино (так звали владельца злополучной белой коровы) уселся на ствол поваленного бука напротив нас и после долгих разговоров, обратившись к нашему Опико, по-дружески попросил его спеть. И старик с улыбкою ответил ему:

«Сын мой, не только земные создания, но и душа, сотворенная на небесах, подвластны вре-

---

[135] Примечания: 135

...вопросил об одной своей корове... — Эпизод с коровой ср. Кальпурний. Экл. III, 1 и след. См. также Полициано. Сказание об Орфее, 17 и след.: «Ну что, тебе теленок не попался?/ — Попался. На петле привел находку...»

мени и всепожира-тельнице Старости. Часто я вспоминаю себя мальчиком, не устававшим петь от восхода солнца до времени отхода ко сну; и сейчас мне на ум пришли такие же стихи, но вот беда: моего голоса, боюсь, на них уже не хватит, ибо волки увидели меня прежде, чем я их заметил[136]. Из того, что было у меня, не осталось ничего, а седая голова и остывшая кровь не позволят мне возобновить то, что легко давалось в юности; и уже многие годы моя свирель повешена на священном дереве лесного Фавна[137]. Тем не менее, здесь много таких, кто способен достойно ответить тем пастухам, что больше хвастаются, чем поют; они могли бы вполне удовлетворить вас тем, о чем вы меня просите. Но и среди тех, кого я укорил, есть самые искусные и

---

[136] Примечания: 136

Часто я вспоминаю себя мальчиком...волки увидели меня прежде, чем я их заметил. — Ответ Опико представляет собой реминисценцию речи престарелого пастуха Мериса. См. Вергилий. Экл. IX, 51-55: «Время берет всё подряд и память уносит в придачу./ В юности, помню, целые дни проводил распевая./ Многое ныне забыл, да и петь не умею как прежде:/ Мериса порченный голос иссяк от волчьего сглаза» [Iupi Moerim videre priores], т.е. «волки раньше увидели Мериса» (лат.) — Согласно древнеримскому поверью, тот, кого волк при встрече увидит первым, теряет дар речи.

[137] Примечания: 137

...на священном дереве лесного Фавна. Фавн — легендарный царь Лациума, зачинатель земледелия и скотоводства. Был отцом Латина, родоначальника латинян. Согласно миф., его убил Геркулес, когда прибыл в Италию. Римляне поклонялись ему как богу лесов и полей,

считая покровителем скотоводства, а также защитником домашних животных от диких зверей. Фавн считался и прорицателем, имеющим собственный оракул; в этом случае он носил имя «Fatus», от которого впоследствии образовалось слово «фатум». Фавна зачастую отожествляли с древнегреческим Паном, однако Саннадзаро в романе представляет их разными божествами.

сведущие, вот как наш Серрано: воистину, если бы услышали его Титир и Мелибей, не удержались бы от высших похвал; и он-то ради вашей, а также и моей любви своим пением доставит нам несомненное удовольствие».

Тогда Серрано, воздав Опико должное почтение, ответил так:

«Несмотря на то, что самый ничтожный и косноязычный из всей компании, в случае моего отказа исполнить должное, вправе меня назвать человеком неблагодарным, которого вопреки всему сочли достойным столь высокой чести, я заставлю себя повиноваться насколько мне хватит сил. Случай с коровой, потерянной Карино, напомнил мне о другом происшествии, малоприятном для меня, о котором я и намерен спеть. И вы, Опико, ради вашего великодушия, забудьте на время старость и отложите свои оправдания в сторону; на мой взгляд, они излишни, и прошу вас отвечать мне». И он начал:

ЭКЛОГА 6

СЕРРАНО, ОПИКО

СЕРРАНО

ОПИКО

СЕРРАНО

ОПИКО

СЕРРАНО

ОПИКО

СЕРРАНО

ОПИКО

СЕРРАНО

ОПИКО

Хоть, Опик мой, года твои почтенные,
И в лике светит мудрости величие,
Оплачем вместе огорченья бренные!

Не стало дружбы, в мире лишь двуличие,
Погибла верность, в зависти и ревно-

сти

Дурные возрождаются обычаи.

Царит разврат, не стало задушевности,

Зло души обуяет, застит очи нам,

Не чтят сыны отцов, как было в древности.[138]

Смеются все над благом опороченным

И плачут над несчастьем, что вонзается

Из-за спины напильником отточенным.

Сама собою зависть угрызается,[139]

Что твой ягненок, гадиной укушенный —

Под дубом мучится, под елью мается.

Богами беды на меня обрушены:

---

[138] Примечания: 138

Ср. Овидий. Фасты, II, 622-625: «...преступным.../тем, для которых отец или мать зажились слишком долго».

[139] Примечания: 139

Сама собою зависть угрызается. — Завистник терзает сам себя. Данный стих стал афоризмом. См. Гораций. Послания, I, II, 57: «Сохнет завистник, когда у другого он видит обилье» (пер. Н. Гинцбурга).

Еще и пахарь не посеет семени,
Погибну, жаждой мщения иссушенный!

Чтоб сердце от греха избавить бремени,
Я утешаюсь жалостью целительной,
Как вяз увижу, сваленный до времени.

Тропа размокла, ибо дождь был длительный;
Там прятался, пока все шли мы до дому,
Тот, кто живет сей скверною губительной!

Никто его не видел — пели оды мы,
Но к ужину вошел под сени хижины
Пастух и, сев, поведал про невзгоды мне.

Он рек: «Серран, я чай, что ты обиженный,
Все ль козы у тебя?» Метнулся сразу я,
Но пал и локоть свез в грязи разжиженной.

Ах, справедливость, ты одна фанта-

зия!

И кто бы мог познать тебя, столь шаткую?

Лишь бог, что восстановит здесь согласие.

Двух коз и двух козлят моих украдкою

Похитил вор, что обобрал стада мои;[140]

Так алчность сжала мир железной хваткою!

Кто хитрый тать, тебе сказал бы прямо я,

Да кто открыл, с меня обет молчания

Тот взял; молчать и знать — вот мука самая!

А этот вор, свершивший злодеяние,

Три раза плюнул и с очей как свеялся,

Он мудро поступил, исчез заранее.

---

[140] Примечания: 140

Ср. Овидий. Фасты, I, 547-548: «Утро настало. От сна встает тиринфский погонщик/ и замечает, что двух нет в его стаде быков»; Вергилий. Экл. III, 16 и след.: «Как же хозяевам быть? Смелеют наглые воры!/ ты ведь, я видел, из стада Дамона козленочка выкрал,/ хитростью выкрал, негодный!..»

А то б едва ли он и понадеялся
Уйти от псов кусающих и лающих;
Никто мне даже свистнуть не затеялся.

Знать, был при травах, при камнях сверкающих,
С ним были кости мертвых, персть могильная,
Твердил стихи заклятий он пугающих,

Чтоб ветром стать или землею пыльною,
Водой, травой, рожком иль гибкой лозою;
Так вводит мир в обман волшба всесильная!

Да то Протей, что может елью, лозою,
Змеею, тигром обратиться, семенем,
Быком, козой ли, камнем иль березою.[141]

---

[141] Примечания: 141

Эти две терцины о боге Протее — реминисценция из Вергилия. См. Георгики, IV, 406 и след. О способности Протея перевоплощаться см. также Овидий. Фасты, I, 367 и след.

Как видишь, Опико, пороков бременем
Мир отягчен; не береди же раны ты,
Пора теперь благое вспомнить время нам.

Когда до веток я рукой протянутой
Не доставал и на осляте к мельнику[142]
Возил зерно, тогда отец мой занятый,

Меня любивший крепко, к можжевельнику
Иль к дубу подзывал прямой дорогою,
Преподавал ремесла мне, бездельнику.[143]

Когда подрос и возмужал немного я,
Учил меня он выпасу, доению,
Острижки преподал науку строгую

И говорил мне по обыкновению

---

[142] Примечания: 142

...до веток я рукой протянутой/ не доставал... — Ср. Вергилий. Экл. VIII, 41: «Впору мальчишке до ломких ветвей дотянуться руками».

[143] Примечания: 143

Наставления престарелого пастуха сыну взяты из пятой эклоги Кальпурния.

О старине, когда волы вещали нам,[144]
Когда был урожай на заглядение.

И горние цари тогда прощали нам,[145]
Что в их урочища овец водили, и
Певали с нами песни по прогалинам.

Не помышляли люди о насилии,
Их общая земля, не обмежёвана,[146]
Плодов им даровала в изобилии.

И не было тогда оружье ковано,
Что пресекает ныне жизнь нам милую,
И завистью все не были мы скованны,

Не лютовали с яростною силою,

---

[144] Примечания: 144

...когда быки вещали нам... — Аллюзия на следующее место из Боккаччо: Филоколо, V, 54: «А за несколько дней перед этим [рождением Христа] случилось, что пахали на волах, и волы провещали: «люди убывают, а всходы возрастают»».

[145] Примечания: 145

Горние цари — олимпийские боги в отличие от земных божеств (нимф, сатиров и т.п.) В терцине обыграны слова Вергилия (см. Экл. II, 60: «даже боги в лесу обитали»).

[146] Примечания: 146

Общая земля, не обмежёвана... — Одной из основных особенностей Золотого века, согласно традиции, считалось отсутствие границ, межей; земля представлялась общим достоянием человечества. Здесь и далее в описании Золотого века Саннадзаро следует Овидию (см.

Метаморфозы, I, 89-150) с вкраплением реминисценций из Гесиода, Горация и Тибулла.

Не знали войн с их дикостью, коварствами,

Что ныне губят мир, людей не милуя.

И умирали старцы не с мытарствами,[147]

Когда уж не могли ходить дубровами,

Иль молодились травами-лекарствами.

Не хладными дни были, не суровыми,[148]

А теплыми, и птички сладкозвонные

Повсюду пели, не сипухи с совами.

Земля рождала травы благовонные,

Не аконит с цикутой ядовитою,[149]

---

[147] Примечания: 147

И умирали старцы не с мытарствами. — Ср. Гесиод. Работы и дни, 115-116: «В пирах они [люди Золотого века] жизнь проводили./ А умирали, как будто объятые сном».

[148] Примечания: 148

Не хладными дни были, не суровыми... — Ср. Гораций. Эподы, 16, 53-55: «Многих чудес благодать нас ждет: не смывает там землю/ дождливый Эвр струями непрестанными/ и плодородных семян не губит иссохшая почва...» (пер. А. Семенова-Тян-Шанского).

[149] Примечания: 149

Аконит с цикутой ядовитою.-Аконит — многолетнее травянистое растение семейства Лютиковые, русское название — борец. По легенде, аконит произошел от слюны пса Цербера, когда Геркулес, совершая

свой двенадцатый подвиг, выволок его из Царства мертвых. Ослепленное солнечным светом, чудовище металось, заливая землю пеной из своих трех пастей. Куда попала пена, там выросли ядовитые растения, в их числе аконит, получивший свое название от города Акони, возле которого это якобы происходило. *Цикута,* или вех-ядовитое растение семейства Зонтичные. Яд цикуты был широко распространен в античности (напр., отравление Сократа), в то же время из ее стеблей изготавливались пастушеские свирели.

А лишь целебной силой наделенные;

Бальзамы источала знаменитые,

Бензои, нарды, — мы таких не видели, —

И мирру дорогую, духовитую.

Под сенью древ, как в сладостной обители,

Вкушали млеко, желуди с малиною[150]

В тот век благой счастливейшие жители.

Лишь вспомнятся они, так не премину я

Их почитать хвалою всё исправнее;

Я бью поклон вам, о лета старинные.

Где слава древняя и доблесть дав-

---

[150] Примечания: 150

О питании желудями в Золотом веке см. Овидий. Метаморфозы, 1,104 и след.: «Рвали с деревьев плоды, земляничник нагорный сбирали,/ терн, и на крепких ветвях висящие ягоды тута,/ иль урожай желудей, что с деревьев Юпитера пали»; Тибулл., И, 3,72 и след.: «Желуди рады мы грызть, воду, как прадеды, пить/... прадедов желудь питал...» Ср. Боккаччо. Филоколо, V, 53: «Еще усладил его [Филоколо] рассказом о начале времен, показав, что утоляли голод тогда по обыкновению желудями и другими плодами древесными, подкрепляющими здравие».

няя?[151]

Что, как не прах безжизненный теперь они,

Что вопиет истории — не прав ли я?

Юнцы и девушки, любови вверены,[152]

На радостных лужайках забавлялися,

Познавши стрелы, огнь сынка Венерина.

Без ревности все счастьем упивалися,

Пускались в пояс под переборы струнные

И вроде нежных голубков лобзалися.

О верность древняя, народы юные!

Чем старше мир, тем злей он и бесчин-

---

[151] Примечания: 151

Где слава древняя и доблесть давняя? — Развитие мысли Феокрита. См. Феокрит. XVI, 14-15: «...Теперь своим подвигом славным/люди не ищут хвалы, побежденные страстью к наживе».

[152] Примечания: 152

Юнцы и девушки, любови вверены... — В оригинале более четко просматривается реминисценция из Тибулла. См. Тибулл. I, 3, 63-65: «Юноши тешатся там, играя средь девушек нежных,/ и поединки меж них вечно заводит Амур». *...сынка Венерина* — т.е. Амура или, в итальянской традиции, — Амора.

нее,[153]

То понимаю, глядя на подлунную.

Так мысля, всякий раз, мой друг, в уныние
Я прихожу, и сердце разрывается
От язвы, что не излечу доныне я.

Не говори, и так уж сердце мается;
Коль извлеку на свет души терзания,
Горам и рощам взвыть бы полагается.

Снимает боль с меня обет молчания,
И я спрошу, не знаешь ли Лачинио?[154]
Вот имя нечестивого создания.

Он бдит всю ночь, а с песней петушиною
Сон видит первый; всеми прозван Какусом,

---

[153] Примечания: 153

Чем старше мир, тем злей он и бесчиннее. — Сентенция восходит к Горацию. См. Оды, III, 6, 45-48: «Чего не портит пагубный бег времен?/ Ведь хуже дедов наши родители,/ мы хуже их, а наши будут/ дети и внуки еще порочней» (пер. Н. Шатерникова).

[154] Примечания: 154

Лачинио — старинные комментаторы полагали, что это имя вора, промышлявшего в то время в Неаполе.

Живущий грабежом, татьбой бесчинною.[155]

Ох, эти Какусы, я съел собаку сам

В их узнаванье; мудрые поведали:

Сто праведных одним чернятся пакостным!

Питают их не наша ль кровь, не беды ли!

Кто испытал, придет в негодование;

Напрасно бдели псы и сна не ведали.

Я, сын мой, приобрел уж это знание,[156]

Поскольку стар, согбен, томим недугами,

То не продам, что куплено мной ранее.

О, сколько пастухов здесь меж окру-

---

[155] Примечания: 155

Какус или Как — сын Гефеста, огнедышащий великан и людоед. Похитил коров и быков у Геракла, был им выслежен и задушен. См. Вергилий. Энеида, VIII, 193-199; Овидий. Фасты, 1,550-580; Проперций. IV, 9. У Данте он изображен кентавром, оплетенным змеями, и служит стражем душ воров и грабителей. См. Ад, XXV, 19-33.

[156] Примечания: 156

Я, сын мой, приобрел уж это знание... — Ср. Феокрит. XIV, 27-28: «Правда, уже кое-что до ушей мне подчас доходило,/ но не придал я значенья — дурак, бородой обросший!»

гами,

Что, с виду добрые, так и охотятся
За граблями, мотыгами и плугами.

От воровства они не отворотятся,
Коль жизнь темна, то души камнем деются,
Ни карой, ни стыдом не озаботятся,

Чужим добром разжиться лишь надеются.

ПРОЗА 7

Когда Опико подошел к концу своего пения, не без восторга воспринятого компанией слушателей, Карино, приветливо обратясь ко мне, спросил меня, кто я и откуда, и по какой причине поселился в Аркадии. И я, издав глубокий вздох, как загнанный в угол необходимостью, так ответствовал: «Не могу, любезный пастух, вспоминать о прошлых временах, не впадая в крайнюю тоску[157]; от того, что было, право сказать, мне мало радости и ничуть не радостнее будет рассказывать об этом теперь, когда я нахожусь в куда более тягостном положении, — сим я только увеличу страдания, как ту боль, если разбередят давнюю рану, которую не следовало бы лишний раз трогать; но так как, изливая словами

[157] Примечания: 157

Не могу... вспоминать о прошлых временах, не впадая в крайнюю тоску...-Ср. Боэций. Утешение философией. II, 4: «Справедливо всё, что говорила ты, о кормилица всех добродетелей, и я не могу отрицать стремительнейший взлет моего процветания. Но это еще больше жжет мне душу. Ведь при всякой превратности Фортуны самое тяжкое несчастье в том, что ты был счастливым». См. также Данте. Ад, V, 121-123: «Тот страждет высшей мукой,/ кто радостные помнит времена/ в несчастии...»; Боккаччо. Фьямметта, Пролог: «Отрада жалобу людей несчастных обыкновенно увеличивается, когда они подробно разбираются в своих чувствах или видят в ком-либо сочувствие».

свои несчастья, мы несколько облегчаем себе их тяжесть, я всё-таки начну.

Неаполь, как об этом, вероятно, вы не раз могли слышать, одна из наиболее плодородных и приятных земель Италии; город, лежащий на берегу моря, знаменитый и высокочтимый, прославленный оружием и ученостью, быть может, паче любого другого города в мире. Выходцами из народа Халкиды был он возведен на ветхом прахе сирены Партенопы[158] и принял почтенное имя погребенной здесь богини, каковое за ним сохраняется и по сей день. Там-то и родился я, не от темных кровей, а, если позволительно будет сказать, поскольку об этом явно свидетельствуют вывешенные в самых торжественных местах нашего города гербы моих предков, происхожу из древнего и знатного рода, и сам среди своих юных сверстников, возможно, я не менее почтенен. Дед моего отца был родом из Цизальпинской Галлии, хотя, если посмотреть в корне, он вел происхождение из дальнего предела Испании,

[158] Примечания: 158

...возведен на ветхом прахе сирены Партенопы — Сирена Партенопа, не сумев заманить пением Одиссея, покончила с собой на том месте, где впоследствии халкидянами был основан город Неаполь, в античности называвшийся Партенопея. Саннадзаро в своем творчестве часто упоминает сирен в связи с этой легендой. В частности, см. Аркадия, Экл. XI, 91-93.

и в этих двух местах еще и доныне процветают реликвии моей семьи; его деяния были еще блистательнее, нежели врожденное благородство. Будучи во главе многих ратных[159] в достопамятном походе Карла Третьего, вступил он в королевство Авзонию и доблестью стяжал себе во владение древнюю Синуэссу с большею частью Фалернских полей и горы Массики вместе с небольшим наделом, лежащим на том берегу, где бурный Вольтурно врывается в море, и Линтерно, хоть уединенный, но не менее знаменитый своим прошлым, славный прахом божественного Африканца, погребенного там; и это если еще не считать множества земель и замков в плодородной Лукании, бывших за его досточтимым именем, в которых, будь даже только они

[159] Примечания: 159

.. *.во главе многих ратных...* и далее. — Никколо Саннадзаро стал полководцем неаполитанского короля Карла Третьего в 1340 г. При перечислении владений, полученных предком за ревностную службу, Саннадзаро упоминает топонимы, относящиеся к области Кампания, связанные с историей Древнего Рима. *Фалернские поля* — место, где производилось знаменитое вино, воспетое Горацием и Катуллом. *Массика* — горный хребет, по которому Квинт Фабий вел войска против Ганнибала, вторгшегося в Италию, см. Тит Ливии. XXII, 14. *Линтерн* — город, близ которого находилась вилла, где умер и погребен великий римский полководец Публий Корнелий Сципион Старший («божественный Африканец»). *...бурный Вольтурно врывается в море* — ср. Боккаччо. Амето, XXIX: «...устье яростного Вольтурна, вливающего в море мутные от песка воды»; ibid. XXXV: «...к мутному устью Вольтурна».

одни у него, можно было бы жить в изобилии всяких благ, как того требовало его положение. Но Фортуна, более щедрая в дарении, нежели в заботе о сохранении мирского процветания, изволила, чтобы в это время, после смерти короля Карла и его законного наследника Владислава[160], осиротевшее королевство перешло в руки женщины[161]. Следствием природного непостоянства и переменчивости ее души[162]было то, что ко всем прочим своим отвратительным деяниям она прибавила еще одно: всё, чем владели ее отец и брат, люди в высшей степени почтенные, она уничтожила, осквернила, растратив, и привела свое королевство чуть ли не на край гибели. О той нужде и невзгодах, что претерпели мой дед и отец, помимо уже сказанного, я бы

---

[160] Примечания: 160

Владислав I Дураццо (1377-1414) — сын Карла Третьего, король Неаполя. Вступил на престол после гибели отца в 1386 году. По легенде, он был отравлен одним лекарем, чья дочь была его любовницей.

[161] Примечания: 161

...осиротевшее королевство перешло в руки женщины... — Подразумевается Джованна II (1373 — 1435) — дочь Карла III ди Дураццо, старшая сестра Владислава. Взошла на престол после внезапной смерти брата в 1414 г. О причине столь гневной филиппики в ее адрес см. вступительную статью.

[162] Примечания: 162

...природного непостоянства и переменчивости ее души... — Ср. Вергилий. Энеида, IV, 569-570: «...изменчива и ненадежна/женщина»; Тибулл. III, IV, 61-63: «О, безжалостный род, вероломное женское племя.../

изменчиво женское сердце»; Проперций. II, XXV, 22: «У женской души нет постоянства в любви»; Кальпурний. III, 10: «Ветрены женщины все...» и др.

мог рассказывать еще долго, но возвращусь к себе, который в те крайние годы, освященные благой памятью о победоносном короле Альфонсе Арагонском[163], когда после гибельных дней настали времена более спокойные, при бедственных знамениях комет, землетрясений, эпидемий, кровопролитных сражений, родился в бедности и (как говорят мудрые) вскормлен был в скромной доле. Моя планида или судьба так распорядилась, что, едва достигнув полных осьми лет[164], впервые ощутил я могущество Амора: приглянулась мне молоденькая девочка, и такая красивая и изящная, что все другие в глазах моих меркли перед ней, и, нисходя с высоты своих благородных кровей, с куда большим усердием, нежели то подобало нежному возрасту, я затаил в

[163] Примечания: 163

...памятью о победоносном короле Альфонсе Арагонском... -Саннадзаро намекает на исторические события, произошедшие до его рождения. В1420 г., когда Людовик III герцог Анжуйский намеревался захватить престол Неаполитанского королевства, в то время уже подступив к воротам города, Джованна II призвала юного Альфонса, короля Арагона, Сицилии и Сардинии. Введя в залив свой флот, он вынудил врага отступить в Аверсу. В награду за победу бездетная Джованна усыновила Альфонса, предоставив ему право наследовать трон. Но вскоре под давлением фаворита Сер Джанни Караччоло вероломная королева отменила усыновление, склонясь на сторону Людовика Анжуйского. Пробыв три года в Неаполе, Альфонс, преданный своими соратниками, удалился в Каталонию. Джованна завещала трон Рене Анжуйскому, брату Людовика. Только через 7 лет после ее смерти, в 1424 году, Альфонс после краткой осады овладел Неаполем и взошел на престол.

[164] Примечания: 164

...полных осъми лет. — Ср. Данте. Новая жизнь, I: «Девять раз уже, после моего рождения, обернулось небо света... когда моим очам явилась впервые прославленная госпожа моей души».

себе желание. Отчего, не позволяя ей узнать мою тайну, проводил я с нею в ребяческих забавах день за днем, и час от часу ее чрезмерная красота всё глубже проникала огнем в мое податливое тело; так с годами окрепло любовное чувство, и чем старше мы становились, тем больше она склонялась к моим жарким желаниям. Но то, что обычная наша беседа прекращались, а она по-домашнему непринужденно ее возобновляла, мне доставляло огорчение. Ибо, казалось мне, любовь, благоволение и величайшая привязанность, испытываемые мною к ней, не имели того завершения, какого я жаждал, и зная, что скрыто в моей груди и что выставлять перед ней напоказ нет мне нужды, я не отваживался еще открыться ей[165], дабы не потерять в единый миг то, что долгими годами было, мнилось, достигнуто усердным трудом[166]; в такой страшной меланхолии, в таком страдании пребывал я, утратив

---

[165] Примечания: 165

.,. я не отваживался открыться ей... и далее. — Ср. Боккаччо. Фьезоланские нимфы, XXXVI, 1-4: «Что делать мне? Всё кончено. Ужели/ открыться ей? Себя же погубить./ Молчать — нет сил, молчать всего тяжеле:/ огонь в груди всё будет злей томить».

[166] Примечания: 166

... потерять в единый миг то, что долгими годами, мнилось, достигнуто было усердным трудом. — См. Петрарка. Книга песен, CCLXIX, 13-14: «То потерять легко единым днем,/ что тяжело годами доставалось» (пер. мой. — *А.Л.).*

сон и привычную пищу[167], и больше походил на осененного смертью, чем на живого человека. Много раз она вопрошала меня о причине сего, но в ответ я не издавал ничего иного кроме пылкого вздоха. И, несмотря на то, что на крохотном ложе в моей каморке многие памятные вещи меня понуждали ей рассказать обо всем, в ее присутствии я бледнел, трепетал и становился немым, так что она, быть может, по многим замеченным признакам могла подозревать о моем состоянии. Но она, или по врожденной доброте не дала мне это понять или из-за такого холода в груди, что не позволял ей принимать любовь, или же, может быть — что более всего правдоподобно — была так мудра, что лучше меня умела скрывать и своими поступками, и речами удивительно просто показала мне это. Отчего я не мог ни открыться ей, как я люблю ее, ни продолжать такое жалкое существование

Итак, решил я прибегнуть к крайнему средству

---

[167] Примечания: 167

... утратив сон и привычную пищу... и далее — Ср. Лонг. II, 7: «И сам я был молод и любил Амариллис; тогда и о пище я забывал, и питья не принимал, и сна не знал... Страдал душою; сердце трепетало, тело холодало...»; Боккаччо. Филоколо, III, 8: «...все духи в нем так смешались, что или мало, или вовсе он не мог принимать пищи, в его грудь не вливался сон, отчего лицо его стало бледным, и тело от худобы истощилось, и стал он весь слабый и изможденный. Большую часть дня он лежал и превратился в того, кто отяжелел от долгой неподвижности...»

ухода от жизни такой и начал раздумывать о способе, как это сделать; разнообразные и причудливые средства смерти я перебирал в уме; и действительно, то петлей, то ядом, то разящим мечом был готов окончить свои безрадостные дни[168], и если бы исстрадавшаяся душа не осознала, сколь низок сей поступок, не дрогнула бы она совершить то, чего желала. Таковым образом, чтобы уберечь себя от неразумного намерения, остановился я на более правильном решении, а именно, вознамерился покинуть Неаполь и отцовские владения, надеясь тем самым вдали от них отрешиться от любви и раздумий.

Но, увы, очень многое вышло не так, как я предполагал; потому что, если прежде, часто видясь и беседуя с моей возлюбленной, я считал себя несчастным только из-за мыслей о том, что причина моих страданий ей неведома, то ныне я могу совершенно справедливо назвать свое положение несчастнейшим из всех возможных, ибо нахожусь с ней в разлуке далеко от нее, и может быть, уже нет надежды увидеть ее снова

[168] Примечания: 168

...то петлей, то ядом, то разящим мечом был готов окончить свои безрадостные дни... — Ср. Овидий. Героиды, II, 139-141: «Выпить отраву не раз мне хотелось, не раз представлялась/ сладкой кровавая смерть от моего же клинка,/ петлю хотелось надеть мне на шею...»

когда-нибудь или услышать о ней новость, что стала бы для меня утешительной. Непрестанно вспоминаю я о своем пылком отрочестве и о наслаждениях моей благодатной родины меж этими уединенными кущами Аркадии, где, конечно, вы с трудом поверите, что юноша, вскормленный и выросший в столь знаменитом городе, может испытывать удовольствие от пребывания среди зверей диких. И если бы не было у меня другого беспокойства, тревожащего ум, постоянно отягченный разными порывами от страстного желания видеть ее снова, не мог бы я ни днем, ни ночью не думать ни о чем ином, как не об этом[169], настолько моя тоска была бы велика.

Я не видел здесь ни горы, ни леса[170], что во-

---

[169] Примечания: 169

... не мог бы я ни днем, ни ночью не думать ни о чем ином, как не об этом. — Т.е. если бы не сильное любовное чувство, Синчеро мучился бы тоской по покинутой родине. Ср. с жалобой Аттиса у Катулла. LXIII, 50-55: «О отчизна, моя отчизна, мать родительница моя!/ неужель, тебя оставив, уподобился я рабам,/ от господ бегущим, жалкий, к Идским кущам перенесясь,/ чтобы жить у снежных высей меж прибежищами зверей/ и к холодным логовищам их в неистовстве подбегать,/ где, в каких местах, отчизна, расположены ты, ища?»

[170] Примечания: 170

Я *не видел здесь ни горы, ни леса...* и далее. — Ср. Петрарка. Книга песен, CXXIX, 14-18: «Лишь выси гор да мрак лесов угрюмый/ Дают мне роздых; ненавидит глаз,/ как недруга, людское поселенье;/ мой каждый шаг исполнен новой думой/ о Донне...»; ibid. 27-31: «Где холм иль ель отбрасывают тени,/ там медлю я и думой на скалах/ любимый лик

рисую в сладкой муке. Когда ж очнусь, то вздохи сожалений/ колеблют грудь...» (пер. А.Эфроса).

преки всему не убеждали бы меня вновь обрести мою даму, хотя и помысел об этом кажется мне невозможным. Не слышал я ни единого движения зверя, птицы или древесных ветвей, куда бы ни направился, в испуге осматриваясь, не пришла ли она в эти места, чтобы убедиться в том, какую горестную жизнь влачу я от любви к ней. Равно как не было ничего, что я бы увидел, и это не послужило бы поводом воспоминаний, не усугубило бы пыл и стремление к ней. Чудится мне, что сводчатые гроты, источники, долы, горы и все леса здешние призывают ее, и высокие кустарники всегда оглашаются именем моей любимой. Меж ними останавливался я иной раз, созерцая развесистые вязы, оплетенные плетями виноградной лозы, и на мою душу внезапно накатывались горечь с тоской невыразимой, когда я осознавал, насколько мое состояние отлично от сих деревьев бесчувственных, которые неразлучны с возлюбленной лозой в этих картинных объятиях; и я при таком пространстве небес, при такой протяженности земли, при таких морских просторах длю страдания, истощая себя в нескончаемых муках и слезных пенях. Ах, сколько раз, пробуждали во мне воспоминания виденные в этих уединенных лесах ласковые голубиные

пары, целующиеся клювами с нежным воркованием[171], а затем страстно вспархивающие, спеша в свое насиженное гнездо; и меня почти одолевала зависть до слез, и говорил я такие слова: «О, счастливы вы, создания, не ведающие никаких подозрений ревности, вам дано и спать и бодрствовать в спокойном умиротворении! Долгое у вас наслаждение, долгая любовь; тогда как мне среди живущих являть собой только печальное зрелище страданий. И еще доводилось мне много раз, когда я (по обычаю, заведенному в ваших лесах) пас блуждающие стада, видеть на злачном лугу до невозможности тощего быка[172], на чьих слабых костях едва держалась иссохшая кожа; на него не мог смотреть я без неизмеримого угнетения и боли, я думал о своей любви, что

---

[171] Примечания: 171

...ласковые голубиные пары, целующиеся клювами с нежным воркованием. — Сравнения влюбленных с голубями см. Проперций. II, XV,27-28: «Голуби в страсти своей тебе да послужат примером:/ самка и с нею самец — брака живой образец». Также см. Данте о Паоло и Франческе. Ад, V, 82-85: «Как голуби на сладкий зов гнезда,/ поддерживаемые волею несущей,/ раскинув крылья, мчатся без труда,/ так и они...»

[172] Примечания: 172

...доводилось мне видеть на злачном лугу до невозможности тощего быка... и далее. — Описание коровы и быка, изнемогающих от любовной страсти, навеяно Вергилием. См. Экл. III, 100-101: «Как же мой бык отощал, от сочной бежит чечевицы;/ страсть — это гибель для стада, для тех, кто смотрит за стадом». Ibid. Экл. VIII, 85-89: «Страстью подобной томима телица, которая ищет/ в роще быка своего и в чаще несчастная бродит,/ возле ручья утомленно ложится в прибрежной

осоке/ и на закате домой не идет».

для меня, как и для него, стала причиной страдальческого существования. Помимо этого, когда я бежал общества пастухов ради одиночества, больше позволявшего мне предаваться мыслям о злосчастиях, часто встречалась мне влюбленная телица[173], которая бродила с мычанием по высоким рощам в поисках молодого бычка, а потом, от усталости валилась на берегу какой-то речки, где забывала о пастбище и о наступлении сумерек темной ночи; и это каждый раз понуждало меня оглядываться на собственную безрадостную жизнь, в которой мне только и остается думать о той, которую я потерял или теряю. И от увиденного, друзья, мой ум охватывали неисцелимая тоска и щемящее сострадание к самому себе[174], проникающие внутрь до самого мозга костей и не оставляющие ни единого волоска на голове, который не завился бы от ужаса; и я чувствовал, как мои конечности холодеют от страдальческого пота, и биение сердца, такое сильное, что,

---

[173] Примечания: 173

...*часто встречалась мне влюбленная телица.* — Ср. Боккаччо. Фьезоланские нимфы, CLXXIV-CLXXVI: «Потом, любуясь, он *глядел* на стадо:/ резвилися коровки и бычки...» и далее.

[174] Примечания: 174

. ..*сострадание к самому себе.* — Ср. Боккаччо. Фьезоланские нимфы, CLXXI, 1-2: «И вот к себе исполнен состраданья,/ сраженный переменою своей...»

воистину, если бы я того не желал, страшился бы, что измученная душа предпочтет покинуть свое телесное пристанище. Но отчего мне продолжать рассказ о моих чувствах, если о них может каждый прочесть на лице моем?

Я не слышал еще, чтобы кто-либо из вас называл меня «Саннадзаро», хотя фамилия моих предков всегда пользовалась большим почетом, и это заставляет меня вздыхать, вспоминая, как прежде моя дама звала меня «Синчеро» (Искренний). Не слышал я здесь ни свирельного звука, ни голоса какого-либо пастуха, чтобы очи мои при этом не проливали бы слез любви; ко мне возвращаются воспоминания о счастливых временах, когда я мог распевать свои стихи и стансы, вызывая высокое одобрение у внимавшей им дамы[175]. И чтобы не останавливаться подробно на всех моих страданиях, чем бы я ни умилялся, сколько бы ни забавлялся, ни праздновал, не скажу, что оттого прибывает веселости, но унимаются печали; и прошу я кого-нибудь из богов благосклонно выслушать страдальческие призывы, которым или скорой моей смертью, или благоприятными

[175] Примечания: 175

. ..*когда я мог распевать свои стихи и стансы, вызывая высокое одобрение у внимавшей им дамы.* — Ср. Кальпурний. III, 42: «Превозносила она всегда до небес мои песни».

обстоятельствами положить конец».

Тогда Карино на мою долгую речь ответил так: «Тяжелы твои страдания[176], мой Синчеро, и внимать о них нельзя нам без величайшего сострадания, но ответь: ежели боги привлекут наконец в твои объятия желанную донну[177], какими станут те твои стихи, что недавно слышали мы от тебя тихой ночью? Конечно, если эти слова не выйдут у меня из памяти, я их таким образом запомню. А в награду дам тебе флейту из ветки бузины, которую сорвал своими руками меж острых скал, столь отдаленных от наших селений, что туда, верится, никогда не долетала утренняя песнь петуха, даже отзвуком; на этой флейте, надеюсь я, (если судьбы не воспрепятствуют) ты в будущем более возвышенным стилем воспоешь любовь фавнов и нимф. И как первую пору своей юности ты без пользы проводишь среди грубых

---

[176] Примечания: 176

Тяжелы твои страдания...-Ор. Боккаччо. Филоколо, IV, 54: «Прекрасная юница, не огорчайся, несомненно я понимаю, что твое несчастье было велико и боль того не меньше...»

[177] Примечания: 177

...ежели боги привлекут наконец в твои объятия желанную донну. — Ср. Боккаччо. Филоколо V, 17: «Филено, если боги приведут к вам тот же час ту, которая так желанна вам, скажите мне (если сие дозволено), эта ваша дама, красива ли она и кто она?» Ibid. IV, 54: «Скажи мне, Бьянкафьоре, пусть боги исполнят каждое твое желание, в чем причина этих слез?»

и простоватых пастушьих песен, так проведешь счастливую молодость меж звонких труб[178] самых блистательных поэтов твоего века не без надежды на славу вечную».

Сказав это, он умолк; и я, заиграв на лире, начал такую песню:

[178] Примечания: 178

И как первую пору своей юности ты без пользы проводишь среди грубых и простоватых пастушьих песен, так проведешь счастливую молодость меж звонких труб... — См. Кальпурний. IV, 163: «Титир, споем о пашне вначале, потом об оружье». Здесь, может быть, имеет место некая творческая установка, данная Саннадзаро самому себе — по примеру Вергилия (на которого намекал Кальпурний) в зрелости обратиться к героическому эпосу после юношеской буколики. Этого пожелания, как известно, поэт не исполнил, создав вместо героического эпос религиозный.

ЭКЛОГА 7

СИНЧЕРО (ОДИН)

Подобно птице, что не терпит солнца,
Скрываюсь, бедный, в зарослях, во мраке,
Как только ясный день сойдет на землю;
Когда же в мир приходит тихий вечер,
Я не вкушаю вожделенный сон,
Тревожу плачем тишину в долинах.[179]

Коль никогда ни в рощах, ни в долинах
Не засияют очи блеском солнца,
Устав от плача, погружусь я в сон,
Жестокое видение во мраке
Мне явится, и страшен будет вечер;

---

[179] Примечания: 179

Подобно птице, что не терпит солнца... и далее вся строфа — См. Петрарка. Книга песен. XXII, 1-2: «Все естество, кому приют — земля,/ хотя иным и ненавистно солнце» (пер. А. Эфроса). Ibid. 7-12: «А я едва прекрасная денница/ размечет мрак, в котором спит земля,/ и звери вновь наполнят шумом лес, — / я вздохами сопровождаю солнце;/ но только лишь запламенеют звезды,/ я вновь в слезах и снова кличу день».

Боюсь заснуть, боюсь я лечь на землю.

Мать благодатная! — молю я землю, —

Как только лягу где-нибудь в долинах,

Позволь заснуть мне в мой последний вечер[180]

И не буди, пока с восходом солнца

Лучи с моих очей не свеют мраки,

Не нарушай ты этот долгий сон.

Когда же день с очей прогонит сон,

Покинув ложе, встану я на землю,

Погожим днем увижу только мраки

И сушь в цветущих некогда долинах;

И коль живятся смертные от солнца,

Меня живит лишь сумеречный вечер.

Мадонна, ваша милость в этот вечер

В ликующей красе войдет в мой сон,

Мне сердце озарит подобьем солнца,

---

[180] Примечания: 180

Позволь заснуть мне в мой последний вечер... — См. Петрарка. Книга песен, CCXXXVH, 7-9; 36: «Я уповаю, что последний вечер/ избавит плоть мою от этих волн/ и даст упокоенье мне в долине.../ чтоб солнце не взошло из лона волн» (пер. мой. — *АЛ.).*

Что после ливня согревает землю,

«Иди, — мне скажет, — и в моих долинах

Сорви цветок, покинь пещеры мраки».

Пусть канут мысли тяжкие и мраки,

Что продлевают мой унылый вечер,

Я грежу о тех сладостных долинах,

Где травы мне навеют сладкий сон;

Коль плоть моя — земля и снидет в землю,[181]

Счастливее меня не узрят солнца.

Взойдет скорее в час вечерний солнце,

Скорей под землю, Песнь, сойду во мраки,

Чем я в долинах тот увижу сон.

---

[181] Примечания: 181

Коль плоть моя — земля... — См. Петрарка. Книга песен. XXII, 24: «Затем, что если плотью я — земля...» (пер. А. Эфроса).

ПРОЗА 8

Едва я дошел до последних слов моей песни, когда Карино веселым голосом, обратясь ко мне, воскликнул:

«Радуйся (сказал он), пастух неаполитанский, гони, сколько можешь, тоску из сердца своего; однажды просияет твое хмурое чело, ибо несомненно, что в свою любезную отчизну к даме своей, паче всего тебе желанной, вернешься ты в недолгом времени, коли не обманывают меня эти радостные знамения, явленные мне богами».

«И что же, это случится?» — отозвался я, — «...Разумеется, случится, — сказал он, — ибо знамения и предвозвещения, данные нам бессмертными, не позволяют кому-либо впадать в уныние, так как сами по себе являются наивернейшими и незыблемыми. Итак, утешься и обрети надежду на радость грядущую, и я надеюсь, что твоя надежда не будет напрасной. Не видал ли нашего Медвежонка, такого торжествующего, ведущего справа

мою телицу, найденную им[182], радостно оглашающего окрестные дубравы звуками нежной свирели? И оттого, если мои просьбы возымеют хоть малое место в твоей душе, я тебя прошу, ведь, насколько я понял, тебя угнетает жалость к себе самому, перестань проливать горькие слезы; ибо, согласно пословице, ни слезами Эрот, ни реками луга, ни листвою козы, ни свежими цветами пчелы вовек не насытятся[183]. И чтобы обнадежить тебя в страданиях твоих, расскажу я тебе, как сам я стал если не полностью счастливым, то, по крайней мере, частию избавился от своих горестей: можешь поверить мне, что был я в подобном состоянии и даже, может быть, в более прискорбном, нежели ты в добровольном изгнании своем[184], которым так тяготишься;

---

[182] Примечания: 182

Не видал ли нашего Медвежонка, такого торжествующего, ведущего справа мою телицу, найденную им... — См. Кальпурний. III, 97-98: «Титир ведь справа мне знаком счастливым явился,/ вот он, телку найдя, спешит, довольный успехом».

[183] Примечания: 183

Согласно пословице, ни слезами Эрот, ни реками луга, ни листвою козы, ни свежими цветами пчелы вовек не насытятся. — В качестве пословицы приведена цитата из Вергилия. См. Экл. X, 29-30: «...Амур не сыт слезами, как влагой/ луг не сыт, или дроком пчела, или козы листвою» (пер. С. Шервинского).

[184] Примечания: 184

...в добровольном изгнании своем-Ср. Боккаччо. Филоколо, IV, 32: «...со мною вместе добровольное изгнание примите».

ибо ты никогда не подвергался опасности потерять то, что, казалось тебе, достигнуто с таким трудом, в отличие от меня, который в один миг всё свое благо, все надежды, всё счастье отдал в руки слепой Фортуны и в одночасье потерял. И я не сомневаюсь, что, потеряв тогда всё, я утратил бы и большее в вечности, если бы разуверился в не скудеющей милости богов, как ты. Пылал я, и ныне пылаю, и впредь буду, пока душа управляет членами моего тела, от самой младости наижарчайшей любовью к одной деве, по моему мнению, своими красами не только пастушек-аркадянок, но и самих богинь небесных превосходящей; она же с нежного возраста своего была посвящена служению Диане; я, как она, в лесу рожден и вскормлен был, и по доброй дружбе, я с ней, она со мной, поселились мы вместе в дубраве и (того хотели боги) обнаружили такое сходство между собой в своих привычках, что любовь и великая нежность возникли между нами, и никогда ни я, ни она не испытывали услады, кроме как бывши вдвоем. Мы в лесах на пару с ней, вооружившись подходящими снастями, ходили на приятную охоту и никогда не возвращались нагруженные добычей, перед этим не разделив ее между собой и не почтив алтарь святой богини должным

посещением и подношением обильных даров; подчас мы жертвовали ей голову щетинистого кабана, а подчас ветвистые рога, снятые с живого оленя[185], развешивали на высоких соснах. Но как от каждой охоты познавали мы наивысшее наслаждение, так она от простых и невинных пташек услаждалась паче всего прочего и при этом с большею усладою и с меньшими усилиями, чем кто-либо другой, могла продолжать забаву. Иногда мы перед восходом дня, когда еще звезды рассыпаны на небе, чтобы увидеть встающее солнце на востоке меж розовеющих облачков, уединялись, бежав от людского шума в одну из отдаленных равнин, и там, среди двух высочайших и стройных древ осматривали раскинутые сети; самую тончайшую, ту, что в листве едва различима, мы называли «Арахной»[186]. Сладив ее искусно и надлежащим образом, мы переходили на дальние опушки леса, где руками наводили страх, били палками и камнями шаг за шагом по

---

[185] Примечания: 185

...голову щетинистого кабана, а подчас ветвистые рога, снятые с живого оленя. — Аналогичные приношения богине охоты — см. Вергилий. Экл. VII, 29-30: «Голову вепря в щетине юный Микон преподносит,/ Делия, равно — извивы рогов долговечных оленей».

[186] Примечания: 186

«Арахна» — ловчая сеть названа по имени лидийской ткачихи, вызвавшей на состязание в ткачестве богиню Афину и за это превращенная ею в паука. См. Овидий. Метаморфозы, VI, 1-145.

той просеке, на которой была расставлена сеть, вспугивая криками дроздов, скворцов и других мелких птиц. Они в страхе взлетали при нашем появлении; неосмотрительные, попадали в наши коварные силки, в которых запутывались и повисали там словно бы в мешочках. И видя, наконец, что добычи уже достаточно, потихоньку-потихоньку ослабляли мы узелки искусно сделанных веревок, которые опускались, и там находили мы иных плачущих, иных простертых и полумертвых птиц, и в таком изобилии, что зачастую было в докуку их убивать[187] и не хватало места, чтобы вместить стольких, и тогда беспорядочно, в наскоро свернутых сетях, несли мы их к своему жилищу. Иной раз, когда в пору плодоносной осени сбившиеся в плотную стаю летящие скворцы кажутся смотрящему на них неким шаром в воздухе, мы ухитрялись поймать двух-трех, что, как может показаться, было просто: протягивали мы у ног тончайший шпагат, обмазав его цепким клеем, такой длинный, насколько каждый был способен унести; и как только летящая стая

[187] Примечания: 187

...полумертвых птиц, и в таком изобилии, что зачастую было в докуку их убивать... и далее. — См. описание птичьей охоты у Лонга. Лонг. II, 5: «Что до птиц, то многое множество их прилетало, и ловить их было легко, так что пришлось ему немало потрудиться, их собирая, убивая и перья ощипывая».

приближалась к нам, отпускали их на свободу. Те тотчас же спешили к товарищам, меж коими, следуя своей природе, тут же перемешивались, и достаточно было с силой дернуть за клейкий канат, чтобы многих из тесного сонмища в воздухе притянуть к себе. Посему эти несчастные, чувствуя, как их влекут вниз, и притом не понимая, что мешает полету, кричали пронзительно, наполняя окрестный воздух скорбными голосами. И наконец, мы видели, как они постепенно падали прямо к нашим ногам посреди широкого поля; был редкий случай, чтобы мы возвращались домой не с полным мешком.

Часто мне припоминаются и другие забавные случаи, приключавшиеся со злосчастными стаями; послушайте, какие.

Всякий раз, когда, уже по обыкновению, у нас в руках оказывалась пойманная птица, мы незамедлительно шли на какую-нибудь открытую равнину и там за края крыльев привязывали ее к земле, будто бы та хотела ни больше, ни меньше созерцать ход светил небесных. И она только тогда чувствовала себя связанной, когда мы начинали кричать пронзительно и сотрясать землю столь сильно, что все ближайшие стаи почитали нужным слететься туда. Иная,

по-видимому, более жалостливая в отличие от своих равнодушных собратьев, заботившихся о безопасности, отлетала от них, устремляясь к тому месту, что так ее волновало, однако за это ее часто ждала худая награда. Как только подлетала она к ожидавшей помощи, в жажде спасения та ее обхватывала и стискивала крючковатыми когтями. Спасительница охотно бы взлетела, если бы могла выпутаться из ее когтей. Но едва ли; была она настолько крепко прижата и удержана, что не имела возможности взмахнуть кры-лами. Так что мы могли наблюдать украдкой начало новой битвы: одна искала путей к бегству, другая к освобождению; и та и другая равной мерой заботилась больше о собственном, нежели о чужом благе, стараясь обрести спасение. Тогда мы, прятавшиеся в тайном месте, после долгого наслаждения этим зрелищем, выходили их разнять и, несколько уняв гомон, возвращались в наше укрытие, ожидая, что какая-нибудь новая жертва совершит то же самое, удвоив тем самым наше удовольствие.

А что вам сказать об осторожных журавлях? Разумеется, не стоило с камнем в кулаке караулить их ночью, потому что и среди бела дня не было им покоя от наших нападений. И что пользы белому

лебедю жить среди прохладных вод, уберегаясь от огня в страхе перед новым падением Фаэтона[188], если и таким образом он не мог спастись от наших уловок? И ты, несчастная, глупенькая куропатка, зачем гнушалась высокими кровлями зданий, памятными тебе давнишним твоим ужасным падением[189], если и на ровной земле, где, мнила, всего безопаснее, запутывалась ты в наших силках? Кто бы мог поверить, что и бдительный гусь, мгновенно раскрывший ночной обман, не мог своевременно распознать наши хитрости, направленные против него самого?[190] То же о фазанах, горлицах, голубях, речных утках и других птицах я мог бы сказать. Ни одно создание не наделила природа такой прозорливостью, чтобы это могло их уберечь от наших затей и

---

[188] Примечания: 188

...что пользы белому лебедю жить среди прохладных вод, уберегаясь от огня в страхе перед новым падением Фаэтона... В лебедя превратился Кикн, оплакивавший своего брата Фаэтона (см. Указатель). См. Овидий. Метаморфозы, II, 367-380. Не справившийся с колесницей Солнца, Фаэтон, сжег часть земли, за что и был низвергнут молнией Громовержца. Отсюда указание на огонь, которого боится лебедь, одновременно здесь реминисценция из Овидия. Ibid. И, 378-380: «Небесам и Юпитеру лебедь/ не доверяет, огня не забыв — их кары неправой, — / ищет прудов и широких озер, огонь ненавидя,/ предпочитает в воде, враждебной пламени, плавать».

[189] Примечания: 189

...куропатка, зачем гнушалась высокими кровлями зданий, памятными тебе давнишним твоим ужасным падением... — В куропатку по воле Афины был превращен двенадцатилетний воспитанник Дедала,

которого тот из зависти к его таланту сбросил с крыши храма этой богини. См. Овидий. Метаморфозы, VIII, 250-259.

[190] Примечания: 190

...бдительный гусь, мгновенно раскрывший ночной обман, не мог своевременно распознать наши хитрости, направленные против него самого. — Намек на известную легенду о спасении Рима гусями, которые своим гоготом ночью дали знать римлянам о приближении галлов. Также здесь реминисценция из Овидия. См. Фасты, I, 453-454: «Не помогает и гусю, что он защитил Капитолий,/ печень его на твоем блюде...»

обещало бы им долгую свободу.

И чтобы не останавливаться на таких подробностях в моем рассказе, скажу наконец, что я и моя подруга росли день ото дня, и наша долгая и непрерывная привязанность превратилась в такую бурную любовь, что я никогда не ощущал покоя, не думая о ней. И, как говорил я тебе немного раньше, Синчеро, не было у меня смелости ей признаться в этом, отчего я сохранял такой вид, чтобы не давать другим пастухам повода для толков и чтобы она, ни о чем не подозревая, с благим усердием любила бы меня преласко-вейше и с удивительным состраданием. И не один раз, а тысячу с великой настойчивостью подступалась она ко мне с просьбою открыть ей сердечную тайну, имя той, кто стала сему причиной; я же, будучи не в силах ей открыть нестерпимую тоску, носимую на душе, слезами словно отвечал ей, что языку моему не дозволено называть обожаемую мною за небесную божественность, но я могу изобразить ее восхитительный и божественный образ, когда на это буду способен, и покажу его ей.

И когда за такими речами прошло много-много дней, случилось однажды после приятного птичьего лова быть нам с ней наедине вдали от других пастухов в одной тенистой долине, где зву-

чало пение, вероятно, сотни различных пичужек, оглашавших всю окрестность так, что сами рощи вторили их голосам; расположились мы с ней вдвоем, сев у кромки свежего и прозрачнейшего ручья, протекавшего там. Не потревоженный ни птицей, ни зверем, этот лесной ручей настолько сохранил свою первозданную красоту, что казался не иначе как чистейшим кристаллом, открывающим секреты своего осветленного дна. А вокруг там не видно было ни следа пастухов и коз, ибо стада никогда не приводили к тем водам из почтения к нимфам. В этот день ни листика, ни веточки не упало с ближайших деревьев, они же спокойно, без шелеста либо потрескивания, шептались в травянистом крае и столь тихо, что с трудом можно было поверить, что они колеблются. Спустя некоторое время, когда мы остыли от дневного жара, она, возобновив просьбы, обняла мою голову и принялась умолять меня ради любви моей таимой, чтобы я показал ей обещанное изображение, призывала в свидетели богов и клялась тысячекратно, что никогда и никому, кроме как если мне в угождение, не скажет она о том. И тогда я, залившись преобильными слезами, уже не прежним голосом, а дрожащим и приглушенным, ответил, что оно ей предстанет в водах

прекрасного ручья. И она, столь жаждавшая видеть, опустила очи к водной глади и увидела там свое отражение. От этого (как я помню) она тотчас же смутилась, и лицо ее покрылось такой бледностью, будто она была близка к обмороку[191], и без попытки что-либо сказать или сделать, вся в смятении, покинула меня.

Сейчас каждый из вас и без моего рассказа может себе представить мое состояние в тот момент и меня самого, которого она покинула в гневе и негодовании, с кем еще незадолго до того была нежной и дружественной, проливала слезы сострадания над душевными ранами. Что до меня, то не знаю, был жив или мертв я тогда и как вернулся к себе домой; но помню одно: в течение четырех солнц и стольких же лун потом не подкреплял я свое тело ни сном, ни пищей; и голодные мои коровы всё это время не поки-

[191] Примечания: 191

.. .она тотчас же смутилась, и лицо ее покрылось такой бледностью, будто она была близка к обмороку... — Ср. Боккаччо. Филоколо, II, 67: «Ни жива и ни мертва она была; а если еще оставался какой цвет или оттенок на ее лице, то всё пропало, словно чувства покинули все части ее тела, а душа, зажатая где-то в дальнем уголке сердца, хотела вылететь наружу».

дали загона[192], не знали вкуса трав луговых и вод речных; бедные телятки тыкались носами в сухие вымена голодных маток, не находя в них привычного молока, и наполняли жалобным мычанием окрестные леса. Судя по тому, как я истязал себя, лежал на сырой земле и ни о чем другом не помышлял кроме плача, ни один из тех, кто знал меня в мои бестревожные дни, теперь не мог узнать своего Карино. Приходили волопасы, приходили козопасы и овчары вместе с поселянами из ближайших деревень; считали меня выжившим из ума (так оно и было), и каждый с безмерным состраданием спрашивал меня, отчего я в такой беде[193]. От меня они не добились ответа, только стон единый слышали, так я плачущим голосом сетовал: «Вы, аркадяне, пойте в ваших горах о моей смерти; только петь вы горазды, аркадяне, мою смерть в ваших горах

---

[192] Примечания: 192

голодные мои коровы всё это время не покидали загона… и далее — Ср. Немесиан. II, 29-32.: «Третью зарю мое стадо не ведает пастбищ веселых/ и ни один из потоков томительной жажды не гасит…»

[193] Примечания: 193

Приходили волопасы, приходили козопасы…спрашивали меня, отчего я в такой беде. — Ср. Вергилий. Экл. X, 19-21: «Вот и овчар подошел, неспешно пришли свинопасы,/ следом промокший Меналк — желудевую смесь он готовил./ Все говорили: «Откуда такая любовь?»». Также ср. Феокрит. I, 80-81: «Все пастухи, что коров стерегут, или коз, иль овечек,/ все вопрошали его, от какого он горя страдает».

воспойте[194]. Ах, только тогда мои кости упокоятся в земле, когда цевницы ваши поведают рожденным после меня о моей любви и участи!»

Наконец, на пятую ночь, когда жажда умереть стала нестерпима, покинул я свое безрадостное жилище и направился не к ненавистному ручью, виновнику моих невзгод, а в лес, где бродил, не разбирая троп, и в горы тернистые и крутые, куда привели меня мои ноги и судьба; с великим трудом вскарабкался я на высочайший утес, нависающий над морем, откуда рыбаки обыкновенно выслеживают косяки проплывающих рыб. И там, прежде чем солнце зашло, у подножья стройного дуба, где, помнится, когда-то я отдыхал, склонив голову на грудь своей подруги, расположился, словно бы это древо могло дать исцеление моему отчаянию; и после долгих вздохов, уподобляясь белоснежному лебедю, предсказывающему собственную гибель пением погребальной песни, я начал так изливать горькие пени:

«О жестокая и безжалостная, свирепейшая мед-

---

[194] Примечания: 194

Вы, аркадяне, пойте в ваших горах о моей смерти; только петь вы горазды, аркадяне, мою смерть в ваших горах воспой те. — Симметричная инверсия и цитата из Вергилия. См. Вергилий. Экл. X. 31-33: «Вы об этом споёте/ в ваших, аркадцы, горах — аркадцы, искусные в пенье/ больше других...»

ведиц диких[195], черствейшая дубов столетних, глуше к моим мольбам, нежели море бушующее и рокочущее! Вот ты и победила, вот я и мертв; радуйся, тебе больше не буду докучать своим страданием. Я всё же надеюсь, что твое гордое сердце, которое мне не судьба было завоевать, снизойдет до моего несчастия, проникнется запоздалым состраданием и вынудит тебя проклясть твою прежнюю суровость в жажде видеть хотя бы мертвым того, кого не пожелала одарить простым, добрым словом при жизни. Увы, как могло случиться, что долгая любовь, явные знаки которой ты мне когда-то являла, вдруг в одночасье выветрилась из твоей груди? Ах, разве не вспомнятся тебе приятные забавы нашего отрочества, когда бродили мы с тобой по лесам, собирая румяные ягоды земляники, срывая с высоких дубов вкусные желуди, извлекая каштаны из их колкой кожуры? Или забудешь о тех юных лилиях и первых розах, которые я всегда приносил тебе с полей? Нектаром их цветов не успевали насытиться пчелы, а ты уже щеголяла,

[195] Примечания: 195

...*свирепейшая медведиц диких*... — Ср. Боккаччо. Филоколо, III, 11: «О жесточайшая любого зверя...». Зачин жалобы Карино восходит к сетованиям Полифема Галатее. См. Овидий. Метаморфозы, XIII, 798 и след.: «...лютее медведицы стельной».

украшенная тысячей сплетенных мною венков. Увы, сколько раз ты клялась мне тогда великими богами, что если разлучишься со мною, цветы перестанут благоухать для тебя[196], а источники не дадут тебе привычной свежести! Ах, разнесчастная жизнь моя! К чему я говорю? Кто меня слышит, разве что вторящая нимфа Эхо? Она поверит моему горю, так как сама испытала его однажды, ответит сострадательным шептанием на мой голос; но мне неведомо, где она прячется, почему не выходит сейчас ко мне? О боги небесные и земные[197], хотя вы заботитесь о других несчастных влюбленных, прошу вас, склоните милостиво слух к моим жалобам, услышьте слабый голос, испущенный страждущей душой. О наяды, жительницы быстрых рек; напей, грациозные обитательницы тайных укрытий и светлых источников, поднимите свои белокурые головки

---

[196] Примечания: 196

...сколько раз ты клялась мне тогда великими богами, что если разлучишься со мною, цветы перестанут благоухать для тебя... — Ср. Кальпурний. III, 11-12: «Помнится мне, клялась, что если тебя с ней не *будет,*/ горькой покажется ей без тебя и медовая сладость».

[197] Примечания: 197

О боги небесные и земные... и далее. — Аналогичную форму обращения находим у Боккаччо. См. Филоколо, II, 17: «О вышние боги, вы, что несчастных и страждущих влюбленных удостаиваете своего внимания, прошу вас, сжальтесь надо мной и сей моей боли либо конец, либо утешение пошлите». Ibid. IV, 58: «О славные божества, коих милосердием полнится вселенная, склоните святой слух свой к жалобам моим».

из чистых вод, вонмите моему последнему крику пред тем, как я умру. Вы, о прекраснейшие ореады, нагими бродящие по высоким горам на своих охотах, покиньте на время горные владения, снизойдите к несчастному, который уверен, что вы испытаете сострадание там, где его жестокая дама обретает радость. О милосердные га-мадриады, заботливые хранительницы деревьев, покиньте их кров, уберегите меня от той лютой казни, которую руки мои готовятся совершить надо мной самим. И вы, дриады, очаровательные девы, насельницы дремучих чащ[198], не раз, а тысячу раз уже вас видели наши пастухи водящими хоровод под сенью прохладной ореха, с белоснежными длинными волосами, развевающимися позади нежных плеч; если вы не переменились вместе с моей не отличающейся постоянством фортуной, сделайте так, прошу, чтобы смерть моя не осталась незаметной, чтобы память о ней простиралась изо дня в день в грядущие века, и то, чем была обделена моя жизнь, возместилось бы мне молвой. О волки, медведи и прочие звери,

[198] Примечания: 198

И вы, дриады... насельницы дремучих чащ... и далее.-См. Овидий. Фасты, I, 512: «Славьтеся, нимфы лесов и хороводы дриад». Немесиан. II, 20 и след.: «Вы, о дриады, жилицы лесов, луговые напей...»

скрывающиеся в своих жутких пещерах[199], я покидаю вас, прощайте! Вам уже больше не видеть вашего волопаса, распевающего что ни день в горах и лесах. Прощайте побережья, прощайте зеленые склоны и вы, реки! Живите долго без меня; и пока по каменистому руслу с шумом будете течь в широкое море, вспоминайте вашего Карино, пасшего здесь коров, украшавшего своих быков венками, наигрывавшего на свирели в то время как стада наслаждались водопоем».

Сказав так, уже поднимался я на гребень скалы в намерении броситься с него, как вдруг справа от себя увидел прилетевших двух голубков, которые расположились прямо над моей головою в кроне того самого развесистого дуба и вмиг наполнили это тесное пространство своим воркованием и звуками тысячи сладчайших поцелуев. Это мне показалось благоприятным знамением и вселило надежду на будущую удачу, отчего, раскаявшись, стал бранить я себя за безумное намерение, которому хотел следовать, сиречь лютой смертью избыть муки любовные. И хотя эта мысль не исцелила меня от всего, что я про-

[199] Примечания: 199

О волки, медведи и прочие звери, скрывающиеся в своих жутких пещерах... — См. Феокрит. I, ИЗ: «Волки, шакалы, медведи, живущие в горных пещерах...»

чувствовал, неведомо как, предстала предо мной виновница моего несчастья: она, беспокоясь о моем здравии, из тайного укрытия сполна слышала и видела всё, что я говорил и собирался делать. И не иначе как поступает сердобольная мать, если ее единственный сын в опасности, так с любовным плачем, любезной речью и благочестивым обхождением утешала она меня и всё сделала для того, чтобы из отчаяния и смерти привести меня к жизни, к тому состоянию, в котором вы меня сейчас изволите видеть. Итак, что ни скажешь об удивительной силе всемогущих богов, если они тогда из самой грозной бури, нависшей надо мной, доставили меня в самую спокойную гавань? А из этого следует, друг мой Синчеро, что если ты примешь на веру поведанную мной историю и поскольку ты человек, как я полагаю, то ты должен будешь утешиться, как и все остальные, и в своих невзгодах укрепишься надеждой, что с помощью бессмертных сможешь вновь обрести душевный покой; несомненно, не может быть, чтобы из-за стольких туч однажды не проглянуло бы ясное солнце[200]. И должен ты знать, что чем

[200] Примечания: 200

...не может быть, чтобы из-за стольких туч однажды не проглянуло бы ясное солнце. — См. Овидий. Фасты, I, 495-496: «А непогода не станет весь год бушевать, не стихая:/ и у тебя, мне поверь, будут погожие дни».

с большим трудом достигается желаемое, тем большее наслаждение доставит оно[201], когда мы его обретем, привычным же дорожат меньше».

Сказавши так, завершил он длинную речь и, поскольку слишком долго медлил с нами, сказал нам: «Прощайте» и удалился, погоняя перед собою свою корову. Еще прежде, чем он простился, увидели все мы разом, как среди дубов показался верхом на маленьком ослике человек, такой взъерошенный и по виду грустный, что это всех нас очень удивило. По мере того, как он удалялся от нас по тропинке, ведущей прямиком к городу, без сомнения узнали мы в нем влюбленного Клоника, пастуха ученейшего, искушенного в музыке. Тогда Евгений, бывший с ним в самой тесной дружбе, как посвященный во все его любовные тайны, выбежал к нему навстречу и во всеуслышание обратился к нему так:

---

[201] Примечания: 201

..чем с большим трудом достигается желаемое, тем большее наслаждение доставит оно... — Сентенция восходит к Катуллу. См. CVIII, 1-2: «Если то, что желал и жаждал, обрящет внезапно/ кто-нибудь — до чего ж это приятно душе».

ЭКЛОГА 8

ЕВГЕНИЙ, КЛОНИК

ЕВГЕНИЙ

Куда один, растрепанный и бледный,
На буром ослике ты держишь путь,
Подавленный, измученный и бедный?

КЛОНИК

Ведь попадись тебе хоть кто-нибудь,
Тебя увидев, скажет, без сомненья:
«Не Клоник это, не похож ничуть».

ЕВГЕНИЙ

Не лучше ли бежать уединенья,
Раз чуткий Купидон на оселке
Натачивает стрелы для раненья?

КЛОНИК

ЕВГЕНИЙ

КЛОНИК

ЕВГЕНИЙ

Пахать на хляби, сеять на песке,[202]
Довериться ветрам и то вернее,
Чем верить женщине, томясь в силке.[203]

Евгений, если б я, собой владея,
Ослабил путы — горький свой полон
И снял ярем, носимый мной на шее,

Моих бы песен не был слышан звон
В полях и рощах; фавны и дриады
Не мнили бы, что ожил Коридон;[204]

Напей резвые, гама дриады,
Сатиры и сильваны, пробудясь
От долгих снов, и с ними феспиады,[205]

---

[202] Примечания: 202

Пахать на хляби, сеять на песке — Ср. Петрарка. Книга песен, ССХП, 4: «Пишу на ветре, строю на песке».

[203] Примечания: 203

Сентенция из дидактической литературы (см. Гесиод. Работы и дни, 373-375: «Женщин беги вертихвосток, манящих речей их не слушай./ Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит./ Верит поистине вору ночному, кто женщине верит!»), нашедшая широкое применение в итальянской поэзии. Ср. Боккаччо. Филострато, I, XXII: «Зачем нам женщинам дарить любовь?/ Как листья на ветру, так сто раз на день/ меняются сердца их, вновь и вновь,/ а наш кошмар им вовсе не досаден,/ не знают, как кипит влюбленных кровь,/ что в них огонь жесток и беспощаден./ О, счастлив тот, кто воздержаться смог,/ себя от власти чар их уберег!» См. также инвективу против женщин у Полициано. Стансы на турнир, I, XIV-XVI: «Как жалок тот, кто дамой в

сеть заманен!/ Не помышляя об иной отраде,/ Грустит он или счастьем отуманен,/ ловя его в словечках иль во взгляде./ Лист на ветру не столь непостоянен — / сто прихотей на дню забавы ради...» В дальнейшем Евгений, как оппонент Клоника, выступает противником бога Любви и любовного чувства.

[204] Примечания: 204

Коридон — этот персонаж «Буколик» Вергилия, может означать и самого Вергилия — ностальгия по Золотому веку, звучащая неоднократно на страницах романа.

[205] Примечания: 205

Феспиады — Музы, названные так по местности Феспия, расположенной вблизи горы Парнас.

За руки взявшись, не ходили б в пляс
На этих травах, босы, откровенны,
И сотен песен не звучал бы глас.

Венера и проказник дерзновенный[206]
Скорбь побеждают и меня корят,
Ведь их не услаждает прах мой бренный.

И я всечасно мыслю невпопад,
Придет ли день, когда скажу, свободный:
«О благость неба, я покинул ад»?

Скорей иссохнет дол наш плодородный,
Скорей зимой распустятся цветы,[207]
Чем ты поймешь, что муки те бесплодны.

Коль слеп Амор, то как же можешь ты

---

[206] Примечания: 206

Проказник дерзновенный — Амор или Купидон, в мифологической традиции сын богини Венеры.

[207] Примечания: 207

Скорей зимой распустятся цветы... — Ср. Немесиан. I, 78; Петрарка. Книга песен, CCXXXIX, 10-12: «Но прежде расцветут зимой цветы,/ чем расцветет любовь в душе суровой,/ не внемлющей стихам моим и песням» (пер. мой. — *АЛ.).*

Поводырю слепому доверяться?[208]

Коль наг — что ждешь от этой наготы?

Земную жизнь сравнил бы я, признаться,

С единым днем, который пред концом

Стыдом заката должен обагряться.[209]

Как Старость обратится к нам лицом,

И годы пролетят в дурной растрате,

Стыд запылает в сердце багрецом.

И утешаться стоит ли некстати,

Мол, все заботы обратятся в дым,

Коль годы — тати нашей благода-

---

[208] Примечания: 208

Ср. Гораций. Послания, XVII, 3-4: «Выслушай мненье дружка, который в советники лезет,/ словно слепой — в вожаки...» (пер. Н. Гинцбурга). Боккаччо. Филоколо, III, 34: «Твои крылья [о, Амор] доказывают твою летучесть, из памяти моей не выходит то, что я видел тебя лишенным зрения, и как же, идя за слепым поводырем, не сбиться с прямой дороги?»

[209] Примечания: 209

Ср. Петрарка. Триумф Времени, 61-63: «Жизнь только день, быть может, полный чар,/ но как он краток, скуден и ненастен!/ Не стоит ничего такой товар».

ти?[210]

Итак, перед пределом роковым,
Когда поймешь, что в землю ляжешь вскоре,
Проникнешься раскаяньем святым.

А если сам с собою ты в раздоре,
То где же обретешь себе покой?
Коль страждет сердце, то рассудку горе.

Смеялись над твоею слепотой
Потоки, горы; милостью не взманен,
Награды не обрящешь никакой.

Сколь счастлив тот, кто в страсти постоянен,
Кто в жизни, в смерти любит, как любил,
Ни ревностью, ни завистью не ра-

[210] Примечания: 210
Рассуждение о скоротечности времени ср. Гораций. Послания, И, II, 55-56: «Годы бегут, и у нас одно за другим похищают:/ отняли шутки, румянец, пирушки, любви шаловливость...» (пер. Н. Гинцбурга).

нен![211]

Двух горлиц вид вчера меня пленил,
Я зрел, как те гнездо на вязе вили,
И только я был небесам не мил.

Когда подруги мимо проходили
И стали рядом, помутнел мой взор,
Едва я на ногах стоять был в силе.

Молчать иль молвить? Боль язвит в упор,
Повеситься я жаждал на платане,
Мне Ифиса представил вдруг Амор.[212]

Царит безумье во влюбленных стане,
До срока жизнь окончить норовят
И рады безрассудству, как в дурмане.

---

[211] Примечания: 211

Ср. Гораций. Оды, I, XIII, 17-20: «Втрое счастлив и более,/ знает прочные кто узы! Постыдными/ не разъята раздорами,/ их порвется любовь только с последним днем» (пер. В. Брюсова).

[212] Примечания: 212

Пример несчастной любви из мифологии: юный Ифис от муки неразделенной любви повесился на двери отвергшей его красавицы Анаксареты. См. Овидий. Метаморфозы, XIV, 697-771. *Ифиса представил вдруг Амор* — видимо, в момент, когда тот повесился. Ibid. 737-738: «Голову вставил в тесьму, к любимой лицом обращенный;/ и, опустившись, в петле злосчастная тяжесть повисла». Ср. Петрарка. Триумф любви, II, 151-152: «Оплакивает жребий свой тяжелый/ самоубийца Ифий…»

Скорее, чем изменят свой уклад,
Хоть кожу сменят. В самом деле,[213]
И стадо отдадут за смех, за взгляд.

Так Парками ведомые кудели[214]
Вмиг оборвет презрение иль гнев,
Любовь виновна в их души разделе.

Вернуться жаждут, вспять не посмотрев,
Не в пламени горят, дрожат не в стуже
Во здравье страждут, радости презрев.

Амора ищут, только всё им хуже;
То жизнь иль смерть, никак не разберу,
Зовут свободу, а узлы всё туже.

---

[213] Примечания: 213

Скорее, чем изменят свой уклад,/ Хоть шкуру сменят. — Ср. Петрарка. Книга песен, CXXH, 5-6: «Правдива поговорка: шерсть сойдет/ скорей, чем навык» (пер. А. Эфрос). Ibid. CCCLX, 41-42: «Скорее шкуру сменят,/ чем волю непреклонную свою» (пер. мой. — *АЛ.).*

[214] Примечания: 214

Парками ведомые кудели — человеческие жизни. Согласно миф., богини Парки дочери Эреба и Ночи. Клото тянет кудель и прядет нить, Лахезис наматывает ее на веретено, Атропос перерезает, заканчивая жизнь человека.

Амендолу я встретил поутру,[215]
То мне Филлида грустная предстала,
Одежды развивались на ветру.

Коль состраданья в мире есть хоть мало,[216]
То пусть душа свободу обретет,
Мне б смерть от горя избавленьем стала.

Земля! Пусть утешенье снизойдет
На скорбный прах мой, что в твоем укрытьи,
Бесследно канув, забытье найдет.

О, светочи трещащие, молить я
Не устаю: придите сей же час,
Чтоб мог ее навеки разлюбить я!

---

[215] Примечания: 215

Амендола — имя нимфы или пастушки, означающее «миндалевое дерево» (неап. «ammennola», тоск. «mandorlo»). Комментатор (см. Portirelli 1826, p. 107) полагает, что оно здесь вставлено для рифмы, речь же идет только о Филлиде. *Филлида* — дочь Ликурга царя Фракии; повесилась, когда сын Тезея Демофонт не сдержал обещания жениться на ней. Превращена богами в миндалевое дерево без листьев. См. Овидий. Героиды, II; Лекарство от любви, 591-608; Гигин. Мифы, 243.

[216] Примечания: 216

Коль состраданья в мире есть хоть мало... — Ср. Боккаччо. Филоколо, II, 61: «Если дух сострадания еще остался в вас...»

Сбегайтесь, звери, вас зовет мой глас,
И вы, о пастухи, оплачьте тело
Того, кто смертью опозорит вас.

Долг милосердью справьте, други, смело,
Меня под кипарисом схоронив,
И будет ясно: смерть свершила дело.

О рифмы, ваш безрадостен мотив,
С моею перстью вы развейтесь в поле,
Могильный холм гирляндами увив.

Пусть песня помнит о плачевной доле,
Пусть над моей могилой возвестит:
«Любил, а днесь лишь тень и прах — не боле».[217]

И, может быть, тогда меня почтит
Жестокая, зажегшая то пламя,
Но камень будет глух, ей не простит.

Медведь и лев мне душу рвут когтями

---

[217] Примечания: 217

.. *лишь тень и прах — не боле.* — См. Гораций. Оды, IV, 7, 13-16: «Мы же.../ будем лишь тени и прах» (пер. А. Семенова-Тян-Шанского). Петрарка. Книга песен, CCXCIV, 12: «Воистину мы прах и сиротливый дух» (пер. А Ревича).

При жалобах твоих, о Клоник мой,
И стынет кровь пред этими скорбями.

Коль господина чтишь ты всей душой,
Послушай друга верного, Евгения:
Скинь этот груз и сердце успокой.

Чти Аполлона, чти святого Гения,[218]
Жестокое унынье ненавидь
И старость удостаивай презрения.

Помогут Пан и Палее, может быть,
И житницы твои не будут впусте,
И разум ясным сможешь сохранить.

Мотыгу на плече носи без грусти,
Сажай на грядках репу и ревень,
Заботься об укропе и капусте.

Коль будет по часам расписан день,
Тогда, поверь, совсем не до печали,
Несчастья, слезы канут, словно тень.

Ты землю граблями взрыхли в начале,

---

[218] Примечания: 218

Чти Аполлона, чти святого Гения. — См. Персии. V, 155: «Гения ты ублажай своего...» Гений — у древних римлян дух-хранитель человека, сопровождающий его на протяжении всей жизни.

Расчисть ее и вырви сорняки,
И сей затем, чтоб всходы труд венчали.

Расставлю я капканы и силки,
Глядишь, лиса в ловушку попадется,
Пусть у нее уловки велики.

Так и любовь пройдет, и так уймется
Дух зависти в ленивых пастухах,
Так зло в подлунном мире изведется,

И вместе с ним развеются как прах
Любовная горячка и томленье,
Что в слабых обретаются умах.

О тучных козах прояви раденье,
Чтоб волки не набросились на них,
Бегущих, словно робкие олени.

Пестрят поля, смотри, в цветах каких
Они мерцают! с дудкой и тимпаном
Танцуют пастухи у вод речных.

Любуйся, Клоник, Фриксовым бара-

ном,[219]

Чтоб скука над тобой верх не взяла,
А солнце уж на западе багряном.

Гони же думу, коя тяжела,
Ты с нею бродишь день и ночь, угрюмый,
Но в мире есть лекарство против зла.

Ты всё, что я сказал, как след обдумай.

---

[219] Примечания: 219

Фриксовым бараном... — Метафора весны. Принесенный в жертву Фриксом (см. Указатель) волшебный баран превращен богами в зодиакальное созвездие Овна. Солнце находится в знаке Овна примерно с 21 марта по 21 апреля. Описание вешнего обновления земли на фоне тяжелых раздумий человека — ср. Гораций. Оды, II, 17,1 и след.

ПРОЗА 9

В лесу больше не было слышно цикад, одни ночные сверчки вместо них продолжали стрекотание в потемневших долинах[220]; уже все птицы укрылись от наступающих сумерек в своих гнездах, не считая ночных, которые, пробудившись, покинули дупла и пещеры, радостным полетом прорезая дружественную им темноту ночи; тогда в один момент песня Евгения подошла к концу, и наши стада, спустившиеся с высоких гор, были собраны в том месте, где звучала свирель. Затем при свете звезд мы всей дружной компанией направились к той тропе, где была спета эклога, и взяли Клоника с собой; по ней мы дошли до ближайшего лога; в теплое время года (сейчас было лето) там коровы сельских волопасов проводили большую часть ночи, а в пору проливных дождей туда стекали потоки с окрестных гор, и вода внизу обычно скапливалась. Лог окружали взращенные природой дубки, клены, ясени, лентиски, ивы и

[220] Примечания: 220

Не было слышно цикад, одни ночные сверчки вместо них продолжали стрекотание в потемневших долинах... — Ср. Боккаччо. Амето, XLVIII: «...не слышно было цикад, но пронзительно верещали кузнечики».

другие лесные деревья и кустарники, плотной сенью своей как бы замыкая его со всех сторон, так что попасть в него нельзя было никаким другим путем, кроме как через этот проход; и благодаря густой тени от развесистых крон не только ночью, но и когда солнце поднималось к зениту, со дна лога с трудом можно было увидеть чистое небо.

Там, на достаточном удалении от коров, у края этой маленькой долины, разместили мы в тесноте своих овец и коз как можно лучше и удобнее. И поскольку привычного огнива у нас под рукой не оказалось, то Эргасто, самый находчивый из пастухов, тотчас же сбегал туда, где его было всего проще раздобыть, и вернулся с двумя палочками, плющевой и лавровой[221]; их он потер одна об другую, так что вспыхнуло пламя, от которого мы зажгли факелы в разных концах лога, и каждый занялся своим делом[222]: кто доил животных, кто чинил поврежденную свирель, кто запаивал

[221] Примечания: 221

...плющевой и лавровой. — Выбор дерева для разжигания огня мотивирован советом Плиния Старшего, рекомендовавшего использовать для этой цели древесину лавра и плюща, как наиболее подходящую. См. Ест. история, XVI, *77.*

[222] Примечания: 222

...каждый занялся своим делом... и далее. — Пассаж навеян Феокритом. См. XXV, 100-107.

оловом треснувшую флягу, кто одно, кто другое, словом, скоротали время до желанного ужина. После того, как с немалым удовольствием завершили мы труды, когда уже прошла добрая половина ночи, каждый отправился спать.

Но настало ясное утро, и солнечные лучи засияли на вершинах гор; еще не выступили сверкающие капли свежей росы на стеблях нежных трав, когда мы погнали из замкнутого лога свои стада и отары на зеленые луговые пастбища. Там, свернув с прямой дороги, направились мы к горе Менал, бывшей неподалеку, с намерением посетить благословенный храм Пана, бога, паче всех чтимого в сельских краях; несчастный же Клоник вознамерился проститься с нами. И когда мы его спросили о причине столь скорого и внезапного ухода, он ответил нам, что нужно ему уйти, дабы довершить то, что прошлым вечером мы ему помешали сделать, а хотел он спросить лекарство от своих недугов у одной знаменитой старицы, премудрой наставницы магических знаний. Ей, как это многократно доносила уже крылатая молва, сама Диана во сне явила все колдовские травы Цирцеи и Медеи; с помощью их силы она может самыми темными ночами летать по воздуху, одевшись белым оперением, как су-

щая ночная ведьма[223]; своим волх-ванием она нагоняет на небо темные тучи, а после водворяет ясный день на прежнее место; останавливает реки, обращает вспять к своим истокам бегущие потоки. Искусна она кроме всего прочего сводить с небес затемненные звезды, истекающие живой кровью, управлять с помощью заклинаний бегом зачарованной луны, призывать среди бела дня кромешную ночь и растерянных ночных богов из преисподней; долгим шептанием разверзает она земную твердь, вызывая души древних пращуров из опустевших гробниц; извлекает она ядовитые выделения возбужденных кобылиц, кровь гадюк, мозг разъяренных медведей и волоски с кончика волчьего хвоста вместе с корнями трав и могущественными зельями; можно было бы еще рассказывать о ней много преудивительного и невероятного.

На это ему наш Опико ответил так:

«Уверен я, сын мой, что боги за твое благочестие позволят тебе ныне отыскать средство для исцеления ран твоих, и такое средство, что будешь ты жить счастливо до конца дней своих,

[223] Примечания: 223

... *ночная ведьма*... и далее. — Сходные описания колдуньи см. Тибулл. I, II, 45-52; ylyKaH.VI, 531 и след. Ср. также Овидий. Метаморфозы, VII, 199 и след.

если мои слова заслуживают доверия. И к кому еще прибегнешь ты, кто еще так утешит тебя, как не наш Энарето? Он, кто превосходит других пастухов ученостью, покинул стада ради жреческого служения в храме Пана, верховного бога нашего; ему-то и открыты более чем всякому другому божественные и человеческие тайны, земля, небо, море, неутомимое солнце, растущая луна, Плеяды, Гиады, яд дикого Ориона[224], большая и малая Медведицы и все иные звезды, украшающие свод небесный. Известно ему благоприятное время для вспашки, сеяния, посадки винограда и олив, и как прививать деревья, и когда подвой покроется новой листвой; равно, как управляться с медоносными пчелами и, если они погибнут, как возрождать рой загнившей кровью удушенных

[224] Примечания: 224

...яд дикого Ориона... — Мифологическая аллюзия. Охотник Орион погиб от ядовитого укуса скорпиона. Оба, убийца и жертва, соответственно были превращены богами в созвездия. «Диким» Орион назван потому, что ему приписывалось посягательство на девственность богини Артемиды. См. Арат. Явления, 636-644: «И Ориону могучему страшен восход Скорпиона./ Смилуйся к нам, Артемида! Молвы стародавней преданье/ об Орионе, дерзнувшем с богини совлечь одеянье./ Диких зверей сокрушал он на Хиосе палицей тяжкой.../ там и наслала она на него необычного зверя,/ остров холмистый по центру развернув на две половины, — /тварью той был Скорпион, и укус его раной смертельной/ многих мощнейшему стал, когда он оскорбил Артемиду».

телят[225]. И сверх того, есть еще более удивительное[226], о чем куда легче рассказать, нежели в это поверить: спит он среди своих телиц темною ночью, а два дракона лижут ему уши; когда внезапно от страха он проснется, то перед рассветом может отчетливо понимать язык любых птиц. Среди прочих слушает соловья, поющего или, вернее молвить, плачущего на ветвях земляничного дерева; так жалуется тот на свою любовь, призывая на помощь окрестные леса. А воробей ему встречь отвечает, что на Левкадии есть высокая скала, и если с нее кинуться в море, то не будет от того ни вреда, ни боли[227]. Жаворонок вмешивается и говорит, что в греческой земле, название коей я запамятовал, есть источник Купидона; кто изопьет его влаги, избавится тотчас

[225] Примечания: 225

...как возрождать рой загнившей кровью удушенных телят. — Столь фантастический способ выведения пчел приводит Вергилий. См. Георгики. IV, 281 и след.: «Если же кто-нибудь вдруг весь род целиком потеряет,/ пчел взять негде ему и новое вывести племя,/ я для него изложу пастуха-аркадийца открытье/ славное, — как из убитых тельцов, из испорченной крови/ пчелы при нем родились...» Далее Вергилий излагает миф об Аристее. Аристей преследовал жену Орфея Эвридику, и в это время ее укусила змея, отчего она умерла. Боги разгневались на Аристея и умертвили его пчел. По совету своей матери Кирены Аристей обратился за советом к морскому богу Протею, который открыл причину гнева богов и способ избавления от него. «Тут (нет сил и сказать о таком неожиданном чуде!)/ видит из бычьих утроб загнивших, из каждого брюха,/ пчелы выходят, ключом закипают в поломанных ребрах,/ тучей огромной плывут и уже на вершине древесной,/ сбившись роем, как кисть лозы виноградной, свисают». Ibid. 554-558.

[226] Примечания: 226

И сверх того, есть еще более удивительное... и далее. — См. Ест. история, X, 70. Здесь Плиний Старший сообщает, что некий авгур Меламподий *научился* понимать язык птиц, когда два дракона облизали ему уши.

[227] Примечания: 227

...на Левкадии есть высокая скала, и если с нее кинуться в море, то не будет от того ни вреда, ни боли. — См. Овидий. Героиды, XV: «Девкалион, когда к Пирре горел любовью, отсюда [с Левкадской скалы]/ бросился и, невредим, лег на соленую гладь./ Тотчас ответная страсть спокойного сердца коснулась/ Пирры, и Девкалион тотчас утишил свой пыл».

от любовных страданий[228]. А сладостный соловей со стоном и плачем возражает жаворонку, заверяя, что никакой силы у этих вод нет. Тогда слетаются черный дрозд, вьюрок и чиж, бранят его за неразумие и за то, что не желает верить в божественную силу святых источников, и принимаются за рассказ о чудодейственных свойствах всех на свете рек, источников и прудов; и он перечислял все их названия, особенности, в какой местности берут они истоки и к какому устью стремятся, говорил обо всех, ни одного не упускал, так цепко всё удерживал в памяти. Еще называл он мне по именам неких птиц, от чьей крови, одновременно сгущенной и перемешанной, порождается удивительная змея, чья природа такова, что, если кто-нибудь отважится съесть ее, станет так странно говорить по-птичьи, что его никто не поймет[229]. Подобным же образом

---

[228] Примечания: 228

·..источник Купидона; кто изопьет его влаги, избавится тотчас от любовных страданий. — См. Плиний Старший. Ест. история, XXXI, 16. Те же сведения приводит Боккаччо в латинском трактате «О горах, лесах, источниках, озёрах, реках, болотах и морях». Плиний и вслед за ним Боккаччо локализуют источник Купидона в Кизике, в древнегреч. провинции Мизии, что в Малой Азии.

[229] Примечания: 229

...змея, чья природа такова, что если кто-нибудь отважится съесть ее, станет так странно говорить по-птичьи, что его никто не поймет. — Эффект обратный описанному выше. См. Ест. история, X, 70. а также примеч. со ссылкой на это место из Плиния.

слышал я и о незнамо каком звере: если испить глоток его крови, окажешься перед восходом дня на вершине некой горы, где множество разных трав, и сможешь понять всё, о чем они говорят и что проявляет их природа, когда, омытые росой, открытой первым лучам восходящего солнца, поднимаются они, чтобы возблагодарить небеса за полученную милость; и воистину блаженны те пастухи, которые то постигли. Если мне не изменяет память, говорил еще, что в некоторой стране, чужой и очень далекой от нас, рождаются люди с кожей цвета спелой оливы, а солнце там пробегает так низко над землей, что можно бы рукой коснуться, если бы не обжигало; и также трава там произрастает[230]: стоит бросить ее в реку или в озеро, те тотчас высохнут, и какого засова с нею бы ни тронул, откроется дверь без всякого сопротивления. Есть же и другая[231]: кто носит ее при себе, в какую бы часть света ни попал, не знать ему ни жажды, ни голода, ни иной

[230] Примечания: 230

И также трава там произрастает... — Об эфиопской траве, дающей способность открывать любые двери и запоры, сообщает Плиний Старший. См. Ест. история, XXVI, 9.

[231] Примечания: 231

Есть же и другая... — Синеголовник (лат. eryngium, ит. eringe), растение семейства Зонтичные с синими цветами и колючками наподобие чертополоха. Фантастические сведения о корне синеголовника Саннадзаро приводит согласно Плинию Старшему. См. Ест. история, XXII, 9.

нужды, а будет всего изобилие. Как от меня он не утаивал, так и я не утаю от вас, какой странной силой обладает колючий синеголовник, весьма известный в наших краях: корень у него двупол, одновременно и мужской и женский, хотя он редко встречается; если случайно мужчине достанется корешок того же пола, то он окажется, несомненно, счастливейшим в любви. К тому он прибавлял рассказ и о священнодейственной вербене, любезнейшей жертве на древних алтарях; коли кто помажется соком ее, сможет выпросить у любого всё, что только пожелает и, сорвав ее, станет на время прозорливым. Но что же мне утомляться, перечисляя вам эти чудеса? Уже близко его обитель; и он вам сам обо всём сполна поведает».

«Ах, нет, — воскликнул Клоник, — я и мои спутники хотим тебя слушать и дальше, дабы облегчить себе тяготы пути, и после, когда нам позволено будет лицезреть твоего святого пастуха, оказать ему высшие почести, поклониться словно земному богу в наших лесах».

Тогда старый Опико, вернувшись к прерванному рассказу, добавил, что доводилось ему еще слышать от самого Энарето, как можно магией противостоять морским штормам, громам, снего-

вым заносам, ливням, граду и яростным порывам ураганных ветров. Кроме того, он уверял, что, если на пятнадцатый день новолуния проглотить горячее, трепещущее сердце слепого крота[232], положив себе на язык при этом глаз индийской черепахи, можно предсказывать будущее. А после поведал он, что видел камешек из породы кристаллов, извлеченный из чрева белого петуха, если с ним прийти в палестру, несомненно, одолеешь в борьбе любого противника[233]. Еще рассказывал и о другом камне, формой схожем с человеческим языком, только больше, и в отличие от прочих камней, порожденных землей, этот упал с неба, отколовшись от луны; от него немалый прок в сводническом деле Венеры. Другой камень — от стужи; другой — от дурного

[232] Примечания: 232

...если... проглотить горячее, трепещущее сердце слепого крота... — О таком способе приобретения пророческого дара сообщает Плиний Старший. См. Ест. история, XXX, 7.

[233] Примечания: 233

...камешек из породы кристаллов, извлеченный из чрева белого петуха, если с ним прийти в палестру, несомненно, одолеешь в борьбе любого противника. — Согласно Плинию (См. Ест. история, XXXVII, 54) таким средством пользовался Милон Кротонский, знаменитый греческий атлет, живший в VI в. до н.э. *Палестра* — в Древней Греции: гимнастическая школа, а также место для упражнений атлетов.

глаза завистников[234]. Не умолчал он и о другом камне, который, если его перевязать некой травкой, произнеся заклинание, пока его носишь на себе, позволит оставаться невидимым[235] всюду, где пожелается, не опасаясь, что кто-нибудь тебе помешает. В том же духе продолжал и о клыке, вырванном с правой стороны пасти одного зверя, коего называют, ежели я правильно запомнил, гиеной[236]; так вот ее клык обладает таким действием, что любой охотник со связанной рукой, стреляя в зверя, никогда не даст промах. Вдобавок о сей гиене поведал он, что, нося ее язык на ноге, никогда не будешь облаян псами; кто же волоски с ее морды и кожицу с непристойного места повяжет себе на левую руку, на того любая пастушка обратит ясны очи и тотчас же после-

---

[234] Примечания: 234

Другой камень — от стужи... — У Плиния «апсиктос». См. Ест. история, XXXVII, 54. *... другой — от дурного глаза завистников.* — Антипатес. Ibid.

[235] Примечания: 235

Не умолчал он и о другом камне, который... позволит оставаться невидимым... — Гелиотропия. См. Плиний, Ест. история, XXXVII, 54. У Боккаччо он упомянут в ироническом ключе. См. Декамерон, VIII, 3: «Другой есть камень, который мы, знатоки, зовем гелиотропией, камень великой силы, ибо кто носит его на себе, пока он при нем, никому не бывает видим — там, где его нет».

[236] Примечания: 236

...зверя, коего называют...гиеной... — Гиена описана еще у Аристотеля. См. История животных, VI, 180. Однако сведения о ее магических

свойствах заимствованы у Плиния. См. Ест. история, XXVIII, 27.

дует за ним, хочет сама того или нет. А кончив о звере, рассказывал, что, если кто положит на левую грудь спящей женщины сердце ночного сыча, та откроет ему во сне все свои тайны[237].

Так, перескакивая с одного на другое, подошли мы к подножью высокой горы, и когда уже равнина оставалась у нас за плечами, стали всматриваться. Затем достигли мы желанного места, и Опико прервал свои рассуждения, поскольку волею Фортуны нашли мы святого старца возлежащим у подножья дерева. Как только он заметил нас приближавшихся, тотчас же поднялся, чтобы поприветствовать, и вышел навстречу; внушали истинное почтение его морщинистое чело, борода и волосы длинные, белоснежные, словно шерсть тарентской овцы[238]; в одной руке он держал можжевеловый посох, столь дивно выточенный, как не увидишь ни у кого из пастухов, верхушка его была слегка загнута, и волк,

---

[237] Примечания: 237

...если кто положит палевую грудь спящей женщины сердце ночного сыча, та откроет ему во сне все свои тайны. — Практически дословно следует Плинию. См. Ест. история, XXIX, 26: «Сердце его[сыча], будучи положено на левую грудь спящей, даст знать и раскроет все ее тайны» (пер. мой. — *АЛ.).*

[238] Примечания: 238

...белоснежные, словно шерсть тарентской овцы... — шерсть тарентских овец славилась в античном сельском хозяйстве своей белизной, мягкостью и особым блеском. Тарент (Таранто) — город в Апулии.

несущий ягненка, был на ней вырезан с таким искусством, что ярились псы, случись они рядом. Прежде всех Опико, а после и остальным, воздал он радушный прием и пригласил расположиться под сенью дерева. После раскрыл суму, выделанную из кожи козленка, пересыпанной белыми пятнами, вынул среди прочих вещей флягу из изысканного тамариска и пожелал, чтобы мы все произвели возлияние в честь нашего общего божества. По свершению короткой трапезы он обратился к нашему Опико и спросил, что привело нас к нему такой гурьбой. Тот же, указав рукой на влюбленного Клоника, ответствовал так:

«Добродетель твоя, возвышающая тебя над другими, и крайняя нужда сего несчастного пастуха привела нас в твои рощи, мой Энарето; тот, кого ты видишь, горит огнем любовным свыше всякой меры и, будучи не в силах обуздать свое чувство, так изнуряет себя, что плавится в нем словно воск[239]. В заботе о нем, несмотря на такую нужду, не искали мы ответа у твоего и нашего бога, оракул которого ясной ночью пастухи в этих горах почитают самым истинным из всех, но решили просить у тебя совета и помощи, чтобы в миг еди-

[239] Примечания: 239

... *плавится словно воск.* — Метафора Петрарки. См. Книга песен. CXXXIII, 2: «Как снег на солнце, словно воск в огне...» (пер. мой. — *А.Л.).*

ный сбросил он путы любви и возвратился к нам и к заждавшимся его лесам; с тем и исповедаемся, чая обрести через тебя все утраченные услады наши. И чтобы для тебя не оставалось тайной, кто сей, поведаю тебе, что пасет он в этих горах тысячу белорунных овечек, у которых свежего молока вдоволь и зимой, и летом[240]. О его пении я ни слова, но, когда он будет свободен от невзгод любви, ты сможешь сам услышать его, и я уверен, что придешь в восторг».

Опико смолк, и тогда старый жрец перевел взгляд на обросшего бородой пастуха и проникся состраданием пред бледностью его лица, и уже собирался было дать ответ, как вдруг нашего слуха достигла приятнейшая музыка[241] и сладостный голос, доносившийся из ближайшей рощи; а когда мы обернулись, увидели одинокого козопаса, сидящего возле ручейка у подножья

---

[240] Примечания: 240

...пасет он в этих горах тысячу белорунных овечек, у кото-рых свежего молока вдоволь и зимой, и летом. — Ср. Вергилий. Экл. II, 21-22: «Не сосчитать поголовья овец в горах сицилийских,/ не иссякают надои ни летом палящим, ни в стужу».

[241] Примечания: 241

...кяк *вдруг нашего слуха достигла приятнейшая музыка...* и далее до конца предложения. — Реминисценция из Боккаччо. См. Амето, X: «Повествование закончилось, когда до слуха тех, кто ему внимал, донеслись звуки свирели и сладостный голос; обернувшись, среди приятных кустов все увидели сидящего пастуха, сошедшего с ближних пастбищ со своим стадом».

ивы; он-то как раз и услаждал пением свое стадо. Не медля, мы тотчас же направились к нему. Но тот, который звался Эленко, при виде людей, приближавшихся к прозрачным водам, поспешно спрятал лиру и замолчал, как будто раздраженный тем, что ему помешали. Наш Офелия оскорбился такой диковатостью и, хотя он был среди пастухов самым приветливым и вежливым, вдруг обидными словами подвигнул его начать пение. Тут, сопровождая свою издевку задорным смехом, такими стихами он его вынудил отвечать:

ЭКЛОГА 9[242]

МОНТАНО, ОФЕЛИЯ, ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

---

[242] Примечания: 242

В эклоге воспроизводится характерное для многих народов песенное состязание в форме «амебейного» пения — обмена короткими, равной длины репликами различного содержания. Один из состязающихся как бы задает тему, а второй ее подхватывает. Образец такого пастушеского пения впервые дан Феокритом (идиллия V). Однако Саннадзаро близко следует не столько Феокриту, сколько Вергилию, чьи третья и седьмая эклоги построены по феокритовско-му образцу. Традицию развивает и поздний поэт-буколик Кальпурний (эклога II). Плотность заимствований настолько велика, что можно утверждать, что Саннадзаро следовал здесь принципам центона.

Композиция стихотворения трехчастная: 1) веселая перебранка двух пастухов, дающая повод к состязанию, включая выбор закладов и судьи, стихи 1-54; 2) само состязание, стихи 55-138; 3) примирение сторон судьей, стихи 139-151. Переход от перебранки к пению у

Саннадзаро выделен сменой стихотворного размера: «сдруччоли» в первой части контрастируют с традиционной рифмовкой терцин во второй и в третьей.

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

МОНТАНО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

МОНТАНО

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

ЭЛЕНКО

ОФЕЛИЯ

МОНТАНО

Что, новый козопас, ты не досадуешь:[243]

Смотри, твоя ватага захудалая,

Ты стадо лучшим выпасом не радуешь?[244]

Что, старый волопас, не дурь ли шалая[245]

Сломать лук Клоника, певца искусного,

Чтоб после выдалась вражда немалая?

Сельваджо видел я намедни грустного,

Уж не с кимвалом он и не с цевницею:

Украл ты их с повадкой вора гнусного!

С Уранио не пахнешь ты корицею,

Тебе злоречия не страшно клацанье:

---

[243] Примечания: 243

Ср. Вергилий. Экл. III, 1-59.

[244] Примечания: 244

Ср. Вергилий. Экл. III, 1-6: «Меналк: Чье это стадо, скажи мне, Дамет. Мелибея как будто?/ Дамет: Нет, это овцы Эгона, который доверил мне стадо./ Меналк: Вечно несчастные овцы... Пока он Нееру ласкает/ в страхе, что мне предпочтенье окажет Неера, за стадом/ ходит чужак и в час по два раза насухо доит,/ силы у стада крадет, ягнят молоком обделяет.

[245] Примечания: 245

Ср. Вергилий. Экл. III, 12-20; Феокрит, И, 2-19.

Козла похитил — мог в том убедиться я.

Нет, призом взял. Тот не хотел сдаваться мне,

Злословил над Эргасто мудрым мнением,

Что миртом и плющом дал увенчаться мне.[246]

Ты победил? С Галичо тем не мене нам

Известно, что свирель твоя визгливая,

Как агнец перед жертвоприношением![247]

Чего браниться: петь зову и живо я,[248]

Залог мой лира, сладостно звучащая;

Монтано судит меркой справедливою.

А вот корова, завсегда мычащая,

---

[246] Примечания: 246

Ср. Вергилий. Экл. III, 21-24: «Будто бы сам побежденный Дамон не отдал мне козленка!/ Я ведь его одолел в напеве свирельном. Тот козлик — / мой по заслугам, если не знаешь. Дамон, обещая/ козлика, сам признавался — в открытую дать не сумеет».

[247] Примечания: 247

Ср.Вергилий. Экл. III, 21-24; Феокрит, II, 5-19.

[248] Примечания: 248

Ср. Вергилий. Экл. III, 28-51; Феокрит, И, 60-66.

Руно и два олешка белогрудые,
Вскормил их щавлем, как принес из чащи я.

В придачу к лире ставлю два сосуда я,
Из бука выделаны, не дубовые,
В них мачехиных коз доил покуда я.

Прости, но не добавлю здесь иного я,
Поставил всё. Ба, вижу я Евгения.
Задаст тебе он, голова бедовая![249]

Пойду к Монтано, что не в отдалении,
А твой пастух уж больно дерзкий, въедливый,
Не верю, что высок он в разумении.

Сюда, Монтан; здесь тень, зефир приветливый
И шепчет речка; песням склада строгого
Судьею стань, ведь их знаток ты смет-

---

[249] Примечания: 249
Ср. Вергилий. Экл. III, 49-54: «Нет, никуда ты не денешься, я от тебя не отстану./ Кто б рассудил нас? Смотри, Палемон очень кстати явился./ Сделаю так, чтоб твой голос нескладный других не тревожил».

ливый.[250]

Сюда Монтан; траву с лужка пологого
Здесь стадо щиплет, а в лесу с собаками
Охотник бродит, ищет зверя логово.[251]

Так пойте, дабы все холмы с оврагами
Узнали, как при вас всё обновляется;[252]
Покуда ночь не скроет землю мраками.

Монтан, кто здесь со мною состязается,
Тот коз пасет, мечты лелея зряшные.
С таким вождем всё стадо разбредается!

О злые вороны, медведи страшные!

---

[250] Примечания: 250
Ср. Вергилий. Экл. III, 53-54; Феокрит, II, 66-73.

[251] Примечания: 251
Ср. Вергилий. Экл. VII, 8-13.

[252] Примечания: 252
...всё обновляется. — Ср. Данте. Чистилище, XXII, 70: «Когда сказал: "Век обновленья ждет"» с аллюзией на Вергилия. Экл. IV, 5 и далее.

Пусть вырвут ядовитый твой язык они,
Чтоб ты забыл порывы бесшабашные.[253]

И рощи глохнут, как твой слышат крик они,
От шума Аполлон бежит и Делия,
Игрец плохой, так лучше лиру выкини.

Не пенью, ругани внимал доселе я.
Ну, хватит вам, довольно, наругались;
Эленко, ты начни, в ответ Офелия.[254]

Послушай песнь мою, святая Палее,
И мне ветвями волосы увей,
Ко мне иные боги не склонялись.[255]

Под звук свирели сладостной моей
Пан козлоногий скачет, озоруя,

---

[253] Примечания: 253
Ср. Феокрит. V, 72-77.

[254] Примечания: 254
Ср. Вергилий. Экл. III, 58: «Что ж, начинай, Дамет! Меналк, ты ответишь Дамету».

[255] Примечания: 255
Ср. Вергилий. Экл. VII, 25 и след.: «Ну же, аркадцы, плющом увенчайте, подпаски, поэта...»

Приплясывает резвого резвей.

С весны приходом коз всегда дою я,
И тем своей прелестнице не мил:
Насмешки дарит вместо поцелуя.[256]

Меня и вздох Тиррены погубил,
Когда мне взглядом говорила, мнится:
«И кто меня с любимым разлучил?»[257]

Гнездо на дубе свила голубица,
Найдя птенцов, их приберег пока
Для той, кто жестока со мной, как львица.[258]

А я из лесу притащил бычка
Своей пастушке; всех быков он краше:
Рога высоки, стать его крепка.

---

[256] Примечания: 256

Феокрит. V, 84-85: «Доятся все, кроме двух, мои козы, по двойне родивши./ Глянув, красотка сказала: "Один ты их доишь, бедняжка"».

[257] Примечания: 257

Ср. Петрарка. Книга песен, CXXIII, 12-14: «Молчанием сказала, взор склоня/ (иль то мечта?), — намеком сердца темным:/"Мой верный друг покинет ли меня?"» (пер. Вяч. Иванова).

[258] Примечания: 258

Ср. Вергилий. Экл. III, 68-69: «Вдоволь найдется подарков для нашей подруги: я видел/ место, в котором гнездо свивает лесная голубка».

Я, нимфы, алтари святые ваши
Цветочными гирляндами увью,
Чтоб сострадали вы любови нашей![259]

Тебе, Приап, я молока бадью
Преподнесу ближайшею весною,
Ты боль уйми любовную мою.[260]

Та, что по чащам гонится за мною,
Настигнет, знаю, ведь любовь сильна,
Сколь ни беги, нигде себя не скрою.

Я пойман Амарантою, она
Петь у себя под дверью принуждает
И вторит пенью, ангельски нежна.

Зовет Филлида и себя скрывает,
Но бросит яблоко, смешок тая,

---

[259] Примечания: 259

Ср. Вергилий. Экл. VII, 21-22: «О Либертиды, любимые нимфы, позвольте, чтоб в песнях/ с Кодром я был наравне...»

[260] Примечания: 260

Ср. Вергилий. Экл. VII, 33-36: «Жбан молока для *себя и лепешку, Приап, ежегодно/ требовать вправе от нас, хранитель скромного стада./ Нынче из мрамора весь, но это — на время; как только/ стадо приплодом умножится, будешь стоять золоченым». Приапа чтили не только садоводы и огородники, но и пастухи и скотоводы как бога плодородия.*

И белизну свою в ветвях являет.[261]

Филлида ждет меня вблизи ручья;
Едва в свои объятия заманит,
О стаде сразу забываю я.

Лес сумрачен; и если не предстанет
Мое светило в нем, увидишь ты:
Ручьи засохнут, и листва завянет.[262]

И горы наги, и холмы пусты,
Но это солнце явится нежданно —[263]
И вновь увидишь травы и цветы.[264]

О светлый Феб, о чистая Диана,
Да будет мной повержен этот Как[265]
Во имя ваших дротов и колчана.

---

[261] Примечания: 261

Ср. Феокрит. V, 88-89; а также VI, 6: «Глянь Полифем! Галатея кидает ведь яблоки в стадо». Вергилий. Экл. III, 64-65: «Яблоком в нас запустив, Галатея, игривая дева,/ скрылась под ивами так, чтоб я видел, куда убежала».

[262] Примечания: 262

Ср. Феокрит. VIII, 41-44; Вергилий, Экл. VII, 53-56; Кальпурний, III, 50-52; Немесиан, II, 44-49.

[263] Примечания: 263

...мое светило...солнце — возлюбленная; метафора характерна для петраркисткой лирики.

[264] Примечания: 264

Ср. Феокрит. VIII, 45-48: «Всюду весна, и повсюду стада, и повсюду

налились/ сладким сосцы молоком, юных питая телят./ Девушка мимо проходит красотка; когда же исчезнет,/ чахнут, тоскуя, быки — с ними зачахну и я». Вергилий, Экл. VII, 57-60: «В мареве гибнет трава от удушья, высохло поле,/ Либер, завистник, лишает холмы виноград-ничной тени./ Наша Филлида вернется — воспрянут леса, зеленея,/ щедрый Юпитер на землю сойдет дождем плодородным». Кальпурний. III, 51-54: «Ах, увы, без тебя даже лилии черными вижу,/ и вода не вкусна, и кислыми кажутся вина./ Стоит тебе прийти, для меня вновь белыми станут/лилии, вкусной вода, и вино вновь окажется сладким».

[265] Примечания: 265

Как, или Какус — см. прим. к экл. VI, 122-124.

О ты Минерва, о небесный Вакх,
Во имя лоз, оливы непорочной,
Позвольте лиру положить мне в сак.

О, коль увижу ток реки молочной
В долине сей, как будет дорога
Моя работа, кузовок непрочный![266]

Будь шкура — шелк, из золота рога,
Ценил бы я подобно чуду света
Сего красавца, белого бычка!

О, сколько раз, отрадою согрета,
Стада со мной пасла среди лугов
Та, кою мне дала моя планета!

О, сколько вздохов и сладчайших слов
Я слал любимой! Ветры, к вам взываю,
Их донесите до самих богов.[267]

Рукой, искусством, разумом слагаю
Пастушескую песнь. Ее прочтут

---

[266] Примечания: 266

моя работа — кузовок... — о плетении корзины пастухом во время пения см. Вергилий. Экл. X, 71, также Саннадзаро. Аркадия, Экл. X, 46-47.

[267] Примечания: 267

Ср. Вергилий. Экл. III, 72-73: «Сколько всего для *меня Галатея наворковала./ Ветры, хоть несколько слов до слуха богов донесите!»*

На тысяче дощечек, полагаю.

Хвалой и славой все меня почтут;
На сотни лет в молве неудержимой
И в памяти останется мой труд.

Кто страждет от любви неутолимой,
Тот на стволах дерев мой стих прочтет,
«Блаженна, — скажет, — ибо так любима!»

Блаженна та, чье имя обретет
Бессмертие и зазвучит певуче
От этих рощ до выспренних высот!

Смеется Фавн, я слышу, с горной кручи.
Так лучше смолкни, волопас, и знай:
Не воевать со львом козе бодучей.[268]

Цикада, ты скачи в болотный край
И петь зови лягушек по черёду,
Там и победу среди них справляй.

Какой же зверь под стать людскому

---

[268] Примечания: 268

Ср. Феокрит. V, 136-137: «Нет, неповадно, Лакон, с соловьями сражаться сорокам,/ ни с лебедями удодам».

роду[269]

Разумен столь, что молится луне,
А после ходит очищаться в воду?[270]

Какая птица ищет смерть в огне,
Себя сожжет, а после возродится
И вновь живет без пары, молви мне?[271]

Пришла пора вам перестать браниться,
Враждует с небом лишь лихой смутьян,
Что пастухам любезным не годится.

Покойся, пара скромных поселян,
Святым лесам приятно ваше пенье,
Но я боюсь, чтоб не услышал Пан.

Вон, вижу, в лес через ветвей сцепленье

---

[269] Примечания: 269
Обмен загадками в конце пастушеского состязания см. Вергилий. Экл. III, 104-107.

[270] Примечания: 270
Разгадка: слон. Данные фантастические свойства слонам приписывал Плиний Старший. См. Ест. история, VIII, 1.

[271] Примечания: 271
Разгадка: птица-феникс.

Бредет он, гневен и сердит сейчас;
Чу, носа крючковатого сопенье!

Речистый Феб венчал обоих вас;
Возьми же, волопас, ты эти скрыни,
Ты оставайся с лирой, козопас.

Живит вас солнце, как траву в ложбине![272]

[272] Примечания: 272

Финал эклоги — реминисценция финала у Вергилия. См. Вергилий. Экл. III, 108-111: «Не рассудить между вами — большую затеяли тяжбу./ Ты достоин телицы, и ты, и всяк, кто не станет/ сладкой бояться любви горечь любви испытает./ Перекрывайте канавы, подпаски, насытилось поле».

ПРОЗА 10

Пока длилось пение двух пастухов, рощи сладостнейше отзывались[273], а затем притихли, будто довольные и умиротворенные изречением Монтано; и тогда оба состязавшихся воздали почести богу Аполлону, как утончителю людского ума и находчивости, посвятив ему победный венок, ибо каждый остался при своем закладе. Мы же дружной компанией оставили травянистый берег и весело стали подниматься по склону горы, смеясь и обсуждая услышанное. Не успели мы пройти и двух отрезков пути, как мало-помалу издалека открылся нашим взорам священный и почитаемый лес, куда никто из смертных не дерзал войти с ножом или топором[274] и кото-

[273] Примечания: 273

...рощи сладостнейше отзывались... — Ср. Вергилий. Экл. X, 8: «Песня — для тех, кто не глух. Ответят леса повсеместно»; Энеида, VIII, 305: «Роща вторила им, и эхом холмы отвечали».

[274] Примечания: 274

...почитаемый лес, куда никто из смертных не дерзал войти с ножом или топором... — Ср. Проперций. IV, 9, 26: «Роща, куда ни один муж не посмел бы войти»; Овидий. Фасты, IV, 649: «Лес престарелый стоял, топорам дровосеков запретный...». См. также Клавдиан. Похищение Прозерпины, I, 202-208; Боккаччо. Филоколо, V, 43: «...древняя роща, которой никогда не касался ни один топор, ни клык зверя не причинял ей вреда, из страха перед божествами, ибо считалась, что в любой из окрестных крон могло обитать лесное божество».

рый набожные поселяне с великим трепетом многие годы сохраняли нетронутым из страха перед мстительными богами. Если в это можно поверить, то во времена, когда еще мир не был таким порочным, как теперь, все сосны, растущие там, умели разговаривать и на высоких нотах отвечали любовным канцонам пастухов. Следуя за почтенным жрецом, шли мы медленно, и когда перед нами предстал небольшой источник, проводник обернулся к нам, повелев войти в него, дабы омыть живою влагой руки, ибо грешным входить в такое святое место не дозволялось верой. Прежде почтив святого Пана, а затем неведомых богов[275], которые если и существовали, то не показывались, прячась от наших глаз под густою сенью леса, мы сделали шаг вперед с правой ноги, что было счастливым предзнаменованием; каждый молча помолился про себя, ибо место это равно благоприятствовало

---

[275] Примечания: 275

...неведомых богов... — Такое сомнение в пребывании богов, на первый взгляд, противоречит мифологической концепции романа: жителями Аркадии существование античных богов не могло ставиться под сомнение. Кажущееся противоречие объясняется тем, что рассказ ведется от лица автора, христианина, также это подкрепляется нижеследующей цитатой из Боккаччо. См. Филоколо, IV,1: «Там было угодно Филоколо совершить жертвоприношение *неведомым и странным богам* (non conosciuti e strani iddii) ...проникнувшись духом благочестия, молвил он такие слова: "О, вышние божества, коль в этом пустынном месте вы пребываете../"» и след.

совершению как нынешних пожеланий, так и тех, что по надобности возникнут в грядущем.

Мы вступили в священную сосновую рощу, где под нависшею скалой среди обломков камней обнаружили вход в древнюю просторную пещеру, не знаю, созданную искусством природы или рук человеческих; она расширялась, полостью уходя вглубь горы; внутри пещеры, в самой скале был высечен грубыми руками пастухов алтарь. Над алтарем возвышалось громадное деревянное изваяние лесного бога[276], опиравшегося на длинный посох из цельного ствола маслины, на голове у него красовались два рога отменной прямизны, обращенные к небу; лицо было красным, как спелая клубника, руки и ноги шерстистые, не иначе как те, что свойственны козлиной породе; плащом ему служила необыкновенных размеров шкура, вся в белых пятнах словно в звездах. По ту и другую сторону древнего алтаря были вывеше-

[276] Примечания: 276

.. .*громадное деревянное изваяние лесного бога* и след. описание статуи бога Пана, — см. Тибулл. II, 5,27-30: «Пан, окроплен молоком, стоял там под каменным дубом,/ Палее из древа была грубым ножом создана,/ там кочевой пастух, на ветвях свой дар помещая,/ богу лесному в обет звонкую вешал свирель»; Лонг. И, 24: «Затем к сосне он [Дафнис] бросился бегом: там статуя Пана стояла, козлоногого и рогатого; в одной руке свирель он держал, другою сдерживал козла на скаку». Также ср. Вергилий. Экл. X, 26-27: «Пан появился, Аркадии бог, при мне появился,/ ярко раскрашенный суриком, красный от ягод бузинных».

ны две буковые доски, испещренные сельскими писаниями, на них многие века в строгой последовательности наносились летописи жизни поселян, древние законы и наставления в пастушеской жизни, служащие исходным образцом для тех правил, которым подчиняется здешняя лесная жизнь. На одной доске было начертано всё о днях и годах, различных изменениях времен года, разнице дня и ночи, как и о наблюдении часов (немаловажном для всякого живущего), неложные пророчества о грядущих бурях; когда восход солнца предвещает ясную погоду, когда дождливую, а когда ураганы и град; какие дни луны благоприятны, а какие неблагоприятны для людских начинаний; чему ежечасно нужно следовать, а чего избегать человеку, дабы не нарушать бдящую волю всевышних богов. На другой можно было прочесть о том, каков должен быть облик у коровы и быка и какой возраст самый подходящий для зачатия и отёла; в какое время и пору года холостить телят, чтобы после они были пригодны для ярма и тяжких пахотных работ. Равно же и о свирепости баранов, которую можно унять, просверлив им рога возле уха; то, что при связанном правом яичке производят они на свет агниц, а левом — агнцев; в каком случае

ягнята выходят белые, а в каком — другого цвета; какое средство поможет одинокой овечке не дать выкидыш, если она испугается гремящего грома. Помимо того, как должно управляться с бородатыми козами и какого вида и формы должны они быть, в какое время года и в какой местности находиться, чтобы приносить больше потомства; как по определенным приметам на их витых рогах можно узнать, сколько им лет. Ниже, под этим были описаны все лекарственные снадобья против болезней не только для стад, но и для собак и самих пастухов.

У входа в пещеру бросала тень высокая и развесистая сосна, а на самой большой и красивой ее ветви висела свирель с семью стволами, скрепленными с обоих концов белым воском; вероятно, подобной никогда не видел ни один пастух в этих рощах. Тогда мы спросили, кто ее смастерил, ибо, по нашему мнению, она не могла быть ничем иным, как творением божественных рук, и премудрый жрец ответил нам так:

«Это те тростинки, что обнаружил в своей руке великий бог, нынче виденный вами, когда, шпоримый любовной страстью, в этих рощах преследовал он красавицу Сирингу. После того, как насмехавшаяся над ним нимфа внезапно

обратилась тростником, здесь он часто вздыхал, вспоминая давний свой пламень, и вздохи его порождали сладостную мелодию. Так, уединившись в сем одиноком гроте, воссел он однажды среди пасущихся коз и начал скреплять тростинки свежим воском одну за другой таким образом, чтобы они постепенно укорачивались и пальцам было бы удобно их касаться, в чем, разумеется, вы можете убедиться и сейчас. Много дней проводил он в этих горах, наигрывая на цевнице и оплакивая свои несчастья. После неведомо как перешла она в руки одного пастуха из Сиракуз[277], который прежде чем кто-либо иной, не боясь ни Пана, ни иных богов, осмелился играть на ней над чистыми водами Аретузы, своей соотечественницы. По преданию, когда он пел, все окрестные сосны отвечали ему, покачивая в такт своими верхушками; лесные дубы, забыв о своей дикости, покидали родные горы, чтобы послушать его и простирали частенько свою приятную тень на внимавших певцу овечек; не

[277] Примечания: 277

... *перешла она* [свирель] *в руки одного пастуха из Сиракуз...* — Подразумевается Феокрит, уроженец Сиракуз, основатель буколического жанра, живший в III веке до н.э. Таким образом, зарождение пастушеской поэзии возводится к богу Пану, сделавшему первую свирель из тростника, в который превратилась его возлюбленная нимфа Сиринга. См. Вергилий. Экл. VI, 1-2: «Стих сиракузский впервые сочла непостыдной забавой/ наша Талия, избрав полесье достойным жилищем».

было такой нимфы либо фавна в наших лесах, чтобы не утрудились бы они сплесть венки, дабы украсить свежими цветами кудри юноше. Но когда сей пастух был взят завистливой смертью, перешла она как последний дар к мантуан-скому Титиру[278] и, передавая ему ее, Пан с тяжелым сердцем вымолвил: «Ты будешь вторым владельцем, силою цевницы сей сможешь примирять враждующих быков, услаждая приятным ее звучанием лесных богов». Титир был рад оказанной ему великой чести и первым долгом, играя на этих тростинках, принялся оглашать леса именем прославленной им Амариллис[279], а затем поведал о пылкой страсти деревенщины Коридона к Алексису и о состязании соперничавших Дамона и Алфесибея. Его искусство подчас вгоня-

---

[278] Примечания: 278

...*мантуанскому Титиру* — т.е. Вергилию, уроженцу Мантуи. Прямой преемник Пана — Феокрит, а следом за ним (минуя греческих последователей Феокрита, творчество которых практически не известно) сразу Вергилий как автор «Буколик». Традиционно считается, что Вергилий вывел себя под именем своего персонажа, пастуха Титира. См. Лонг, И, 35: «...Титир...отцу свирель принес, большую, с тростинками длинными, с воском на скрепах и в медном убранстве. Можно б подумать, что это была та свирель, которую создал Пан впервые».

[279] Примечания: 279

... *принялся оглашать леса именем прославленной им Амариллис* и след. — Амариллис — возлюбленная Титира, которую он воспевает в первой эклоге. Далее перечисляются сюжеты «Буколик» Вергилия: *о пылкой страсти деревенщины Коридона к Алексису* — вторая эклога; *о состязании соперничавших Дамона и Алфесибея* — восьмая; *о смерти*

Дафниса — пятая; *что пел старик Силен* — шестая; *о неистовой любви Галла* (fiero amore) — десятая. Ср. Проперций. И, 34, 61 и далее: «Пусть же Вергилий поет побережье Актийского Феба,/ пусть воспевает он нам храброго Цезаря флот,/ он, кто брани теперь воскрешает троянца Энея/ и воздвигает в стихах стены Лавинии вновь...». Совершенно очевидно, что, перечисляя произведения Вергилия, Саннадзаро следует здесь этому фрагменту из Проперция, но ограничивается ссылками на буколику.

ло телиц в такое изумление, что забывали они о своих пастбищах и, ошеломленные, застывали на месте перед пастухами; стремительные реки останавливали течение, уже мало заботясь о том, чтобы воздать морю привычную дань. Еще поведал на ней Титир о смерти Дафниса и что пел старик Силен, и о неистовой любви Галла, как и о прочем другом, что, сдается мне, незабвенно в наших лесах и будет помниться, пока на свете существуют пастухи. Но так как природа его наделила куда более высокими замыслами, не удовольствовался он скромными напевами и заменил тростниковую свирель, что теперь перед вами, на более крупную и более новую, дабы лучше воспеть предметы возвышенные и преклонить к этим лесам слух величайших консулов Рима[280]. После того, как оставил своих коз, взялся он обучать селянина искусству земледелия и уже тогда лелеял мечту воспеть более

[280] Примечания: 280

...воспеть предметы возвышенные и преклонить к этим лесам слух величайших консулов Рима. — т.е. от грубых пастушеских песен перешел к возвышенным эпическим замыслам, «Энеиде». На самом *деле,* завершив «Буколики» Вергилий начал работу над поэмой о сельском хозяйстве «Георгики», о чем Саннадзаро как бы вспоминает в следующем предложении. *Под величайшими консулами Рима,* видимо, следует понимать не только консулов, сменяющихся ежегодно, но и самого императора Августа, заказчика эпической поэмы, воспевающей доблесть римской нации.

звучной трубой брани троянца Энея; цевницу же повесил здесь, где вы ее видите, в честь нашего бога, как благодарность за возданную милость в пении. После него в этот лес не приходил ни единый пастух, что мог бы играть на ней столь же достойно, хотя многие, подстрекаемые жгучей охотой, пробовали себя на ней и не раз[281]. Но дабы за этими разговорами не канул бесполезно день, пора обратиться нам к тому, ради чего пришли мы сюда; я говорил, что знания мои и умение всем вам будут полезны не меньше, чем ему одному, и я не меньше, чем ему готов помочь всем вам. И хотя сейчас из-за убыли рогатой луны время не подходящее для заклинаний, всё же послушайте, что я скажу о месте и способе, где и как можно достичь желаемого. И перво-наперво ты, влюбленный пастух, внимательно склоняй слух к моим наставлениям, ибо они тебя больше других касаются.

Не слишком далеко отсюда, в пустынных горах

[281] Примечания: 281

...хотя многие, подстрекаемые жгучей охотой, пробовали себя на ней [свирели] *и не раз.* — Подразумеваются последователи Вергилия, прежде всего «малые буколики» Кальпурний и Немесиан.

расположена одна теснина[282], окруженная со всех сторон лесными зарослями и наполненная таким гулом, которого вы еще не слыхали; такой прекрасный, удивительный и чудный звук там раздается, что поначалу у вошедших туда души проникнутся великим ужасом от необъяснимого; когда же, наконец, придут в себя и наберутся отваги, уже не в силах будут они пресытиться созерцанием сего места. Туда, в эту глубокую и узкую теснину, вам надлежит отправиться, и чем ниже вы спуститесь, тем шире будет становиться дорога и тем тусклее станет солнечный свет, ибо от верха вплоть до самого низа вся впадина покрыта сплошною тенью от молодых деревьев. А затем, когда вы достигнете дна, черная, как ночь, огромная расщелина разверзнется у ваших ног; вы подойдете к ее краю и услышите невообразимо ужасный грохот, производимый в ней невидимыми духами, словно бы тысяча тысяч

[282] Примечания: 282

...в пустынных горах расположена одна теснина... и далее. — Ср. Овидий. Фасты, III, 295-298: «Под Авентином была дубовая темная роща:/только заглянешь в нее, скажешь ты: "Здесь божество!"/ Там на лугу из-под мхом зеленым обросшего камня/ тихо струился ручей вечно текущей воды»; Боккаччо. Фил около, IV,1: «Не окончил он [Филоколо] еще своей молитвы, как услышал громкий гул из храма, и такой приятный, точно шум перекатываемых бегущим ручьем камней, и, когда через короткий промежуток времени он разрешился сладостным голосом, невесть откуда исходящим, он сказал...»

литавр там гремит одновременно. А в глубине темной расщелины бежит страшная адская река, что лишь на этом узком участке противостоит великой бездне, которая ее поглощает; не в силах она выйти из ее границ и показывается миру только здесь; таким тайным путем, скрытая от взоров, течет она к морю; больше о ней на земле ничего неизвестно. Место поистине священное, достойное быть вечным обиталищем бессмертных богов, каковым оно по сути и является. Нет ничего столь же досточтимого и святого, что своим величием внушало бы большее благоговение всем, кто на него взирает. Туда я приведу тебя, когда полный лик матовой луны взойдет над грешною землей, чтобы ты, если хватит тебе смелости войти в ту реку, очистился; погрузишься в ее воды девять раз; из трав и комьев земли воздвигну я новый алтарь, обовью его тремя разноцветными покровами и возжгу на нем непорочную вербену, мужские благовония вместе с другими травами, не вырванными с корнем, а аккуратно срезанными острым серпом

при свете молодой луны[283]. Затем окроплю я это место водою из трех источников[284], и ты, распоясанный и босой на одну ногу[285], семикратно пройдешь вокруг алтаря, над которым я левой рукой буду держать за рога черную овцу, а в правой руке отточенный нож, выкликая громким гласом триста имен неизвестных богов, а с ними досточтимую Ночь, сопровождаемую своими мрака-ми, Звезды, молчаливо хранящие секреты таинств, многоликую Луну, владычицу неба и черных бездн, светозарный лик Солнца в короне пылающих лучей, который непрестанно пробегает вокруг земли, смотря без всяких затруднений на все деяния смертных[286]. После призову всех богов, живущих в высоких небесах, на просторах земли и в волнах морских; Океана,

---

[283] Примечания: 283

...травами, не вырванными с корнем, а аккуратно срезанными острым серпом при свете молодой луны... — Ср. Вергилий. Энеида, IV, 513-514: «... травы берет, что медным серпом при луне на полянах/ срезала в полном цвету, ядовитым налитые соком...»

[284] Примечания: 284

...распоясанный и босой на одну ногу... — Ibid. 517-518: «... рядом царица стоит, муку священную держит,/ ногу разувши одну, распустив на одежде завязки...» Как мы видим, весь ритуал очищения Клоника от любовной горячки списан с обряда Дидоны, совершаемого ею перед смертью.

[285] Примечания: 285

Затем окроплю я это место водою из трех истончиков... — Во время древних магических ритуалов влага, которой кропили место их совер-

шения, символизировала воду рек или озер преисподней. См. Вергилий. Энеида, IV, 512: «Мнимой Аверна водой кропит обильно чертоги».

[286] Примечания: 286

...светозарный лик Солнца... непрестанно пробегает вокруг земли, смотря... на все деяния смертных. — Овидий. Фасты, IV, 582: «Солнце ведает всё, что совершается днем»; Боккаччо. Фил около, IV, 85: «Солнце, которое всё видит».

великого праотца всего сущего, девственных нимф, порожденных им: сто придет из лесов дремучих, сто выйдет из рек прозрачных; а помимо них еще фавны, лары, сильваны и сатиры со всею косматой братией полубогов соберутся, с высот Эфира, твердокаменных пород Земли, озер стоячих, рек бегущих и ручьев журчащих. Не обойду вниманием и темное царство подземных богов, призову трехликую Гекату, потревожу глубинный Хаос, могущественный Эреб и эвменид адовых, обитательниц вод стигийских и прочих богов преисподней, заслуженной карой воздающих за нечестивые деяния смертным; все они предстанут при моем жертвоприношении. Так возгласив, возьму сосуд с благородным вином и пролью на лоб овцы, обреченной на заклание, вырву клок черной шерсти у нее между рогов[287], и брошу его в огонь как первину жертвы; затем, взрезав ей горло обрядовым ножом, наполню потир теплой кровью, коснусь чаши только краем уст и вылью кровь вместе с маслом и молоком в яму, вырытую подле алтаря, дабы возрадовалась мать-земля. И когда всё будет приготовлено таким образом, ты помажешься кровью нетопыря,

[287] Примечания: 287

...вырву клок черной шерсти у нее между рогов...и далее. — Ср. с описанием обряда жертвоприношения у Вергилия. Энеида, VI, 243-255.

омочишь ею глаза и всё лицо, дабы мрак ночной не был преградою твоему зрению и всё мог бы ты различать во тьме словно ясным днем. А чтобы не пугали тебя различные причудливые образы призванных мной богов, возложу на тебя язык, глаз и чешую ливийской змеи вместе с правой долей львиного сердца, выдержанного и высушенного исключительно в тени от полной луны. Одновременно с этим повелю рыбам, змеям, диким зверям и птицам (тем, что, когда мне угодно, понимают сокровенные таинства ночных богов)[288] сойтись ко мне без всякого промедления. Затем из их числа я изберу того, кто более пригоден для таинства, а остальных распущу по их жилищам. Открою свою суму и извлеку из нее самые могучие зелья, с помощью которых я обычно оборачиваюсь волком[289] и, развесив пред тем на дубе снятые с себя одежды,

---

[288] Примечания: 288

...птицам (тем, что, когда мне угодно, понимают сокровенные таинства ночных богов) ... — Ср. Овидий. Фасты, VI, 766: «...через птиц подают боги благие совет».

[289] Примечания: 289

..извлеку из нее самые могучие зелья, с помощью которых я обычно оборачиваюсь волком... — Ср. Вергилий. Экл. VIII, 95-100: «Дафниса мчите сюда, из города мчите, заклятья!/ Мерис собрал и припас для меня понтийского зелья:/ эти отборные травы с избытком родятся на Понте./ Мерис от этого зелья — я видела — в волчьем обличье/ в чащу бежал...»;.

замешиваюсь в их стаю среди пустынных лесов не для того, чтобы хватать добычу, а чтобы выведать их тайные хитрости, замышляемые против пастухов; это всё вдобавок сможет послужить подспорьем в твоей надобе.

Если захочешь полностью избавиться от любви, окроплю я всё твое тело святой очищающей водой, окурю девственной серой, иссопом и непорочною рутой. Затем развею над головою прах сожженного мула[290] или другого незапятнанного грехом животного, развяжу один за другим все узлы, которые носишь на себе; ты же возьмешь с алтаря пепел двумя руками и бросишь его горсть через голову за спину в бегущий поток, не оборачиваясь назад. И в тот же миг любовь твоя вместе с той водой утечет в дальнее море, доставшись дельфинам и плавающим кашалотам. Но если тебе более по душе, чтоб твоя врагиня полюбила тебя, пойду я тогда собирать травы по всей Аркадии, выдавлю сок из черного аконита, срежу тайно у новорожденного жеребенка отросток со лба, который его мать проглотить намеревалась. А ты пока, по моим наставлениям, обвяжешь

[290] Примечания: 290

Затем развею над головою прах сожженного мула. — Ср. Вергилий. Экл. VIII, 101-102: «Вынеси, Амариллида, пепел из дома и в реку/ брось его через плечо...»

восковую фигурку тремя узлами в три петли[291], в три цвета; три раза с ней в руке обернешься вкруг алтаря и столько же раз пронзишь ей сердце острием смертоносного меча, приговаривая про себя так:

Днесь пронзаю, раню я

Ту, что в сердце у меня.

Затем, взяв лоскуток с подола ее платья, будешь постепенно загибать его и закопаешь свернутый клочок в землю[292], приговаривая:

Я вверяю ткани сей

Боль и гнет моих скорбей.

Дальше запалишь ветвь зеленого лавра[293] и примолвишь:

---

[291] Примечания: 291

...обвяжешь восковую фигурку тремя узлами в три петли. — Ср. Вергилий. Экл. VIII, 74: «Нитями разного цвета тремя опоясаю трижды/ изображенье твое...»; Феокрит. II, 28-29: «Так же, как воск этот мягкий с мольбою я здесь растопляю,/ так пусть от страсти растает немедленно Дельфис-миндиец».

[292] Примечания: 292

...взяв лоскуток с подола ее платья, будешь постепенно загибать его и закопаешь свернутый клочок в землю... — Ср. Вергилий. Экл. VIII, 91-93: «Мне одеянье свое вероломный оставил однажды./ О драгоценный залог, на пороге разложенный, чтобы/ быть посвященным земле...»; Феокрит. II, 53-54: «Кисть от плаща своего обронил эту Дельфис когда-то;/ мелко ее расщипав, я в жгучее пламя бросаю».

[293] Примечания: 293

...запалишь ветвь зеленого лавра... — Ср. Феокрит. II, 23-25: «Дельфис меня оскорбил — для Дельфиса лавр я сжигаю./ Так же, как ветка в огне разгорается с треском вначале,/ вспыхнет внезапно потом, даже пепла нам не оставив, — / так же пусть в прах на огне рассыпается Дельфиса тело».

Так да завопит в огне

Та, чей смех столь горек мне.

После возьмешь голубку с белым оперением и, выдергивая у нее по перышку, бросишь их горстью в пламя, приговаривая:

Той, в ком благо обретаю,

Плоть и кости рассеваю[294].

Напоследок, когда уже ощиплешь всю птицу, пустишь ее, одинокую, лететь восвояси и прошепчешь последнее заклинание:

Ты, бесчувственная прежде,

Будь нагой в своей надежде.

Всякий раз, как будешь произносить сие, плюй три раза[295], ибо нечет всегда волховским богам угоден. Не подвергай сомнениям действенность речений, благодаря которым, как увидишь, придет она к тебе без прежнего гнушания, не иначе как взъяренная кобылица, на дальних восточных побережьях ожидающая себе плодотворящих

---

[294] Примечания: 294

Той, в ком благо обретаю J плоть и кости рассеваю. — Ср. Феокрит. II, 21: «Сыпь же скорее и молви: "Я Дельфиса косточки сыплю"».

[295] Примечания: 295

...как будешь произносить сие, плюй три раза... — Знак презрения. См. Феокрит. XX, 11: «Это сказав и себе трое кратно за пазуху плюнув...»

братьев Зефира[296]. И так убедишься ты в божественности рощи сей и могуществе того бога[297], чье присутствие ощущаем мы здесь, внимай моим увещеваниям».

Промолвив так, кончил он речь; не передать словами, какую радость при этом испытал каждый из нас. Но наконец рассудилось нам вернуться к оставленным стадам, несмотря что солнце стояло еще довольно высоко, после всевозможных благодарений и учтивых слов отпросились мы у него и стали спускаться с горы по узкой тропке, по пути с немалым удивлением обсуждая слышанное от пастыря, так что могло показаться, будто спускались мы по плоской равнине; жара стояла несносная, но впереди заметили мы прохладный лесок, где захотелось нам послушать кого-нибудь из певчего пастушьего сообщества. И посему Опико озадачил Сельва-

---

[296] Примечания: 296

...взъяренная кобылица... ожидающая себе плодотворящих братьев Зефира. — О зачатии кобылиц от ветра см. Вергилий. Георгики. III, 266-275: «...но неистовей всех ярятся кобылы.../ взбегают они вскачь на гору, переплывают/ реки, едва лишь огонь разогреет их жаркие недра, — / больше весной, ибо жар о весне возвращается в кости./ Грудью встречают Зефир и стоят на утесах высоких,/ ветром летучим полны, — и часто вовсе без мужа/ плод зарождается в них от ветра — вымолвить дивно!»

[297] Примечания: 297

...того бога... — Пана.

джо, назначив тому тему восхваление благого века, когда многие и многие пастухи благоденствовали, и можно было еще видеть и слышать их, поющих средь стад своих; века, возвращения которого в эти леса остается ждать только через тысячу лет. И он уж было собирался начинать, устремив взор к невысокому холму по правую руку от нас, служившему великим могильным курганом, под которым обрели вечный покой досточтимые останки Массилии, матери Эргасто. Меж пастухами прослыла она при жизни божественной Сивиллой[298]. Зовя нас отправиться к ней, сказал он: «Пойдем, друзья, ибо после похорон сей блаженной души мы заботились только о мирском, а Массилия возрадуется на небесах при нашем пении; помнится, как она столь приятно унимала все разногласия, возникавшие между нами, кротко утешая побежденных и награждая удивительной похвалою победителя».

Сочтя предложение Сельваджо разумным, мы непринужденным шагом друг за дружкой двинулись в путь, многословно утешая плачущего Эргасто. Когда пришли, стали мы так созерцать и

---

[298] Примечания: 298

...прослыла она при жизни божественной Сивиллой. — Ср. Боккаччо. Филоколо, II, 15: «У нее, казалось, был дар пророческой мудрости Сивиллы Кумской».

пасти свои взоры, как вряд ли когда-либо делали пастухи в каком-то из лесов. Послушайте, почему. На маленькой лужайке, у подножья невысокого холма, посередине между двумя прозрачными и сладостными источниками была дивной красоты пирамида, вершина которой воздымалась к небу наподобие пика стройного и густого кипариса; на каждой из четырех ее граней можно было видеть множество превосходных фигур, которые сама Массилия, будучи еще среди живых, смогла здесь изобразить в честь своих пращуров, всех пастухов из ее рода, бывших некогда знаменитыми и славными в лесах окрестных, со всеми стадами, коими они владели. Вокруг обелиска простирали тень от своих ветвей деревья молодые и свежие, еще не доросшие до его белой вершины, ибо были только недавно посажены скорбящим Эргасто. Из сострадания к нему пастухи окружили это место высокой изгородью, не из терна и чертополоха[299], а из можжевельника, роз и жасмина; своими мотыгами соорудили там пастуший трон и воздвигли целые башни из мирта и розмари-

[299] Примечания: 299

...пастухи окружили это место высокой изгородью, не из терна и чертополоха... и далее. — Ср. Лонг. IV, 2: «Всё это место было терновой изгородью обнесено. Было всё разделено и размерено в точном порядке, и ствол от ствола на равном был расстоянии, а наверху ветви сходились друг с другом, переплетаясь листвою».

на, переплетенных меж собой с удивительным искусством. Напротив нее возвышался корабль с поднятыми парусами, построенный исключительно из ивовых прутьев и листьев живого плюща, и настолько правдоподобный, что скажешь: «бороздить бы ему спокойную гладь морей»; на его реях, частью на штурвале, частью на высоких марсах, расположились приятно поющие птицы наподобие испытанных и проворных мореходов. Также еще между деревьями и оградой показался дикий зверь, благообразный с виду, он весело скакал и резвился во всевозможных играх, купаясь в ключевой воде; верится, тем самым он доставлял удовольствие прекрасным нимфам, охранительницам сего места и погребенного в нем праха. К этим достопримечательностям присоединялась еще одна, не менее достойная похвалы, нежели какая-либо иная, а заключалась она в том, что вся земля здесь была устлана цветами[300], лучше сказать, земными звездами, и раскрашена в столько оттенков, сколько можно их видеть в роскошном хвосте гордого павлина или в небесной радуге, возвещающей смертным о дожде разноцветным переливом. Здесь лилии, там би-

[300] Примечания: 300

...вся земля здесь была устлана цветами... и далее. — Описание цветов см. Клавдиан. Похищение Прозерпины, II, 92-100.

рючина, там фиалки, окрашенные бледностью, свойственной любви[301], при великом изобилии сонных маков со склоненными долу головками и ярко-красных метёлок бессмертных амарантов, из которых в пору лютой зимы сплетают изящнейшие венки. Наконец, все юноши и державные цари, сколько их ни было оплакано пастухами в давние времена, все пребывали здесь, обращенные в цветы и сохранившие свои прежние имена: Адонис, Гиацинт, Аякс и юный Крокус[302] с его прекрасной возлюбленной; средь них был и непутевый Нарцисс, еще способный осознавать, что созерцание своей гибельной красоты над этими водами стало причиной его ухода из мира живых. После того, как всё это одно за другим предстало нашим изумленным очам, прочел я на

---

[301] Примечания: 301

...фиалки, окрашенные бледностью, свойственной любви... — См. Гораций. Оды, III, 10,14: «...фиалковый лик грустных вздыхателей...» (пер. М. Павловой); Петрарка. Книга песен. CLXII, 6: «Влюбленные и бледные фиалки...» (пер.мой. — АГ.).

[302] Примечания: 302

Адонис, Гиацинт, Аякс и юный Крокус — превратились после смерти в цветы. Адонис, возлюбленный Венеры — в анемон (см. Овидий. Метаморфозы, X, 708-739); Гиацинт, любимец Аполлона, случайно убитый им во время метания диска, превращен в цветок, не соответствующий по описанию тому, который мы так называем (Ibid. 212-213: «... блистательней червени тирской/ вырос цветок. У него вид лилии, если бы только/ не был багрян у него лепесток, а у лилий — серебрян»); Аякс Теламонид, не получив доспехи павшего Ахилла из-за Одиссея, в отчаянии пронзил себя мечом, из его крови возник цветок, который

описывает Овидий (см. Ibid. XIII, 393-398); о Крокусе Овидий повествует всего одной строкой (см. Ibid. IV, 283), однако, по известной версии мифа, этот юноша страстно любил нимфу Смилакс, и та отвечала ему равной любовью; от нетерпения любви он превратился в цветок шафрана, а нимфа — в траву, названную по ее имени.

великолепной гробнице подобающую эпитафию, и над приношениями из многочисленных венков расположились мы вместе с Эргасто на ложе из высоких лентисков, лежащих вповалку на земле. Множество вязов, множество дубов и множество лавров шелестело над нами[303] дрожащей листвой, которой они помавали у нас над головой; к тому еще примешивалось журчание струй ручья, стремительно бегущего среди трав, чтобы затеряться где-то в долине; и всё это ласкало наш слух приятнейшим звучанием. В тенистых ветвях во время сильной жары силились пронзительно стрекотать цикады; печальная Филомела жаловалась среди густого терновника; пели дрозды, удоды и жаворонки; стенала одинокая горлица на высоком берегу; усердные пчелы с приятным гудением кружились над ручьями. Словом, всё дышало плодоносным летом: дышали яблоки, разбросанные кругом, которыми со всех сторон земля под ногами была в обилии усыпана; нерослые деревья так низко склоняли над ними свои отяжелевшие ветви, что, словно побежденные

[303] Примечания: 303

...расположились мы... Множество вязов, множество дубов и множество лавров шелестело над нами... — Ср. Феокрит. VII, 134-137: «...И весело мы отдыхали./ Много вверху колыхалось, над нашей склонясь головою,/ вязов густых, тополей».

грузом созревших плодов, казалось, собирались разломиться. Тогда Сельваджо, с которого причиталось пение на заданную тему, глазами подав знак Фронимо отвечать, нарушил, наконец, тишину такими словами:

ЭКЛОГА 10[304]

СЕЛЬВАДЖО, ФРОНИМО

СЕЛЬВАДЖО

ФРОНИМО

СЕЛЬВАДЖО

Мой Фроним, эти рощи не немотствуют,

Как думает иной, напротив, ведают

Те песни, кои с древним ладом сходствуют.[305]

Сельваджо, пастухи уж не беседуют

---

[304] Примечания: 304

В эклоге повествуется о путешествии аркадского пастуха Фронимо в Неаполь, что предваряет в обратном порядке предстоящее Синчеро возвращение из мифической Аркадии на родину. Саннадзаро вводит в эклогу своего друга, неаполитанского поэта и гуманиста Тристана Караччоло в качестве наставника Фронимо и влагает в его уста меланхолическую песнь (строки 79-185), названную английским исследователем «апокалиптической» («apocalyptic song» — см. Melancolia Poetica. A dual language antology of Italian poetry 1160-1560. Marc A. Cirigiano. UK: University of Leicester. 2007, p. 273). Композиция трехчастная: 1) диалог пастухов об упадке нравов и ослаблении воли богов (строки 1-15); 2) рассказ Фронимо о своем путешествии в Неаполь и похвала Караччоло (16-48); 3) песня Караччоло и ее обсуждение (49-204).

Тема Караччоло — тоска по невозвратно утраченному прошлому, предостережение о возможных еще худших последствиях для чело-

вечества, если оно не встанет на пути истины. Пастухи бежали из Гесперии и укрылись в горах, дабы не видеть, как их добром владеют иноземцы-захватчики; бедность вынуждает их питаться желудями, как это делали блаженные смертные в Золотом веке. Теперь они живут добычей, как первые грабители во времена Ромула. В стихах звучат мотивы знаменитой первой эклоги Вергилия, где пастухи вынуждены покидать «отеческий край и сладкие нивы», уступив их чужакам. Комментаторы небезосновательно видят здесь намек на положение Неаполя после падения Арагонской династии, произошедшего в 1494 г., однако эклога в таком виде, какой мы ее знаем, существовала задолго до этого события, еще в 1489 г., как указывает Скерилло (Scherillo 1888, p. CLXXXIV). Если исключить версию пророческого наития, остается предположить, что очередное обращение Саннадзаро к Вергилию послужило невольным предсказанием грядущих исторических потрясений. Другим источником явилась пятая эклога из «Буколической песни» Боккаччо, озаглавленная «Падение леса».

В некоторых изданиях «Аркадии» эклога имеет подзаголовок «На обновление веков».

[305] Примечания: 305

См. Вергилий. Экл. X, 8: «Песня — для тех, кто не глух. Ответят леса повсеместно».

О Музах, да и в иакрах им отказано,[306]
Ни почестей, ни лавров не наследуют.

Они навозом, грязью перемазаны,
Болиголов им да полынь дурманная
Амброзии милей, и тем всё сказано.

Боюсь, что боги спят, и дремь туманная
С них не сойдет, не шлют нам грозных знамений,
Чтоб проявилась фешных суть обманная.

А возмутятся — не случиться пламени,
Ниже фомов меж тучевыми стаями,
Путь не укажут к благодати нам они.

Я, друг мой, меж Везувием и Байями
В долине был, где с морем сочетается
Себето дивный, украшать тот край ему!

---

[306] Примечания: 306

Иакры — древнийударный музыкальный инструмент, разновидность литавр или бубнов.

Амор, который в сердце обретается,

Стремил меня до вод тех удивительных,

Как вспомню, дух доселе сокрушается.

Шел по камням, в терновниках язвительных;[307]

И как же мог в дороге не страшиться я

Медведей, злыдней, стычек сокрушительных?

Был наконец оракул; слышу сице я:

«Халкидики ищи, сей град возвышенный,

Возвигнутый над древнею гробницею».[308]

Не понял я, но сей глагол услышанный

Растолковали пастухи мне местные,

И всё сбылось, и не был я обиженный.

Постиг луны заклятия чудесные,

---

[307] Примечания: 307

См. Кальпурний. III, 4-6: «И хоть давно мне царапают ноги кусты ежевики,/ я готов продираться сквозь злые колючки и дальше./ Ноги в кровь изодрав...»

[308] Примечания: 308

Неаполь был основан выходцами из греческой Халкиды, по легенде, на месте погребения сирены Партенопы. В древности город назывался Партенопеей.

Искусство магии и все учения,
Алфесибею, Мерису известные.[309]

Такой травы нет дикой и растения,
Что б их не знали пастухи ученые,
Как и о тайнах звезд, об их движении.

Как только меркли выси помраченные,
Внимал искусству Феба и Паллады я,
И покидал сам Фавн леса зеленые.

Как солнце меж светил, в сем дивном граде я
Зрел Карачьоло, цитрой и свирелию
Превосходящего певцов Аркадии.

Ни виноградарству, ни земледелию,
А только стад обучен он целению,
О них заботу проявляет велию.

Сидел я с ним под ясеневой сению,
Корзинку плел, он — клетку, вот, до-садуя,
Запел он, давши выход огорчению:

---

[309] Примечания: 309
Алфесибей и *Мерис* — пастухи, персонажи «Буколик» Вергилия.

«Нас защитили Небеса оградою
От языков дурных; судьбой счастливою
Дышу я здесь, стадами душу радуя.

Идите же, коровы, злачной нивою,
Чтоб дотемна домой вернулась каждая,
Насытившись сполна травой сочливою.[310]

Ах, сколько их, томясь от глада, жаждая,
Без пастбища, лозой стремясь насытиться,
Бредет сегодня по чужбине, страждая!

Из тысячи одна спасется, видится;
В такой скуде живут среди бессилия,
Что из души вся радость вмиг похитится.

Когда бы Небеса от изобилия
Послать несчастным благ бы не преминули,

---

[310] Примечания: 310
Ср. Вергилий. Экл. X, *77:* «Козочки, с пастбищ домой возвращайтесь — приблизился Геспер».

Хвала им тотчас обрела бы крылия.

Днесь пастухи Гесперию покинули,
Привычные леса, ручьи любимые;
Переживут ту трудную годину ли?

Скот в горы увели непроходимые,
Чтоб стадо чужеземцы не расхитили,
Лихие, злобные, неумолимые.

От бедности глодают в той обители
Лишь желуди, забившись в гроты темные,
Отнюдь не Золотого века жители.

Как древле пастухи-этруски скромные,
Так и они добычею питаются.
Вот только тех уж имена не вспомню я!

Один несчастен был, как вспоминается,
Он звался Рем; другой, его убивший,
Град основал, что ныне возвышает-

ся.[311]

Аж пот прошиб, дрожу я, ощутивши
Страх, горло мне сдавивший, неужели
Мы будем жить в уделе столь жестоком,
Что присужден нам Роком и Фортуной?
В затмении диск лунный в черном небе;
Злой Орион свирепей, чем обычно.[312]
Ход времени привычный изменился,
И Арктур закатился в сине море,[313]
И прячет солнце в горе лик свой ясный,
И ветерки напрасно шепчут где-то,
Вернется ли к нам лето, неизвестно.

---

[311] Примечания: 311

...другой, его убивший,/ град основал... — Ромул, основатель Рима, убил своего брата Рема. Говоря здесь о Реме и Ромуле, Саннадзаро подразумевает стихи Овидия: см. Фасты, III, 63-72.

[312] Примечания: 312

«Астрономическую» часть песни Караччоло ср. с Боккаччо. Филоколо, И, 42: «Флорио внезапно показалось, что воздух помутился, и народ Эола [ветры. — *А. Т.],* вырвавшись из скальных недр, без всякого порядка яростно сгонял тучи с разных сторон... и меж потрясающих сверканий и различных громов из разрывов туч казалось, что сумрачная земля воспламенилась, звезды будто бы изменили место и законы своего вращения, а хладный Арктур намерился погрузиться в соленые волны... устрашающий Орион отбросил свой меч в западные края, и, казалось, темные испарения Стикса застили солнце, ибо оно больше

не светило, а побледневшая луна утратила свои лучи».

[313] Примечания: 313

Об Арктуре см. Гораций. Оды. III, 1,27-28: «И бури грозные несущий/... закат Арктура» (пер. З. Морозкиной).

Сквозь полог туч небесный рвутся громы,
И молнии изломы средь эфира;
Днесь о кончине мира страх несносный.
О сладостные вёсны, о цветочки,
Дыханье ветра, почки, травы свежи,
Приволье побережий, холмы, горы,
Долины, реки, боры, дол счастливый;
О пальмы, хмель, оливы, лавры, плющи,
О духи темной пущи, рой летучий;
О Эхо, гроты, кручи, о криницы,
Наяды, вод жилицы, фавны, паны,
Сатиры и сильваны, и дриады,
Напей, ореады, нимфы-девы, —
Днесь одиноки все вы, сиры, жалки!
Зачахли все фиалки на равнине;
Лесные звери ныне и пичуги,
Что чистят грудь, в испуге как пропали.
Старик Силен в печали по утрате:[314]

---

[314] Примечания: 314

Силен — наставник бога Диониса изображался пьяным стариком, восседающим на осле.

Нет более осляти, схоронили.
Вы, Дафнис, Мопс, в могиле погребённы.
Приап, серпа лишенный, сад покинул,
И тис там не раскинул вольны сени.
Вертумн о года смене не печется.[315]
И древо не привьется у Помоны,
Плоды ее, зловонны, в прах распались.
Ты гневаешься, Палее, что в апреле
И в мае, как доселе, уж не чтима.
Караешь нас, вестимо, так и надо.
Но в чем виновно стадо, что весною
Под елью и сосною пышной, стройной
Пасется преспокойно и воспрянет,
Коль из лесу поманит глас пастуший?
Ах, заблужденье в души к нам запало
И тем дало начало всем страданьям!
Уж Пан клыком кабаньим, разъярен-

---

[315] Примечания: 315

В подлиннике этот стих «Вертумн оставил свои превращения» — точная цитата из Боккаччо. См. Амето, XXXVIII: «Вертумн, который сбросил личины и принял свой истинный облик». Вертумн — древнеримский бог изменений, главным образом, природных, аналог греческого Протея.

ный,[316]

Свирель сломал; он стоны исторгает,

Эрота призывает по старинке,

Чтоб память о Сиринге сохранилась.

От лука отвратилась, от колчана,

Забросила Диана, дроты, сворки,

Пруд, где охотник зоркий стал оленем,[317]

Рассталась с окруженьем нимф прекрасных,

Оставив их, несчастных, в чистом поле;

Настолько в сей юдоли мир презрела,

Что в глубине узрела звезд мирьяды.

Сломал самшит Паллады Марсий в злости[318]

---

[316] Примечания: 316

...клыком кабаньим... — Не совсем ясно, почему Саннадзаро упоминает здесь бивень кабана («sanna»), возможно, для рифмы. Мифологических аллюзий здесь мы не обнаружили.

[317] Примечания: 317

...охотник зоркий — Актеон, случайно увидевший обнаженную Диану, купающуюся в пруду, был превращен в оленя и растерзан собственными псами.

[318] Примечания: 318

...самшит Паллады — флейта, см. примеч. к Прологу.

За то, что мясо, кости без покрова.
Минерва щит сурово сотрясает.[319]
И Феб не пребывает в Тавре, в Либре,[320]
Он где Амфриза зыби, горемычный,
Сидит, взяв прут привычный, под скалою,
Попрал колчан ногою, слез не вытер.
Ты видишь всё, Юпитер? Он без пенья
Дня светопреставленья ждет, кручинный,
Когда наш мир в руины обратится
И лучшим возродится всем во благо.
Без тирсов, Вакх с ватагой опьяненной
Зрят Марса в меди бронной, им на-

---

[319] Примечания: 319

137. *Минерва щит сурово сотрясает...* — Атрибут богини Минервы (Афины Паллады) — эгида, щит с головой Горгоны. Прежде им владел Юпитер; когда он потрясал эгидой, в небесах раздавался гром. Таким образом, описанное действие должно вселять ужас в смертных.

[320] Примечания: 320

138. *Тавр* и *Либра* — в переводе сохранены латинские названия зодиакальных созвездий Тельца и Весов. Обновление природы, весна, начинается, когда солнце находится в знаке Овна (март) и продолжается, когда солнце входит в знак Тельца (апрель); этимология второго месяца весны восходит к глаголу «aprire» — «открывать», «зарождаться», отчего следует, согласно Гесиоду, что начало года приходится уже не на месяц Овна, а на то время, когда восходят Плеяды, образующие хвост созвездия Тельца. В Весах солнце находится с 31 октября по 22 ноября, когда, также и в южном климате, уже наступают холода.

Соответственно, в стихе «и Феб не пребывает в Тавре, Либре» поэт хочет сказать, что времена были столь печальны, что солнце не давало миру ни вешнего, ни осеннего тепла, и Феб, т.е. Аполлон, сложив с себя ипостась бога солнца, в качестве пастуха удалился на берега реки Амфриз в Фессалии, где, согласно мифу, он пас овец царя Адмета с посохом в руке. (Примеч. Портирелли. См. *Portirelli 1826,* p. 157).

встречу
Он шествует и сечу деет всюду
И мертвых валит в груду. Жизнь лихая!
Не выживем, я знаю. Злоба рока!
О небо, ты жестоко! Вот и море
Вскипает на просторе, и в стихии
Все божества морские в исступленье:
Нептун свои владенья покидает,
Трезубцем их толкает, полон гнева.
Царят Весы и Дева в небе алом.[321]
Великое в столь малом заключаю.
Парю в высоком, чаю, я полете,
Быть может, не поймете суть глагола.[322]
Из леса прочь и дола. Были ль басни
Старинные ужасней сих речений?

---

[321] Примечания: 321

Царят Весы и Дева в небе алом (la donna e la bilancia e gita al cielo)... — Портирелли утверждает, что здесь имеется в виду не созвездие Девы, а Астрея, древняя богиня справедливости, которая в Золотом веке жила на земле, а после, оскорбившись людскими пороками, вознеслась на небо. Весы — атрибут Астреи (у римлян — Фемиды), символ небесной справедливости.

[322] Примечания: 322

Указание на сложность «ученого» стиля канцоны см. Данте. Пир. Канц. I, 53-55: «Канцона, будут редки, мнится мне,/ те, кто твоим ученьем насладятся, — / столь труден, столь возвышен твой язык».

На ниву с вышней сени враны жадные
И саранча упала мгой великою:
Так повелели боги беспощадные.

Уж лучше под Боотом и Геликою[323]
В холодной Скифии, где пища грубая
И горьки вина, жить с ордою дикою!

Ворону помню на вершине дуба я —
Накаркала беду она, зловещая;
На сердце камень и тоска сугубая.[324]

Едва помыслю про такие вещи я,
На сердце тотчас злая робость чует-ся:
Так встарь Сивилла предсказала вещая.

О чудо, тигр с медведицей брачуется!

---

[323] Примечания: 323

Уж лучше под Боотом и Геликою... — т.е. в Скифии или в Гиперборее, крайней северной области обитаемого мира, согласно античной географии. Созвездия северного полушария неба Боот (Волопас) и Гелика (Большая Медведица), соответственно, светят ярче в этих местах. Смысл терцины: настали столь трудные времена, что даже жизнь среди варваров в суровых климатах может показаться привлекательной.

[324] Примечания: 324

О предсказании вороны, сидящей на дубе, см. Вергилий. Экл. IX, 14-15: «Если бы слева не предостерег, из полого дуба,/ ворон — "Не смей заводить какой бы то ни было тяжбы!"/ Мерис теперь бы не жил, Меналк — и тот бы не выжил».

Что ж нить не пресечете, Парки строгие,
Неужто вами пряжа не бракуется?

О пастухи, орешины широкие
Корчуйте, ими пусть зерно не губится.
Пока не старые вы, не убогие.

Полите сорняки, ведь не заступится
Земля за вас, от ига не избавится,
Пока серпы и грабли не затупятся.[325]

Рубите плющ, что бурно разрастается,
Под самый корень — время подходящее,
Не то не вырасти сосне-красавице».

Он пел, и вторил лес ему всей чащею;
Менал, Парнас, Эврота струи чтимые
Внимали песне той с печалью вящею.

Когда бы ни стада его любимые,

---

[325] Примечания: 325

Смысл терцины: необходимо искоренять сорняки (пороки), препятствующие цветению благородного дерева добродетели. Ср. Петрарка. Книга песен, LIII, 74-76: «Себе на горе их [знатные римские фамилии] благая Донна [аллегория Рима]/ однажды призвала, ее побеги/ дурные ей цвести не позволяют» (пер. мой. — АТ.).

Покинул бы он родину немилую,
Где часто смерть зовет неотвратимую,

Оставил бы язычество постылое
И века темного обыкновения,
Пришел бы к нам, в отчизну нашу милую.

Он истинное мира украшение,
Зерцало добродетели блистающей,
Что лучшего достойна восхваления.

Блажен тот край, к писаньям побуждающий,
И вы, леса, где часто стих слагается,
Ни власти Неба, ни конца не знающий.

Но разбранить мне звезды полагается,
Хоть и обидных наскажу им слов:
Уж слишком быстро ночь с небес спускается,

Чтоб слышать больше; вижу светляч-

ков.[326]

[326] Примечания: 326

Ср. Вергилий. Экл. VI, 85-86: «Пел он, пока против воли Олимпа не выступил Веспер/ и не заставил овец перечесть и вернуться в овчарню».

ПРОЗА 11[327]

Я бы затруднился описать, как проявлялось всеохватывающее восхищение от долгого пения Фронимо и Сельваджо в каждом из присутствующих. Меня оно, помимо доставленного высочайшего наслаждения, заставило пролить слезы, ибо слышал я столь благое суждение о самом прекрасном месте в моей стране[328]. Меж тем как еще внимал их стихам, я представлял себя на той дивной и веселой лужайке, упомянутой певцами; лицезрел свой Тибр неаполитанский, сиречь благодатнейший Себето, различными руслами бегущий по густотравной равнине, а затем сходящийся в единый поток, плавно протекающий

---

[327] Примечания: 327

Обсуждение предыдущей эклоги сводится к восхвалению Неаполя от лица Синчеро. Введение в буколику спортивных состязаний в память по усопшему признается инновацией Саннадзаро. Данная тема традиционна только для героического эпоса античности: см. Гомер. Илиада, XXIII; Вергилий. Энеида, V; Стаций. Фиваида, VI; Квинт Смирнский, IV.

[328] Примечания: 328

...восхищение от долгого пения... о самом прекрасном месте в моей стране. — Ср. Боккаччо. Амето. XXXVII: «С наслаждением внимая повествованью о древности благородной Партенопеи, он [Амето] восхвалял ее про себя и вспоминал, что не раз слышал про то, какая превосходная охота в этом крае, прославленном обилием молодых резвых козочек...» Отметим здесь, что Саннадзаро в основном опирается на те произведения Боккаччо, которые связаны с неаполитанским

периодом его жизни, главным образом, на «Филострато» и «Амето».

под сводом маленького моста и без какого-либо шума вливающий, наконец, свои струи в море. То было не меньшим поводом и для жаркого вздоха моего, едва донеслись до слуха названия «Байи» и «Везувий», пробудившие воспоминания о моем безмятежном пребывании в сих местах[329]. С тем вместе проявились в памяти усладительнейшие купальни[330], удивительные огромные здания, ласковые озера, приятные и прекрасные островки, сернистые горы и каверны на счастливом побережье Позиллипо, жители живописных деревенек и сладостный прибой соленых волн. Одновременно вспомнилась и плодородная гора, господствующая над городом; и не менее отрадно было вспомнить благоухающие розарии прекрасной Антинианы, нимфы, воспетой моим великим

---

[329] Примечания: 329

...названия «Байи» и «Везувий», пробудившие воспоминания... и далее. — Ср. Боккаччо. Филоколо, III, 33: «... достигли по *соленым волнам* Поццуоло, где прежде всего увидели старинные Байи с их теплыми водами, дающими подкрепление смертным телам по изволению богов».

[330] Примечания: 330

...проявились в памяти усладительнейшие купальни ...и далее. — Перечисление достопримечательностей Неаполя здесь навеяно Стацием. См. Сильвы, III, 5, 72 и след. Также см. Боккаччо. Амето, XXXV: «В скором времени город украсился храмами, театрами, домами такими, что любо взглянуть; с каждым днем он становился чем дальше, тем лучше на зависть приходящим в упадок селениям; а в новые века стал великолепнее прежнего, многолюден и пышен и расширился так, что обе старинные части стали единым городом, прославленным на весь свет».

Понтано. К этим размышлениям присоединились также думы о величии моей благородной и благодатной родины. Изобилующая сокровищами, состоятельными и почтенными жителями, за чертой города, окруженного громадой великолепных стен, содержит она и чудесный порт, радушно принимающий суда со всего мира, а также высокие башни, роскошные храмы, величественные дворцы, досточтимые обители нашего магистрата, улицы, заполненные прекрасными дамами, учтивыми и галантными молодыми людьми. А что мне сказать о забавах здешних, о празднествах и частых ристаниях, устраиваемых с таким искусством, с таким умением и таким похвальным исполнением? Воистину, ни один город, ниже провинция, либо иное благоденствующее королевство никогда не украшались подобающе. И паче всего остального было мне отрадно слышать лестные слова о школах риторики и божественных высотах нашей поэзии, между прочим, и заслуженную похвалу моему искуснейшему Караччиоло, снискавшему не худшую славу от Муз народного красноречия, песня которого из-за своего туманного слога мало кому здесь могла быть понятна, однако это не помешало каждому выслушать ее с почтитель-

ным вниманием. Иное дело Эргасто, который на всё время, пока длилось пение, ушел в себя, охваченный одной долгой и неотвязной думой, и не отрывал взора от гробницы, не моргнув даже притом ни разу, как будто был зачарованный. Временами он пускал скупую слезу и, шевеля губами, неслышимо нашептывал про себя что-то неразборчивое. Но закончилось пение, толкуемое с одного лада на другой, и, поскольку приближалась ночь, и звезды начинали зажигаться на небе, Эргасто вскочил на ноги, словно от глубокого сна пробужденный, с видом, вызывающим сострадание обернулся в нашу сторону и сказал:

«Друзья-пастухи[331], насколько я могу судить, не без воли всемогущих богов судьба привела вас сюда в урочное время, накануне дня, который мне бесконечно горек и всегда будет отмечен подобающими слезами; всё это своевременно — он приближается, ибо завтра злосчастная годовщина с того дня, когда на всеобщее ваше

[331] Примечания: 331

Друзья-пастухи... и далее. — См. обращение Энея к троянцам перед началом спортивных состязаний в память об его отце Анхизе (Вергилий. Энеида, V, 45-71). *совершил святой обряд жертвоприношения...* и далее до конца абзаца. — Ср. Вергилий. Энеида, V, 72-79: «Так он сказал и чело материнским миртом украсил.../ Прямо к могиле пошел, и тысячи шли за героем./ Там, возлиянье творя, две чаши Вакховой влаги/ чистой и столько же чаш молока и крови священной/ он пролил и, цветы разбросав пурпурные, молвил...»

горе и скорбь всех окрестных лесов был предан земле прах вашей Массилии. По сему случаю, как только новое солнце положит предел ночи, разогнав своими лучами мрак, когда животные выйдут пастись на луга, вы также созовете других пастухов сюда и вместе со мною воздадите усопшей священный долг и справите в память о ней торжественные игры согласно заведенному обычаю. Каждого победившего в играх ждет от меня причитающаяся награда».

Так он сказал, и Опико пожелал остаться с ним, чего тот не позволил, ибо стар был Опико годами; но исходя из того, что в нашей компании было достаточно молодых людей, большинство из нас осталось в эту ночь бодрствовать при Эргасто. Когда стемнело, зажгли мы множество факелов у гробницы, а самый большой из них водрузили на ее вершину, и этот светоч издалека, по всей вероятности, можно было принять за полную луну в окружении многочисленных звезд. Так всю ночь меж факелов раздавалось нежное и жалобное звучание бессонных цевниц; птицы же, как будто силясь их превзойти, старались изо всех сил петь на всех ближайших деревьях; лесные звери, забыв свой природный страх, стали точно ручными, возлегли вокруг пирамиды и, казалось,

с невиданным наслаждением внимали.

Уже розовоперстая Аврора, поднявшись над землей, означила для смертных миг пробуждения солнца, когда мы по отдаленным напевам свирели узнали о приближении толпы пастухов; и через достаточный промежуток времени, когда всё небо просветлело, начали различать их на лугу. Каждый из пришедших соблюдал особый чин, у всех одеяние было покрыто листвою, а в руке каждый держал по длинной ветви, так что при взгляде издалече могло бы показаться, что это приближаются не люди, а сам зеленый лес вместе со всеми своими деревьями надвигается на нас. Наконец, подойдя к холму, под которым мы расположились, Эргасто возложил себе на голову венок из бледных олив еще до того, как окрасило его восходящее солнце; затем, обратясь к гробнице, горестным голосом, так, чтобы его всем было слышно, он сказал:

«Материнский прах, о, досточтимые и непорочные кости, пусть враждебная Судьбина не позволила мне возвести для вас гробницу, по величине равную этим горам, и окружить ее дремучими лесами с сотней алтарей в округе, чтобы на них каждое утро мы возлагали сто приношений, не смогла она всё же отнять у меня те

скромные пожертвования, которые с искренней волей и нерушимой любовью я приношу ей и в мыслях, и в делах, насколько мне это позволяют мои силы».

Сказав так, он совершил святой обряд жертвоприношения и благоговейно поцеловал могильный камень. Вокруг обелиска пастухи возложили те большие ветви, которые прежде держали в руках, и, призывая хором божественную душу, принесли подобным же образом дары: кто ягненка, кто медовые соты, кто молоко, кто вино; а многие воскурили благовонную мирру и другие благоуханные травы.

Совершив обряд, Эргасто предложил награды тем, кто пожелает состязаться в беге[332]: вывел он пригожего дебелого овна, руно которого отдавало блестящей белизной и было столь пышно, что, казалось, доходило до самых копыт, и затем промолвил: «Его обещаю тому, кто быстротой ног и благоволением Фортуны удостоится первенства в беговом состязании. Тому же, кто придет вторым, вот ладная и новая плетеная бутыль, подобающая снасть для развратного Вакха; третий же пусть

[332] Примечания: 332

...предложил награды тем, кто пожелает состязаться в беге... и далее. — О наградах в беговом состязании см. Вергилий. Энеида, V, 303-315; Гомер. *Илиада,* XXIII, 257 и след. и 748 и след.

удовольствуется сим можжевеловым дротом, а украшен он таким красивым железным наконечником, что может служить еще и пастушеским посохом».

На его слова подались вперед Офелия и Карино, быстроногие юноши, привыкшие на бегу настигать лесного оленя[333]; после них Лоджисто и Галичо, а также сын Опико, звавшийся Партенопеем[334], с Эльпино, Серрано и другими их товарищами, более юными и менее знаменитыми. Тогда каждый изготовился в установленном порядке, и еще не был подан знак, как все они одновременно принялись мерить ногами зеленую равнину[335] с такой быстротой, что вы бы по праву могли назвать их стрелами или метеорами; их взгляды были неуклонно устремлены к взыскуе-

---

[333] Примечания: 333

...быстроногие юноши, привыкшие на бегу настигать лесного оленя. — В том же контексте ср. Стаций. Фиваида, VI, 566-568: «... безоружным/ гоном (молва говорит) оленей в ликейских долинах/ он настигал...»

[334] Примечания: 334

...сын Опико, звавшийся Партенопеем... — Такое же имя носит один из бегунов у Стация, см. Фиваида, VI, 561-562: «... Партенопея Аркадца/ кличут...»

[335] Примечания: 335

...принялись мерить ногами зеленую равнину... и далее. — Метафора бега. Ср. Стаций. Фиваида, VI, 593-597: «Ринулся строй, единый порог за собой оставляя, — / легкие, *смяли* простор, и в поле взблистала нагая/ стая: по той же стезе крылатые давеча, мнится,/ медленней кони неслись; недолго подумать, что мчатся/ столько же стрел от парфян

убегающих или кидонцев». Также ср. Вергилий. Энеида, V, 315-316: «...и встают на места бегуны и, по знаку/ разом сорвавшись, летят, подобно граду из тучи...»

мой мете, и каждый изо всех сил рвался обогнать товарищей. Но Карино, обладавший чудесной легкостью, уже вырвался вперед. Вторым, но на довольно большом расстоянии от него, следовал Лоджисто, а после Офелия; Галичо был настолько близко у него за спиной[336], что, казалось, частым дыханием разогревал ему шею, наступая в те же места, что и тот, и, если бы им предстояло бежать более длинный отрезок, тот, несомненно, остался бы позади. Уже побеждавшему Карино оставалось пробежать малую толику, дабы прикоснуться к вожделенной мете, как вдруг неведомо почему он споткнулся[337] то ли о корягу, то ли о камень, то ли еще о что-то, и, не имея возможности удержаться на ногах, упал наземь грудью и лицом. И тут он, быть может, из зависти не желая уступать Лоджисто пальму первенства, или же в попытке подняться (истинную причину

---

[336] Примечания: 336

Галичо был настолько близко у него за спиной... — Ср. Вергилий. Энеида, V, 323-324: «За Эвриалом — Гелим; за его спиною вплотную/ мчится проворный Диор, наступая Гелиму на пятки,/ тяжко дыша у него над плечом...»

[337] Примечания: 337

...вдруг неведомо почему он споткнулся... — Ibid. 327 и след.: «...и вдруг несчастный Нис поскользнулся/ в лужицу крови ступив (когда на лугу приносили/ в жертву быков, эту кровь на зеленые пролили травы)./ Не находя под ногой опоры твердой, с разбега/ наземь падает Нис, заранее гордый победой,/ тело в священной крови и в нечистом навозе марая.....

я не знаю) выставил вперед себя ногу[338], чтобы с тою же стремительностью, с какой несся, тот распластался близ него. Лоджисто упал, а Офелия удвоил усилия, дабы преодолеть оставшуюся часть поля, и уже видел себя первым, а крики и восторженные рукоплескания толпы пастухов укрепляли его дух для победы. Так что, когда наконец достиг он назначенного места, стяжал себе пальму первенства, как он того желал. Галичо, который ближе всех остальных был к нему, досталась вторая награда, а третья — Партенопею. Тут Лоджисто с криком и шумом принялся жаловаться на недозволительную хитрость Карино[339], который, сбив с ног, лишил его тем самым первой награды, и с великой настойчивостью придерживался своего. Но Офелия, двумя руками

[338] Примечания: 338

И тут он, быть может, из зависти ...выставил вперед себя ногу — Ibid. 334-336: «Но и тут, не забыв о любимом своем Эвриале,/ телом он Салию путь преградил, приподнявшись из грязи./ Тотчас на плотный песок упал споткнувшийся Салий».

[339] Примечания: 339

ТутЛоджисто с криком и шумом принялся жаловаться на недозволительную хитрость Карино... — Ibid. 340-343: «Тут перед всею толпой, пред скамьями граждан старейших,/ криками дол огласив, потребовал Салий награды:/ только-де хитростью он был лишен победы и чести». Также см. Гомер. Илиада, XXIII, 535-538; Стаций. Фиваида, VI, 475-483.

держась за рога стяжанного овна[340], возражал ему. Мнения пастухов разделились, склоняясь попеременно в пользу то той, то этой стороны, тогда Партенопей, сын Опико, с улыбкой молвил так: «Ежели дадите первую награду Лоджисто, то мне, пришедшему третьим, что достанется?» Эргасто с веселым лицом отвечал: «Любезнейшие юноши, те нафады, что у вас есть, вашими же и останутся; мне же да позволено будет проявить милосердие к другу». Так сказав, подарил он Лоджисто овечку с двумя ягнятами. При виде этой щедрости, Карино обратился к Эргасто со словами: «Коль скоро такую милость ты оказываешь оступившимся друзьям, то кто же более меня заслужил награду? Я, несомненно, пришел бы первым, если бы та же случайность, что навредила Лоджисто, не воспрепятствовала бы и мне». После того, как он сказал это, показал всем грудь, лицо и рот свой, полный дорожной пыли, что вызвало смех у остальных пастухов, а Эргасто подвел к нему белого поджарого пса и, держа за ухо, сказал: «Бери этого пса,

[340] Примечания: 340

...двумя руками держась за рога стяжанного овна... — Ср. Вергилий. Энеида, V, 380-383: «Тут, решив, что победу ему без борьбы уступают,/ перед Энеем он встал, нетерпеньем радостным полон,/ левой рукою за рог быка схватил и промолвил...»; Гомер. Илиада, XXIII, 779-780: «... вола захватил Оилид знаменитый;/ стал и, рукою держася за роги вола полевого,/ он выплевывал кал...»

моего Астериона, его отцом был добрый старый Петулко, всех прочих собак превосходивший преданностью и ласковостью, чья преждевременная кончина вызывает у меня слезы и непрестанные горячие вздохи при каждом воспоминании».

Когда поутихли шумы и споры пастухов, Эргасто вынес ладный шест, длинный и толстый, тяжеловесный, так как было в нем больше железа[341], и сказал так: «Кто победою стяжает сей, два года иметь нужды не будет ходить в город ни за мотыгой, ни за сошником; его же получит он в награду за приложенные старания».

При этих его словах поднялись Монтано и Эленко с Евгением и Медвежонком; они выступили вперед и заняли исходные места; первым Эленко поднял с земли шест и затем, основательно изучив его вес, что было сил размахнулся для броска, однако далеко от себя отбросить его не сумел. Место, куда пришелся удар, тотчас отметил Медвежонок и, возможно, полагая, что только его силы будет достаточно для победы, сильно напрягся, однако в итоге оказался посмешищем у

[341] Примечания: 341

...вынес ладный шест, длинный и толстый, тяжеловесный, так как было в нем больше железа... — Метание шеста или диска ср. Гомер. Илиада, XXIII, 826: «Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа...» и далее ibid. 831-849. Также см. Стаций. Фиваида, VI, 647 и далее.

пастухов, так как, шагнув вперед, при замахе он упал[342]. Третьим метнул Евгений, и его бросок был дальше, чем у двух его предшественников. Но Монтано, черед которого был последним, сделал несколько шагов вперед, нагнулся к земле и, прежде чем брать в руки шест, два или три раза натер руки пылью, затем поднял его и, успешно сочетая силу и ловкость, превзошел всех остальных, метнув вдвое дальше. Пастухи ему рукоплескали, восхищенно восхваляя столь удачный бросок. За это Монтано получил шест и затем уселся на свое место.

Тогда Эргасто объявил о третьем состязании, которое происходило следующим образом. Собственноручно одним из наших посохов он вырыл ямку, настолько узкую, что пастух мог поставить в нее только одну свою ногу, другую же должен был поднять и согнуть так, как это делают журавли[343], что не раз нам случалось наблюдать. Против него, также стоя на одной ноге, выходил другой пастух и пытался вытолкнуть его из ямки,

---

[342] Примечания: 342

...при замахе он упал... — Описание подобной неудачи при метании диска см. у Стация. Фиваида, VI, 691-698. Ср. Гомер. Илиада, XXIII, 840: «Долго махал он и бросил; и хохот раздался по сонму».

[343] Примечания: 343

...как это делают журавли... — См. Плиний Старший. Ест. история, X, 30.

в которой тот стоял. Тот, кто не хотел проиграть (как с одной, так и с другой стороны) ни в коем случае не должен был поднятой ногой коснуться земли. В этой игре было много замечательного и вызывающего смех, потому то один, то другой срывался с места. Наконец, когда подошел черед Медвежонку занять место в яме и он издалека увидел того пастуха, который выходил супротив него, он вновь ощутил себя опозоренным при недавнем всеобщем осмеянии и стал размышлять над тем, как бы исправить промах, допущенный при метании шеста, и тогда решился на хитрую уловку: в единый миг наклонил он голову и с величайшей быстротой кинулся промеж ног того пастуха, что уже приближался, готовясь его толкать; не дав тому опомниться, он перекинул его через свою спину вверх тормашками и простер в пыли насколько мог дальше от себя. Шумному удивлению, крикам и хохоту пастухов не было границ. Объясняли же внезапную отвагу Медвежонка так: «Не может человек преуспевать во всём[344]. Если оплошал прежде в чем-то, в другом непременно себе почет стяжает». Эргасто

[344] Примечания: 344

Не может человек преуспевать во всём. — Ср. Гомер. Илиада, XXIII, 670-671: «Будет того, что меж вами я воин не лучший, — что делать:/ смертному в каждом деянии быть невозможно отличным».

при таковых речах рассмеялся и дал добро; он снял с пояса остро заточенный серп с рукояткой из самшита, еще не испробованный ни в одной жатве, и отдал его Медвежонку.

Он тотчас распределил награды между участниками предстоящей борьбы, предполагая вручить победителю кленовый сосуд, на коем рукой падуанца Андреа Мантенья, живописца искуснейшего и превосходнейшего, было изображено многое; а среди всего прочего обнаженная нимфа с прекрасным и соразмерным телом, за исключением ног, которые у нее были как у козы[345]. Она восседала на вздутом бурдюке и кормила грудью крошку сатира, покоя на нем такой нежный взгляд, что, казалось, всю любовь, всю свою ласку истратила на него, а младенец из одного ее соска тянул млеко, а другой сосок сжимал нежной ручонкой и косился на него так, словно опасался, как бы не отняли. Немного поодаль от них были изображены два нагих мальчика; на лицах у обоих были ужасные маски, гримасничая, они

[345] Примечания: 345

...нимфа с прекрасным и соразмерным телом, за исключением ног, которые у нее были как у козы. — В античной традиции не принято было изображать сатиресс или фавнесс, т.к. предполагалось, что эти существа только мужского рода. Очевидно, здесь имеется в виду одна из реальных работ па-дуанского мастера. В этом месте романа содержится одна из многих попыток автора соотнести вневременное пространство Аркадии с искусством своего времени.

себе растягивали рот крохотными пальцами, силясь напугать двух других, бывших перед ними; отчего один из тех порывался бежать, обратясь вспять, и кричал от страха, а другой, уже в слезах, пал на землю и, не находя возможности защититься как-нибудь иначе, изготовил руку, чтобы оцарапать обидчиков. А по краю сосуда пробегала гибкая лоза, нагруженная кистями свежего винофада; на одном из его концов змея извивала хвост, открытой пастью пытаясь дотянуться до горлышка сосуда с восхитительно сработанной и причудливой ручкой. Многих из присутствующих красота этого сосуда понуждала отважиться принять участие в борцовском состязании, но все ждали увидеть того, кто среди них был сильнейшим и более признанным борцом. Уранио, увидев, что никто пока и не двинулся, мигом вскочил на ноги[346] и сбросил плащ, выставляя на обозрение свои широкие плечи. Навстречу ему смело выступил Сельваджо, пастух известнейший и многочтимый в этих лесах. Все остальные так и замерли в ожидании, при виде двух столь могучих пастухов, выходящих на поле.

---

[346] Примечания: 346

...*Уранио ... мигом вскочил на ноги* ... и далее. — Эпизод борьбы ср. Гомер. Илиада, XXIII, 708-737. Более подробное описание у Вергилия, см. Энеида, V, 368-484. Также см. Стаций. Фиваида, VI, 834-910.

Наконец, когда они приблизились один к другому, и каждый оглядел своего противника с головы до ног, они схлестнулись в неистовом порыве, вцепившись друг в друга неразрывной хваткой, при этом каждый заботился о том, чтобы не упасть, и напоминали они скорей двух разъяренных медведей или же мощных быков, сражающихся на лугу. Вот уже стало видно, как по телу борцов заструился обильный пот, а жилы их рук и ног выглядели разбухшими и ба-фовыми от прихлынувшей крови, настолько каждый стремился одержать победу. Но никто из них не мог не только бросить на землю, но и даже сдвинуть противника с места, и тогда Уранио, опасаясь, как бы зрителям не прискучило ожидание, воскликнул: «Сильнейший и отважнейший Сельваджо, наше промедление, как ты можешь убедиться сам, слишком затянулось: либо ты оторви меня от земли, либо я тебя; остальное мы предоставим воле богов». Так сказавши, он приподнял его от земли. Но Сельваджо, не позабывший своих уловок, в это время нанес сильный удар пяткой под коленный сустав с тем расчетом, чтобы подогнулись его ноги, и он повалился бы навзничь; и Уранио действительно упал под ним, беспомощный. Между тем раздались крики удивленных

пастухов. И тогда пришел черед Сельваджо поднимать своего противника; он обеими руками обхватил его поперек груди, но из-за его большого веса и крайней натуги не смог удержать как должно, какие бы усилия к тому ни прилагал; и вот оба единоборца распластались в пыли. Напоследок они поднялись, в дурном расположении духа готовые начать третью схватку. Но Эргасто не хотел, чтобы их гнев заходил слишком далеко и, дружественно окликнув единоборцев, сказал им: «Неуместно сейчас так растрачивать ваши силы ради малой награды; победу присуждаю вам обоим в равной степени, и равноценные подарки получите вы». Сказав так, одному он подарил чудесный сосуд, а другому новую кифару, каждой струной гармонично звучащую, которой очень дорожил, ею утешаясь и смягчая свои душевные горести.

Случилось, что накануне ночью товарищам Эргасто была удача поймать волка, забравшегося в загон; ради праздника они оставили его в живых, привязав к стволу одного из деревьев неподалеку. Его приберегал Эргасто для последнего нынешне-

го состязания[347] и, обратившись к Клонику, всё еще не вставшему ни для какой из игр со своего места, сказал ему: «Ты так и оставишь сегодня без почести свою Массилию? Не хочешь ли в память о ней испробовать себя? Возьми-ка, пылкий юноша, свою пращу, да покажи другим, что и ты любишь своего Эргасто». С этими словами и ему и прочим он указал на привязанного хищника и примолвил: «Кто хочет, чтобы шапка или накидка из шкуры вон того волка защищала его от дождя и зимней сырости, пусть сейчас метким броском в цель из своей пращи себе сам стяжает награду». Тогда Клоник, Партенопей и Монтано, незадолго перед тем отличившийся в метании шеста, вместе с Фронимо стали распускать свои пращи, хлопая ими что есть мочи, а после тянули меж собой жребий; первая очередь выпала Монтано, вторая Фронимо, третья Клонику, четвертая Партенопею. И вот Монтано, с веселым видом

[347] Примечания: 347

...для *последнего нынешнего состязания...* и далее. — Состязание в метании из пращи соответствует описанию стрельбы из лука по живой мишени у Гомера (Илиада, XXIII, 850-884) и у Вергилия (Энеида, V, 485-524). Характерно, что голубку Саннадзаро заменил волком, существом изначально порочным, голубь же в христианской традиции — символ Бога-Духа, чего языческие поэты, разумеется, не могли принимать во внимание. Отметим, что у Стация, который, следуя эпической традиции, также вводит состязание лучников в конце шестой книги «Фиваиды», мишенью служит не голубка, а ясень (Данте, как известно, считал Стация тайным христианином).

вложив камень в сетку своей пращи, изо всех сил раскрутил ее над головой и сделал бросок. Камень, с пронзительным свистом рассекая воздух, помчался туда, куда был направлен; и, быть может, Монтано как в состязании с шестом, так и снова одержал бы победу, если бы не волк, который, напуганный раздавшимся шумом, сорвался с того места, где стоял, и отпрянул назад, так что камень пролетел мимо. Вслед за ним метал Фронимо, и хотя был взят хороший прицел в голову волку, удача ему не сопутствовала: камень попал в ближайшее дерево, отбив при этом порядочный кусок коры; испуганный страшным грохотом волк заметался на своей привязи. Клоник же счел нужным подождать, когда волк успокоится, и затем, как только увидел его присмиревшим, запустил свой камень, который полетел прямо в цель; но удар пришелся по веревке, на которой был привязан серый, и стал причиной того, что волк рванулся что есть духу, дабы высвободиться. Все пастухи, полагая, что удар пришелся в цель, стали кричать; а тот в это время, почувствовав себя свободным, пустился наутек со всех лап. Отчего Партенопей, державший свою пращу наготове, увидев, что волк рванулся к спасительному лесу, бывшему слева от него, призвал на

помощь всех пастушьих богов и с неимоверной силой метнул вдогонку камень, повернув волчью судьбу так, что, когда он уже почти добежал, удар настиг его в висок под левым ухом, лапы у него подкосились, и зверь в тот же миг рухнул наземь бездыханный. Каждый из зрителей был поражен увиденным, все в один голос объявили Партенопея победителем и, обернувшись к Опико, уже плачущему от радости, стали поздравлять его с сыновней блистательной победой. Сам Эргасто, с веселым видом подойдя к Партенопею, обнял его, затем увенчал прекрасным венком из тимьяна, а в качестве награды преподнес чудесного олененка, выросшего среди овечьих стад, привыкшего играть с собаками и бодаться с овнами, кроткого и милого всем без исключения пастухам. После Партенопея он присудил вторую нафаду Клонику, перебившему камнем волку привязь, дал он ему новую и красивую клетку, сделанную в форме башни, а в ту клетку была помещена сорока, обученная звать по имени и приветствовать пастухов, причем столь учтиво, что тот, кто не видел говорящей, а мог слышать только голос, был твердо убежден, то это говорит человек. Третья награда вручена была Фронимо, который поранил камнем дерево чуть выше вол-

чьей головы; это была сумка для хлеба, скроенная из мягчайшей шерсти различных оттенков. Монтано получил последнюю нафаду, несмотря на то, что ему выпал первый жребий. К нему Эргасто приятным тоном и как бы с полуулыбкой обратил такие речи: «Монтано, слишком была бы велика твоя удача ныне, если бы она и твоей праще споспешествовала так же, как шесту». И при сих словах снял он со своей шеи чудную тростниковую цевницу, сделанную всего лишь на два голоса, но обладавшую удивительной гармонией звучания, и протянул ее ему; он же принял дар, поблагодарив от души. Когда награды были распределены таким образом, у Эргасто остался еще изящнейший посох из дикой груши, весь изукрашенный резьбой, заполненной воском различных цветов, его навершие венчал черный рог буйвола, который так сверкал, что воистину можно было сказать, что он из стекла. Этот посох Эргасто подарил Опико[348], сказав ему: «И ты еще помнишь Массилию, и за твою

[348] Примечания: 348

...посох Эргасто подарил Опико... и далее. — Саннадзаро таким образом явно обыгрывает эпизод из Гомера, когда Ахиллес, раздавая награды на состязании, одну из них отдает Нестору как старейшему в войске в память о Патрокле. См. Илиада, XXIII, 616-625. Последовавший ответ Опико буквально соответствует ответу Нестора, см. ibid. 626-650. Также ср. Вергилий. Энеида, V, 394-400.

любовь к ней прими этот дар, ради которого тебе не нужна была ни борьба, ни бег, ни что-либо иное. Достаточно того, что сделал сегодня твой Партенопей, который и в беге был среди первых, и в метании из пращи, бесспорно, оказался лучшим. Радостный Опико воздал ему подобающую благодарность, ответив так: «Что ж, это преимущества старости, сын мой, и они столь велики, что волей или неволей мы вынуждены им подчиняться. О, сколько бы ты увидел в этот день моих побед, если бы я был в том возрасте и при тех же силах, как встарь, когда на могиле великого пастуха Панормиты[349] раздавали награды так же, как ты сегодня, когда никто, ни местные, ни чужеземцы не могли со мной сравниться. Там победил я в борьбе Кризальдо, сына Тиррено, длиной прыжка превзошел самого знаменитого Сильвио; и еще в беговом состязании оставил за спиной Идалого и Амето, которые были братьями и скоростью бега и резвостью ног превосходили всех прочих пастухов. Единственно в стрельбе из лука был я превзойден пастухом, которого звали

[349] Примечания: 349

...на могиле великого пастуха Панормиты... — Прозвище основателя Неаполитанской академии здесь упоминается, видимо, неслучайно. Еще старинные комментаторы выдвигали предположение, что свою «Аркадию» Саннадзаро представил прообразом академии.

Тирсис; а это произошло потому, что он, имея прочнейший лук, отделанный с обоих концов козьими рогами, в отличие от меня мог уверенно его сгибать, мой же был сделан из простого тиса и то и дело грозил переломиться. Так и вышло, что он меня победил. Прежде был я средь пастухов, прежде был я средь юнцов знаменит, теперь же время надо мной свершило свой приговор. А вы, пока вам еще позволяет возраст, испытывайте себя во всем, что пристало молодым; мне же годы и природа теперь прописали другие правила. Но чтобы этот праздник во всём подошел к своему завершению, возьми, сын мой, цевницу звучную и пусть та, кто дала тебе жизнь, возрадуется, порадуй ее сегодня своим пением; пусть с небес, где она пребывает, с просветленным ликом смотрит и внимает она тому, как ее священнослужитель чествует ее память».

Эргасто счел всё сказанное Опико вполне разумным и, не дав иного ответа, взял из рук Монтано ту самую цевницу, которую сам же ему подарил незадолго перед тем; огласив добрый простор жалобными звуками, убедившись, что все молчат и замерли в ожидании, не без некоторого вздоха исторг он из себя сии слова:

ЭКЛОГА 11[350]

ЭРГАСТО (ОДИН)

С тех пор как смолкли нежные канцоны,

И эти рощи сделались немы,

Начните, музы, плач свой похоронный.[351]

Тенистые священные холмы,

Пещеры, фоты полые, теснины,

Заплачьте, воя, как рыдаем мы.[352]

Заплачьте, буки дикие, осины,

---

[350] Примечания: 350

Эклога построена по принципу надгробного плача, траурной канцоны. Ее источником, особенно вначале, послужил «Плач о Бионе» древне греческого поэта Мосха.

[351] Примечания: 351

Начните, музы, плач свой похоронный. — См. рефрен первой идиллии Феокрита, 1,64 и след.: «Песни пастушьей запев запевайте вы, милые Музы!» Ср. Мосх. Плач о Бионе, 8 и след.: «Грустный начните напев, сицилийские Музы, начните!»

[352] Примечания: 352

Ср. Овидий. Метаморфозы, XI, 44-47: «Скорбные птицы, Орфей, зверей опечаленных толпы,/ твердые камни, леса, за тобой ходившие следом,/ Дерево, листья свои потеряв и поникнув главою,/ плакало все о тебе...» и далее. Также см. Клавдиан. Похищение Прозерпины, вступл. к книге

И, 1 и след., II, 244-245: «Скалы Тайгета тебя и Менал оплачет, ловитву/ презрев; долго скорбеть о тебе унылому Кинфу».

И пусть от вас узнает этот брег
О горьких тяготах людской судьбины.

Пусть льются слезы у прудов и рек
Нагих и мутных; пусть ручьям певучим
Остановить придется вечный бег.

О Эхо, ты живешь в лесу дремучем,
Прошу, чтоб голос грустный твой разнес
Всё, что на дубе вырежу могучем.

Поля-пустыни, не жалейте слез,
Земля, в свой плащ, цветами испещренный,
Вплети фиалок темных, черных роз.

Отъята ныне Смертью непреклонной
Эгерия и Манто, дочерь Фив.[353]
Начните, музы, плач свой похоронный.

Коль, берега, вы зрели, как в надрыв

---

[353] Примечания: 353

Отъята ныне Смертью непреклонной! Эгерия и Манто... Массилия сравнивается с двумя мифологическими пророчицами: Эгерия — мудрая нимфа, помощница и супруга латинского царя Нумы Помпилия, правившего следом за Ромулом; Манто — дочь Тирезия, прорицательница из города Фивы, легендарная основательница Мантуи.

Рыдают люди, то заплачьте с нами
Под сей свирели траурный мотив.

О травы, о цветы, что встарь царями
Родились, а сегодня злой судьбой
Разбросаны меж реками, прудами,[354]

Придите, умолите Смерть со мной,
Чтоб завершила дни моей юдоли,
Растрогавшись сей пламенной мольбой.

Плачь, Гиацинт; как ты носил дотоле
На лепестках старинный знак скорбей,[355]
Так повествуй и о пастушьей боли.

Вы, сочные луга, коль с давних дней

---

[354] Примечания: 354

О травы, о цветы, что встарь царями/родились... — Имеются в виду мифологические герои, превращенные в цветы и растения. См. примеч. 165.

[355] Примечания: 355

Плачь, Гиацинт; как ты носил дотоле/ на лепестках старинный знак скорбей... — Ср. Мосх. Плач о Бионе, 6-7: «Ныне на всех лепестках еще ярче «о горе, о горе!»/ ты, гиацинт, начертаешь — скончался певец наш прекрасный!». Когда юноша Гиацинт (см. примеч. к Прозе 10) был превращен в цветок, Аполлон «стоны свои на цветке начертал: начертано: «Ай-ай!»/ на лепестках у него, и явственны скорбные буквы». См. Овидий. Метаморфозы, XI, 214-217.

Вам памятна Нарциссова тоска,
Склонитесь к слезной жалобе моей.

На поле ни травинки, ни цветка,
Ни амаранта нет, ни анемоны,
Чтобы была окраска их ярка.

На славу уповать уж нет резона!
Вы, справедливость, верность — на погост.
Начните, музы, плач свой похоронный.

Пока летит мой стон и плач до звезд,
Веселые, влюбленные пичуги,
Прошу, слетайтесь из любимых гнезд.

О Филомела, в тягостном недуге
Ты издревле живешь, твой нежный глас
Разносится по гротам и округе;[356]

Коль плачешь, Прокна, искренне сейчас,
Коль, вместе с формой чувства не утра-

---

[356] Примечания: 356
Ср. Мосх. Плач о Бионе, 9-12: «Вы соловьи, что в вершинах густых рыдаете горько,/ вы сицилийским дубравам вблизи Аретузы снесите/ весть, что скончался Бион наш, пастух, и скажите, что вместе/ умерли с ним и напевы, погибла дорийская песня».

тя,[357]

Ты каешься в грехе который раз, —

Оставьте обе скорбные занятья
И вторьте мне, пока я не охрип,
Забудьте размышленья и проклятья.

Увы, зимой колючий сохнет шип,
А по весне бурлят в нем соки те же;
Цветок родится, где былой погиб.

Но лишь душа порвет земные мрежи,
Уж нам былую плоть не возвратят
Ни вёдро, ни гроза, ни ветер свежий.

И солнце каждый день на небоскат
Приводит свет, в ночи оно незримо,
Но утром вновь его увидит взгляд.

Блажен Орфей, что за своей любимой
Сошел спокойно в царство Персефо-

---

[357] Примечания: 357

...вместе с формой чувства не утратя... — Хотя Прокна утратила человеческий облик (превращена в ласточку), она должна сохранить человеческие чувства, способность сострадать, как когда-то чувство сострадания к Филомеле ее толкнуло на преступление. См. Овидий. Метаморфозы, VI, 412-674.

ны,[358]

Пред коим всякий задрожит, вестимо.

Миноса победитель, Тисифоны,
Владыку мертвых он смягчил игрой.
Начните, музы, плач свой похоронный.

Почто из деревяшки сей кривой
Не извлеку я звук такой чудесный,
Чтоб вымолить залог столь дорогой?

И пусть мой стих пока не столь известный,
Как у Орфея, всё же я б сумел
Растрогать состраданьем свод небесный.

Но коль она, презрев земной удел,
Побрезгует расстаться с горней сферой,
Я сам бы к ней взойти туда хотел.

Вотще мечты! О жребий жизни серой!
Не изменить предвечные законы

---

[358] Примечания: 358

Ср. Мосх. Плач о Бионе, 122-123: «Если б мог я/ в Тартар спуститься, как древле Орфей...»

Ни травами, ни магии химерой.

Чрез дверь слоновьей кости лик мадонны[359]

И глас в мой сон приходят иногда.
Начните, музы, плач свой похоронный.

Но небо не вернет мне никогда
Ту, без которой стал слепым я ныне,
Мне не сверкнет столь редкая звезда.

О ты, река, счастливая богиня,
На дно сзываешь всех своих наяд,
И чтится твой обычай, как святыня,

Воспой Сирену на бессмертный лад;
«То первая печаль, сие — вторая»,
Так на могиле пусть слова гласят.

Ты сделай так, чтобы труба иная
Ее воспела, чтобы слава ей
Звучала здесь от края и до края.

---

[359] Примечания: 359

Чрез дверь слоновьей кости... — См. Вергилий. Энеида, VI, 893-896: «Двое ворот открыты для снов: одни — роговые,/ в них вылетают легко правдивые только виденья;/ белые створы других изукрашены костью слоновой,/ маны, однако, из них только лживые сны высылают».

Коль не запнется бег твой от дождей,
Ты темный слог мой выправи вначале,
Чтоб состраданье он будил сильней.

И песня недостойная скрижалей
Пребудет на коре как на листе,
Полна любви, искусства же — едва ли,

Чтоб пастухи в душевной простоте
Прочли на грубых буках иль каштанах
О мудрости ее и чистоте,

Чтоб память всё росла в краях пространных
Из года в год о ней, пока трава
Здесь на земле, а звезды в горних странах.

Пещеры, звери, птицы, дерева
И боги будут славить восхищенно
Ее стихом, в котором мощь жива.

Я, чтоб достигнуть сферы небосклона,
Пастушеский оставлю грубый слог;
Начните, музы, плач свой похоронный.

Отныне стих не темен, не убог,

Возвышен будет, чтобы к светлой, чистой
Душе вознесся в горний он чертог.

Свет на меня прольет она лучистый
И жалостливый взор свой обратит,
Наставив на стезе меня тернистой.

Но если голос мой не долетит
В такую даль, всё ж есть мне извиненье:
Стих на пергаменте ее почтит.

Со временем вы будете в почтенье,
Святые музы; сумраки и хмарь
Исчезнут, и откроется прозренье.

Очистится тогда земная тварь
От темных побуждений непристойных,
В сердцах надежда обретет алтарь.

Мне чудится, стихов моих нестройных
Всё ж не отринут пастухи в лесах,
Скорей, похвалят как того достойных;

И многих, что не чтимы в наших днях,

Мы имена узрим на пьедестале
В пурпурных, желтых, розовых цветах.

Ручьи и реки, мчась в морские дали,
Зашепчут эту песню приглушенно
В своем подвижном, блещущем кристалле.

Деревья, чьи густы святые кроны,
Ее свистящим пропоют ветрам.
Кончайте, музы, плач свой похоронный.

Блажен пастух, что к этим высотам
Взлетит на крыльях из юдоли мира!
Свершится ли, никто не скажет нам.

Бессмертная душа, с высот эфира
Услышан буду, может быть, тобой
И удостоюсь лицезренья клира;

К тенистым лаврам обратись с мольбой,
Чтоб листвием своим вечнозеленым
Покрыли нас под сенью гробовой.[360]

---

[360] Примечания: 360
Парафраз сонета Петрарки. Ср. Книга песен, CCCV.

Пусть пенье птиц с ручьев прозрачных звоном
Смешается, сей дол преобразив,
Чтоб стал он благодатным, просветленным.

А я потщусь, пока на свете жив,
Тебя почтить, к чему душа стремится,
И Небеса не будут супротив;

Я верю, твоя слава не затмится
Тем вечным, тяжким, непробудным сном,
Что замыкает в тесной нас гробнице,
—

Стихи мои порукой будут в том.

ПРОЗА 12

Необыкновенная гармония, сладостные звуки, слова, вызывающие сострадание, и то последнее прекрасное и смелое обещание Эргасто смолкли уже, и сам он умолк, восхитив и умилив души слушателей, когда солнце начало опускаться за вершины гор, румяня багряными лучами западный край неба, и уже узнавался тот поздний час, когда нужно было возвращаться к своим стадам. Отчего и Опико, наш вождь, поднялся со своего места и, обратив приветливое лицо к Эргасто, сказал ему: «Уже довольно почета было воздано сегодня твоей матери; в будущем ты должен будешь сдержать то обещание, которое с такой благодушной волею давал в конце своей песни, и выполнишь его с неуклонным усердием и настойчивостью». Сказав так, он облобызал плиту гробницы и позвал нас последовать его примеру, отправившись в путь. Затем все пастухи один за другим стали прощаться, и каждый направился к своей хижине; Массилию считали счастливейшей из всех женщин, ибо оставила она после себя этим лесам столь прекрасный залог. Но со-

шла темная ночь[361], проникнутая жалостью к мирским трудам, и даровала покой животным; умиротворенные леса притихли, не слыша больше ни собачьего лая, ни криков разных зверей, ни щебетания птиц; листва на ветвях не шевелилась, не дышал ни один ветерок, и только на небе в безмятежной тишине можно было видеть звезды сверкающие или падающие.

В то время, не знаю, то ли от богатых впечатлений ушедшего дня, то ли по какой-то другой скрытой от меня причине, после долгих раздумий, снизошел на меня тяжелый сон, и душа ощутила гнет различных страстей и горестей. Так мне казалось, что я, изгнанный из этих лесов, от этих пастухов, обретаюсь в одиночестве меж пустынными гробницами и больше никого никогда не увижу, ни одной знакомой мне живой души, и что от страха я порываюсь кричать, но голос мне изменяет; я заставляю себя бежать, но даже шаги мне не даются и, побежденный слабостью, не могу я сдвинуться с места. После вообразилось мне, что я стою и слушаю некую Сирену, горько плачущую на утесе, и в это время морской вал меня накрывает с головой, так

[361] Примечания: 361

Но сошла темная ночь... — Описание прихода ночи ср. Вергилий. Энеида, IV, 122-127.

что не могу дышать, и кажется, еще немного, и я погибну. Наконец, роскошное апельсиновое дерево[362], выращенное мной с великой заботою, предстало мне вырванным с корнем, с ветвями, цветами и плодами, разбросанными по земле. И вопрошаю я, кто это сделал, а некая нимфа с плачем мне отвечает, что это дерево было срублено по жестокому приговору несправедливых Парок. От этого я премного огорчился и проговорил над обрубком возлюбленного древа: «Что же теперь даст мне желанный покой? под какою сенью я буду петь свои стихи?» И тогда вместо ответа на мои слова мне было указано на растущий в стороне черный могильный кипарис. И от такой жестокой тоски и удрученности, что овладели моим сердцем, не мог я больше выносить оковы этого сна и силою воли их разорвал. И посколь-

[362] Примечания: 362

...роскошное апельсиновое дерево... — Ср. Клавдиан. Похищение Прозерпины, III, 74-78: «Был к тому ж для нее любезнейший целыя рощи/ лавр, который чертог девический прежде стыдливой/ зелению осенял: его под корень ссеченным/ узрев и ветви его разметанны в прахе скверняшем,/ ищет открыта сей грех...»; Петрарка. Книга песен, CCCXXIII, 25-36: «В весенней роще, юный и ветвистый,/ мне лавр явился чистым райским древом,/ он расцветал, и под святой листвою/ ютился хор пичужек голосистый,/ всё чаровавший сладостным напевом,/ склонялся мир пред этой красотою./ Но вижу я, как тьмою/ покрылось небо, у грозы в неволе,/ и молния, сверкнув в просторе горнем,/ ударила и с корнем/ повергла лавр, и я в своей юдоли/ под сень его уже не вниду боле» (пер. мой. — Л.Т.).

ку ничего, что могло бы меня радовать, в моем сновидении не появлялось, и только страх и сомнения сон мог заронить в мое сердце, весь залившийся слезами, я не мог больше спать и, хотя еще была ночь, чтобы смягчить свои муки, я поднялся и вышел в поля, покрытые густым сумраком. И так, шаг за шагом, идя и не ведая, куда мне нужно направляться, я вверился Фортуне, которая привела меня к подножию горы, из-под которой выбивалась большая река с ошеломляющим гулом и ревом, особенно в такой час, когда не было слышно ни малейшего другого шума. Я стоял перед ней довольно долго и дождался, когда Аврора начала багрянить небеса, повсеместно пробуждая всё смертное для дневных трудов[363]. И когда я обратился к ней с кроткою мольбой, прося благоприятствовать моим снам, показалось мне, что она меня мало слушает и того менее заботится о моих словах. Но от ближайшей реки — без того, чтоб я увидел, каким образом это произошло, — в единый миг предста-

[363] Примечания: 363

Аврора начала багрянить небеса, повсеместно пробуждая всё смертное для дневных трудов. — Ср. Вергилий. Энеида, XI, 182-183: «Встала Аврора меж тем, и несчастным смертным явила/ благостный свет, и с собой принесла труды и заботы».

ла мне младая дева[364], обликом очаровательная, а жестами и поступью воистину божественная; была она одета в платье из тончайшего шелка, столь сверкающего, что, если бы я не видел его мягкости, я бы решил, что она вся из кристалла; поверх волос, уложенных невиданным образом, носила она зеленую гирлянду, а в руке держала мраморную урну[365] дивной красоты. Подойдя ко мне ближе, она рекла: «Следуй по моим стопам, ибо я Нимфа сей реки», сими словами вызвав во мне такое благоговение и страх одновременно, что, изумленный, не ответив ей и не в силах даже различить, бодрствую ли я или всё еще сплю, я двинулся за ней. И когда пришли мы с ней к берегу реки, тотчас же увидел я, как воды с той и с этой стороны сжимаются, давая место для про-

[364] Примечания: 364

...*младая дева*.. .-Нимфа реки, проводница автора-героя через подземное царство. Имел ли он в виду какую-либо реальную персону, либо это отвлеченный мифологический образ, неизвестно. Вспомним, что проводник Петрарки в «Триумфах» также остается неразгаданным.

[365] Примечания: 365

В *руке держала мраморную урну*... — Урна — непременный атрибут речных богов.

хода[366] посередине; это, действительно, странно было видеть, ужасно представить, чудовищно и, скорее, неправдоподобно слышать. Я стал колебаться, идти ли мне с ней дальше, и уже со страху застыл на берегу, но она благосклонно придала мне смелости, взяла за руку и с величайшей любовью предводительствовала мне, сопровождая к середине речного русла. Дальше я следовал за ней, не омочив ног, видя себя окруженным водами, не иначе как если бы шел по узкой равнине меж двумя стоящими напротив крутыми дамбами или двумя невысокими горами.

Наконец достигли мы того грота[367], откуда исходила вся эта речная влага, а затем другого, своды которого (как мне показалось) были целиком из шероховатой пемзы, в ее порах тут и там представали взгляду капли замороженных кристаллов, а внутри его стен, для украшения, помещались разнообразные морские ракушки; землю в этом гроте покрывал ковер из мелкой и

[366] Примечания: 366

...воды с той и с этой стороны сжимаются, давая место для прохода... — Ср. Вергилий. Георгики, IV, 359-360: «... и вот велит расступиться широко/ водам, чтоб юноша мог между ними пройти...» Возможно, здесь также аллюзия на Ветхий Завет.

[367] Примечания: 367

...достигли мы того грота... — Сходные описания пещер — см. Овидий. Фасты, И, 315; Вергилий. Георгики, IV, 374-375; Проперций. III, 3, 25 и след.

густой зелени, с обеих сторон были великолепные седалища и колонны из полупрозрачного стекла, поддерживающие невысокий свод. И там внутри на зеленых коврах увидели мы нескольких нимф, сестер моей провожатой, которые через белые тончайшие сита просеивали золото, отделяя его от мелкозернистого песка. Другие пряли, получая мягчайшую шерсть, которую вместе с шелком различных оттенков сплетали в полотно с удивительным искусством; но для меня изображенное там было несчастнейшим предвестьем грядущих слез. Поскольку, войдя в грот, я обнаружил, что между прочих рукодельных работ, бывших у них, содержалась и та, что изображала злосчастные происшествия с вызывающей жалость Эвридикой[368]: как в белоснежную пяту ужалил ее ядовитый аспид, и она испустила прекрасную душу; как затем, чтобы вызволить ее, спускался в преисподнюю и, вызволяя, потерял ее во второй раз забывчивый супруг. Увы мне, какое потрясение ощутил я в душе своей при виде этой картины, вспомнив свои недавние сны! Я сам не

[368] Примечания: 368

...изображала злосчастные происшествия с вызывающей жалость Эвридикой...-Ъ сходном контексте история Орфея и Эвридики рассказана Вергилием (см. Георгики, IV, 454 и след.), у него Саннадзаро позаимствовал большую часть своего видения.

понимал, что мне предвещало мое сердце и, хоть против воли моей, нашел я свои очи влажными от слез и, обнаружив, придал этому зловещий смысл. Но та Нимфа, что вела меня, быть может, из сострадания, извлекла меня оттуда, заставив пройти дальше, в место более просторное и широкое, где видно было множество озер, родников и пещер, заполненных водами, которые дают начало всем рекам, бегущим на поверхности земли. О, чудесное искусство великого Бога! Земля, мне представлявшаяся твердой, оказывается, заключает в своей утробе такие полости! И тогда я перестал удивляться тому, что реки настолько изобильны, что способны неизменно сохранять влагу на протяжении своего вечного течения. Так, совершенно изумленный и подавленный, продвигался я вперед под великое грохотание вод, осматриваясь вокруг себя и не без некоторого страха осознавая, в какой местности я нахожусь. Заметив это смущение, моя Нимфа мне сказала:

«Отбрось всякие мысли и прогони свой страх: не без воли небес ныне идешь ты таким путем[369]. Я хочу, чтобы ты увидел, где берут свое начало реки, названия которых ты слышал много

[369] Примечания: 369

... не без воли небес ныне идешь ты таким путем... — Цитата из Данте. См. Ад, VII, 10-11.

раз. Тот поток, который находится от нас дальше всех, это хладный Танаис; тот другой — великий Дунай; а этот — знаменитый Меандр; а еще другой — древний Пеней; ты видишь Каистр; видишь Ахелой; видишь счастливый Эврот, которому столько раз было дано слушать поющего Аполлона. И поскольку я знаю, что ты хотел бы увидеть свои реки, которые, по счастью, много ближе к тебе, нежели ты полагаешь, знай, что тот поток, которому все остальные воздают высшие почести, это триумфальный Тибр, в отличие от других увенчанный не ивой или тростником, а вечнозелеными лаврами, благодаря непрерывным победам его сыновей. Те два, что ближе всех к нему находятся, это — Лирис и Вольтурно, которые счастливо пересекают плодородные земли твоих предков».

Ее слова пробудили в душе моей столь жгучее желание, что я не мог больше хранить молчание и сказал ей так: «О верная моя водительница, о прекраснейшая Нимфа, если среди стольких великих рек и мой малый Себето может иметь какое-то значение, я прошу тебя, покажи мне его». И она в ответ: «Ты его увидишь отчетливо, когда мы к нему приблизимся, пока же его не можешь видеть из-за его низкого уровня». Она еще хотела

сказать мне что-то, но умолкла. При всём этом наши шаги не замедлялись, мы продолжали путь, преодолевая эту великую пустоту, которая иной раз сужалась до самой узкой теснины, а иногда расширялась до размеров широких и открытых равнин; где горы, где долины попадались нам, ничем не отличавшиеся от тех, что мы видим на поверхности земной.

«Ты бы удивился, — сказала Нимфа, — если бы услышал от меня, что сейчас над твоей головой находится море и что именно здесь влюбленный Алфей, не смешиваясь с ним, по тайному пути притек в сладостные объятия сицилийской Аретузы?» Разговаривая так, издалека мы начали различать большой огонь и почувствовали едкий запах серы. Видя меня остановившегося в изумлении, она сказала: «Страдания пораженных молнией гигантов, пытавшихся штурмовать небо — тому причина; они, придавленные тяжелейшими горами, всё еще выдыхают небесный огонь, которым были низвергнуты. Отсюда и происходит, что в то время как другие подземные пещеры изобилуют текучими водами, то эти пылают вечно живым огнем. И если бы я не опасалась, что это вызовет в тебе, быть может, сильнейший испуг, я бы тебе показала гордеца Энкелада, распростер-

того под великой Тринакрией и извергающего огонь из жерла Монджибелло; и подобным же образом пылающую кузню Вулкана, где нагие циклопы на звонких наковальнях выковывают громы Юпитеру; а после, под знаменитой Энарией, которую вы, смертные, именуете Искией, ты бы увидел яростного Тифея, от которого кипящие Байские воды, как и ваши серные горы, принимают свой жар. Также еще под великим Везувием я бы заставила тебя внимать ужасающему реву гиганта Алкионея; хотя уверена, что ты его услышишь, когда мы будем приближаться к твоему Себето. Было время, когда себе во вред великий его ощутили все окрестности, тогда бурным пламенем и пеплом покрылись все близлежащие края, как об этом до сей поры наглядно свидетельствуют расплавленные и сожженные камни. Кто бы мог поверить, что народы, виллы и славнейшие города погребены под ними? Как случилось в действительности, не только те места, что покрыты были раскаленной пемзой и обломками горы, но и те, что мы видим пред собою, и этот, без всякого сомнения, великолепный город, некогда в твоих землях называемый Помпеями и орошаемый водами студеного Сарно, в результате землетрясения был в одночасье по-

глощен землей, ушедшей из-под него, думается, как раз там, где был он основан. Воистину странный и страшный способ смерти, когда видишь, как живые люди в один миг исключаются из числа живых! Все приходят к единому концу, к смерти, и не властны пересечь ее пределы». Когда прозвучали эти слова, мы уже приближались к тому городу[370], о котором она говорила, и можно было почти отчетливо различать его башни, дома, театры и храмы. Меня удивляла быстрота нашего перемещения, ибо за столь короткий промежуток времени удалось нам добраться сюда из Аркадии; однако становилось очевидным, что нас толкала сила превыше человеческой. И вот мало-помалу стали мы различать волнистую зыбь Себето. Увидев радость на моем лице, Нимфа испустила глубокий вздох и, обра-тясь ко мне, вся исполненная жалости, сказала: «Теперь ты можешь идти один» и растаяла, не появляясь больше пред моими очами. И я остался в полном одиночестве, весь испуганный и печальный и, видя себя без провожатой, едва бы имел духу хоть

[370] Примечания: 370

... *приближались к тому городу..* .-Имеются в виду Помпеи, город, погибший в результате извержения Везувия, произошедшего 5 февраля 62 года н.э. Согласно замыслу автора, он сохранился в первозданном виде, уйдя под землю. Заметим, что много веков спустя после создания романа это отчасти подтвердилось раскопками.

двинуться с места, если бы пред очами моими не явился возлюбленный ручеек. Не в долгом времени приблизившись к нему, я пошел дальше, жаждущими глазами ища, не найду ли где исток, от коего он катит свои воды, ибо с каждым шагом мне казалось, что его течение ускоряется и достигает всё большей силы. Так, направляясь по тайному каналу, ходил я туда и сюда и наконец достиг одного фота, углубленного в жестком туфе, там я увидел сидящего на земле досточтимого бога[371], левым боком опиравшегося на каменную вазу, из которой лилась вода; к ней он примешивал весомой частью еще и ту влагу, что истекала у него с лица, волос и влажной бороды. Его одежды, казалось, были словно из зеленого ила; в деснице он держал тонкую камышину, на голове у него была корона, сплетенная из осоки и других трав, произрастающих в тех же водах. Вокруг него с беспорядочными причитаниями плакали нимфы, его товарки, они без чина и всякого достоинства падали наземь, не поднимая при этом скорбных лиц. Пораженный, смотрел я на то, что представало моим глазам. И теперь про себя я уже стал догадываться, по какой причине

[371] Примечания: 371

...досточтимого бога... — Т.е. бога реки Себето, описанного согласно античной традиции.

моя водительница оставила меня; но раз уж я был приведен сюда, то не решился повернуть назад и, не приняв никакого иного решения, удрученный и полный подозрений, склонился я, чтобы облобызать первым долгом землю, и после молвил такие слова: «О струящийся поток, о царь моего края, о усладный и любезный Себето, своими чистыми и прохладнейшими водами орошающий мою прекрасную родину, Бог да вознесет тебя! Бог да вознесет вас, о нимфы, благородная поросль вашего отца! Будьте, прошу вас, благосклонны к моему приходу, примите меня в ваших лесах милостиво и дружественно. Достаточно и того, что моя суровая Фортуна привела меня сюда через различные испытания; ныне же, примирившаяся со мной или насытившаяся моими трудами, пусть она сложит оружие».

Не успел еще я договорить это, как две нимфы из сего безутешного сонмища подошли ко мне с заплаканными лицами, так что я оказался между ними. Та, что держалась более уверенно, чем другая, взяла меня за руку и повела к выходу из пещеры, где малая речка разделялась на два потока, один из которых протекал по равнине, а другой струился тайным путем для пользы и украшения города. И здесь остановившись, она указала мне

путь, которым я по своему усмотрению могу отправиться. Затем, чтобы разъяснить мне, что она имела в виду, сказала: «Это та, которую ты сейчас, окруженный густой и тягостной дымкой, еще не можешь разглядеть; это прекрасная Нимфа, что омывает возлюбленное гнездо твоей единственной птицы Феникс[372], гнездо, которое ты столько раз влагою своих слез наполнишь до краев. Меня, кто сейчас говорит с тобой, найдешь ты в скором времени под склоном горы, где она покоится». И сказав сии слова, она превратилась в воду и заструилась по скрытому пути, исполнив то, о чем говорила.

Клянусь тебе, читатель[373], что благодаря той богине, на исходе моего сочинения оказавшей мне милость, даровав бессмертие моим писаниям, какими бы они ни были, я так возжаждал умереть, пребывая в этом месте, что любой способ смерти меня бы удовлетворил. И, негодуя на самого себя, проклинал я тот самый час, когда покинул

---

[372] Примечания: 372

...возлюбленное гнездо твоей единственной птицы Феникс... — Речь идет о Кармозине Бонифачо, возлюбленной и «музе» молодого Саннадзаро. Вернувшись на родину, герой узнает о ее смерти, однако об этом не говорится прямо, а предлагается узнать по ряду косвенных намеков.

[373] Примечания: 373

Клянусь тебе, читатель... — Ср. Данте. Ад, XVII, 127 и след.: «Но здесь молчать я не могу; стихами/ моей Комедии клянусь, о чтец...»

Аркадию, а временами тешил себя надеждой, что всё виденное и слышанное мной — сон; главным образом, не мог я для себя уяснить, чем являлась та подземная страна, где мне пришлось побывать. С такими размышлениями, скорбный и смущенный, растерянный и сломленный, сам не свой, вышел я наконец к желанной влаге источника. И как только она почувствовала мое приближение, начала сильно бурлить и клокотать больше обычного[374], словно мне хотела сказать: «Я та, которую ты незадолго перед тем видел». Посему я обернулся, направив взор одесную, и увидел уже упомянутый мной холм, знаменитый красотой высоких зданий, расположенных на нем, и названный именем того великого африканского пастуха[375], повелителя многочисленных стад,

---

[374] Примечания: 374

...начала сильно бурлить и клокотать больше обычного... — Аналогичная сцена см. Боккаччо. Филоколо, IV, 2: «...перед древним храмом был луг, покрытый травой, поблекшей от зимнего холода, на котором виделся чудесный источник... когда Филоколо, выйдя из храма, подошел к нему, он насладился созерцанием чистоты его влаги... и вдруг увидел, как воды вздулись и послышалось их *клокотание*, а спустя некоторое время клокотание превратилось в голос...»; ibid. V, 34: «.. .и здесь они вышли к прекрасному источнику... и Бьянкафьоре увидела, как в двух местах посередине воды забурлили».

[375] Примечания: 375

. *..великого африканского пастуха..* .-Имеется в виду великий римский полководец Сципион Старший Африканский см. примеч. к Линтерно[73]. Описание упомянутого места см. у Сенеки. Нравственные письма к Луцилию, LXXXVI, 1 и 4: «Я пишу тебе из усадьбы Сципиона Аф-

риканского.. .Я видел усадьбу, сложенную из прямоугольных глыб, стену, окружающую лес, башни, возведенные с обеих сторон усадьбы как защитные укрепленья, водохранилище, выкопанное под всеми постройками и посадками, так что запаса хватило бы хоть на целое войско; видел и баньку, тесную и темную, по обыкновению древних: ведь нашим предкам казалось, что нет тепла без темноты. Большим удовольствием было для меня созерцать нравы Сципиона и наши нравы...» и далее.

который в свое время будто второй Амфион[376] звуками сладостной свирели воздвиг вечные стены божественного города.

И возжелав идти дальше, встретил я волей случая у подножья невысокого склона Барчинио и Суммонцио, знаменитейших в наших рощах пастухов, которые из-за ветреной погоды вывели свои стада к теплому солнышку и, как можно было понять по их жестам, выказывали желание петь. Тогда мне, слух которого еще до сей поры был наполнен песнями Аркадии, захотелось послушать своих земляков и увидеть их подойдя поближе, так что я не счел непозволительным сделать привал; и к тому времени, столь бесполезно растраченному мною, еще прибавилась и эта краткая минута, эта маленькая остановка.

Там, неподалеку от них, прилег я на сочные травы. И моя отвага позволила мне наблюдать за ними, не будучи узнанным, настолько переменилась моя внешность, ведь за короткое время от перенесенной чрезмерной боли я утратил свой прежний облик. Но в этот час пришло мне на память их пение и то, в каких выражениях сожалели они о судьбе несчастного Мелизео, так что

---

[376] Примечания: 376

Амфион — легендарный основатель Фив в Беотии; стены города возводились сами собой под звуки его лиры.

мне больше всего теперь было угодно слушать их с должным вниманием не для того, чтобы сообщить им о слышанном на чужой земле или поставить их песни в один ряд с аркадскими, а дабы порадовать себя нашим небом; ибо не совсем опустошенным хотел я покинуть свои леса, которые благороднейшим пастухам в любое время года приносят щедрые плоды и из других стран привлекают к себе людей радушным приемом и материнской любовью. Тогда я без труда поверил, что некогда действительно обитала в этих местах Сирена, сладостным пением притягивающая к себе всех проходящих мимо.

Но впору возвратиться к нашим пастухам, когда Барчинио огласил добрый простор сладостными звуками своей свирели и начал говорить, обратившись лицом к своему товарищу; сидел он на камне, а тот стоял перед ним, готовый тщательным образом ему отвечать:

ЭКЛОГА 12[377]

БАРЧИНИО, СУММОНЦИО, МЕЛИЗЕО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО читает:

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

---

[377] Примечания: 377

Финальная эклога «Аркадии» является имитацией латинской пасторальной элегии Джованни Понтано «Мелизей», написанной им на смерть своей супруги Адрианы Лучии в 1490 году, когда, как мы знаем, Саннадзаро интенсивно работал над «Аркадией». Такое масштабное заимствование — долг памяти поэта своему старшему другу и учителю, скончавшемуся в 1503 году, когда была сочинена данная эклога. Риччьярделли сказал о ней следующее: «эту похоронную песнь любви можно было бы назвать... грандиозным гимном любви, возданным двумя реальными личностями» *(Ricciardelli 1966-p. 119).* Песнь исполняют пастухи Суммонцио и Барчинио, в образе которых представлены литераторы, друзья поэта. *Суммонцио* — Пьетро Суммонте (1463-1526), первый издатель «Аркадии», адресат ряда латинских эпиграмм Саннадзаро. *Барчинио* — Бенедетто Гарет (14507-1514), каталонский поэт и певец-импровизатор, упоминавшийся в романе под именем Каритео в Прозе 2. В образе Мелизео представлен сам Понтано, который в финале

эклоги как бы подводит итог всей «Аркадии». Эклога дает ключ к пониманию авторского замысла: тщетность и иллюзорность людского счастья, представленного в образе безмятежной аркадской жизни. Успешно проделав фантастический путь через подземное царство, автор в образе Синчеро надеялся освободиться на родине от горя неразделенной любви, а нашел новую, сильнейшую, скорбь. Известие о смерти возлюбленной подается ему через многие предзнаменования в Прозе 12, венцом которых является эклога неаполитанских пастухов. Счастливое окончание произведения опровергается минорным тоном эпилога. Композиционную структуру эклоги исследователь *(Gallart 2014, p. 463)* представляет трехчастной. Первая часть (стихи 1-60) — диалог пастухов, читающих на коре деревьев горестные строки Мелизео. Вторая (стихи 61-234) — поэтический плач Мелизео и его воздействие на окружающую природу. Третья (стихи 235-325) — дальнейший диалог развивает тему первой части, вводя дополнительные детали, среди которых превалирует тема поэзии и памяти. Звучит мотив примирения с судьбой в образе Парок и надежда на то, что природа сохранит память о Мелизео и Филлиде. Речи пастухов здесь придают повествованию динамику, лирические детали усиливают пафос страдания и тем самым подготавливают кульминацию: явление Мелизео, из уст которого звучит эпитафия умершей Филлиде.

В тексте оригинала содержатся многочисленные реминисценции и аллюзии на произведения Понтано, которые здесь мы не приводим. Подробно см. *Scherillo 1888, pp.292-309.*

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО читает на память некоторые стихи Мелизео:

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

СУММОНЦИО

БАРЧИНИО

МЕЛИЗЕО

Где я сижу, здесь Мелизео сетовал;
Он пел, на буке вырезав: «Несчастие,
Филлида умерла; я не последовал!»

Как жаль его! И что, к нему участия
Не проявили боги милостивые,
Не разлучили с жизнью горней власти-
ю?

Я небеса корю несправедливые;
Драконьим жалом, ядами гадючьими
Язвят мне сердце думы несчастливые,

Прочту на можжевельнике меж сучьями:[378]

«Ты, умерев, послала мне мучение», —
Нет скорби равной меж скорбями жгучими!

О, покажи ты это мне растение,
Чтоб я поплакал над бедой теперешней,
И в сердце не иссякнет удручение!

Их тысяча. Гляди, и ты поверишь мне,
На мушмуле под кроною ветвистою;
Но древо ломкое, ты с ним побережней.

«Уж не завьешь ты локоны златистые,
Уже с венком они не будут смешаны,
От слез моих кустистые и мшистые».

Вот, прочитай-ка на стволе орешины:
«Не убегай, Филлида, подожди меня,

---

[378] Примечания: 378

Чтение пастухами стихов, написанных на коре деревьев см. Кальпурний. I, 19-32: «О ρ н и т: Вот и под сень мы вошли, до которой добраться хотели./ Что это?! Видишь ли ты на буке священные строки,/ что процарапаны здесь ножом поспешным недавно.../ Коридон: Взгляд свой сюда обрати, прочесть ты способен быстрее/ эти стихи высоко на коре...» и след.

И как же без тебя я, не утешенный?»

«Филлида» — сладко мне при этом имени;
Поищем же другие начертания,
К другим древам нужда зовет пойти меня.

А здесь табличку, дар для поминания,
Смотри, повесил на сосну пригожую;
Мне влезь на плечи, обостри внимание.

Разуйся, посох свой сложи к подножию,
Суму и плащ; держась за ветвь зеленую,
Прочтешь ты надпись с прочими не схожую.

Препоны нет, я вижу надпись оную.
«Тебе сосну, Филлида, посвящаю я;
Здесь лук Дианин со стрелой каленою,

И в честь твою алтарь сей воздвигаю я;
Се чтимый храм, гробница величавая,
И о тебе здесь слезы проливаю я.

Сложу горою здесь цветы и травы я,
Но ты, вознесшись в дали эфемерные,
Не презри песнь, что пел тебе во славу я.

Склоняй к нам чаще взоры милосердные,
Здесь на стволе прочтешь ты стих почтительный:
— Филлиды древо я; склонитесь, смертные»

Что если прочь отбросит он стремительно
Свирель свою любимую, желанную,
Взяв обоюдоострый нож язвительный?

Не полетят ли стоны в даль пространную,
«Филли-Филлида!» не вскричат камышины,
Так что как будто слышно песню странную?[379]

---

[379] Примечания: 379
Ср. Вергилий. Экл. VI, 43-44: «"Где ты,/ Гилас" — кричат моряки, берега отзываются: "Гилас..."».

А коли в горних звуки те услышаны
Не будут вовсе? Жалостью наполнилась
Душа моя от речи сей возвышенной.

Потише, друг, хочу я, чтоб исполнилась
Другая песня, что была им сложена;
Но лишь начало мне пока припомнилось.

От слов столь сладких сердце растревожено,
Не терпится. Начни же песню звучную.
Всё вспомнишь, будь начало лишь положено.

«Что ж, Мелизео, смертью злополучною
Филлида отнята! Не узришь милую,
Ты тьмой объят и болью неотлучною.

О пастухи, вы над ее могилою
Сложили песнопение чудесное
И делите со мной тоску унылую.

Зовете, плакал с вами чтоб совместно я,

На всех одна печаль невыразимая,
И день и ночь рыдаю повсеместно я.

Здесь, на гранате, длань неутомимая,
На сливе чертит, на рябине-скромнице,
Сколь тяжка скорбь моя неповторимая.

Коль ствол надрежешь или сам надломится,
Сок выступит, что цветом схож со смолию,
И горесть, что во мне, тотчас припомнится.

И розы алыми не станут более
С тех пор как скрылось Солнце ясноликое,
И разлученный с ним крушусь от боли я.

Увянет разнотравие великое,
Протухнут рыбы меж песками донными,
В дубравах сих зверье повымрет дикое.

Коль станем под Везувия мы склонами,

Увидим что же? Кисти виноградные,
Плоды зачахнут, сделавшись зловонными.

Налягут тучи плотные, громадные
На оба горных пика; извержения,
Быть может, снова грянут беспощадные.

И кто оценит все опустошения,
О Мерджеллина, коли пеплы черные
Засыплют лавры свежие весенние?

Антиниана, дни настали вздорные,
Вот гибнет роща миртовая нежная:
Игольник на тебе да травы сорные!

О Низида (так Дорида мятежная
Еще не потрясала берега твои,
На Позилиппо так не шла, набежная!)
—

Где травы, молви мне, и где леса твои,
И кроликом, и зайцем населенные?
И что же, не порадуешь нас жатвою?

Что ж, пустоши узрю уединенные

И ручейки, что стали льдом от холода,

Где стрелы остужал Амор каленые?

О, сколько пастухов умрет от голода,

Чьи домы близ тебя, Себет, поставлены,

И узришь обезлюдевшие долы ты.

Тебя почтит сам Эридан прославленный,

Сам Тибр тебе промолвит: «соболезную»;

Твои наяды скорбны днесь, подавлены.

Смерть унесла пастушку разлюбезную,

Чей лик являла гладь твоя зеркальная,

Когда ты славу обретал небесную.

Скорей чреда времен пройдет печальная,

Забудут плуги, грабли, тяпки на поле,

Чем вновь ее узрит волна кристальная.

Несчастный, всё течешь, а не пора бы ли

Прервать свой бег и в пропасть рухнуть

в скорости,

Коль сиро ныне без нее в Неаполе?

Не предсказал ли, родина, я горести

В счастливый день от радости сияющий,

В написанной своей хвалебной повести?

Услышь, Вольтурн, и ты, Силара, я еще

Спою свое сказанье, так что скажете:

«Нет меры скорби, в сердце пребывающей».

Ни древ, ни скал нигде вы не укажете,

Где не прочли б «Филлида», с горем поровну

Вам, пастухи, рыдать, придя на пажити.

Хоть кто мотыжь или возьмись за борону,

Или за плуг — услышавши тоску мою,

Заплачет всяк и их отбросит в сторону.

Но часто к вам я обращаюсь думою,

Места, для сердца некогда приятные,

Не зная, где мне скрыть слезу угрюмую.

О Кумы, Байи, ванны благодатные,

Как слышу, что вас хвалят люди праздные,

Так в сердце дрожь и муки необъятные.

С тех пор как смерть взяла мою прекрасную,

Я донимаю твердь и высь кручиною,

Как матка, что зовет телка внапрасную.

Уже Аверна, Тритулы, Лукрина я

Не узрю боле; грезой увлекаемый,

Не побегу в ту скрытую долину я,

Где, может, след остался обожаемой

С тех пор как шаг сдержала средь цветов она,

Моим призывом грубым окликаема;

Быть может, будет снова очарована

Душа моя, увидев луг пестрящийся,

Где явится в цветах, как в царстве снов она.

Но как узрю я дымами курящийся
Вулкан, чреватый серой устрашающей,
Коль меркнет взор под влагою струящейся?

И всё же ярой влагой закипающей
Он брызжет в небо из громадной трещины,
Тяжелый запах чует обоняющий;

На нем я зрил небесный образ женщины,
Что услаждалась тем землетрясением,
Словам внимая, кои к ней возвещены.

Несчастный, я в слезах, объят смятением!
Любил живую, ныне сердце мается,
По следу умершей брожу с волнением.

Весь день мной чудный образ созерцается,
А в ночь зову ее, крича пронзительно,
И часто мнится, будто откликается.

Порою кажет дротик мне язвитель-

ный

В своих очах и говорит загадкою:

«Вот средство от скорбей, оно целительно».

Стою пред нею со слезой несладкою;

Рыдал бы аспид, ядами пропитанный, —

Такие стоны шлю я к ней украдкою.

Грифон, близ аримаспов древле виданный,

Столь не жесток, ведь сердце не кременное,

Чтоб, как она, исчезнуть неожиданно.

На левый локоть опершись, смятенно я

Смотрю, как светит солнце это жгучее,

И обращаю слово к ней мгновенное:

«Как бык, что обломал рога могучие,

Как вяз, лишенный повилик объятия,

Так без тебя я. Ах, не жил бы лучше я!»»

Возможно ль, чтобы на сердце печа-

тию
Лежала страсть жестокая, бесплодная,
От мертвого огня приняв зачатие?

Какой же зверь или скала холодная
Не ощутит в утробе содрогание,
Лишь зазвучит та песня благородная?

Когда берет он цитру, при звучании
И небо даже надвое расколется:
Любовь терзает, мучит сострадание.

«Филлида» — всюду здесь и там глаголется;
«Филлида» — камнем вторится и елию,
Никто иным напевом не доволится.

Скажи, хоть очи полны влагой велию,
Открылась ли темница беспросветная,
Где Парки предаются рукоделию?

«О Атропос, о Лахезис зловредная
И ты, Клото, — взывал он к ним в унылости, —

Пусть вырвется душа на волю бедная!»

Отары гибнут, от болотной гнилости
Муравы чахнут, рощи оголяются,
Поскольку Небеса не знают милости.

И лебеди и совы появляются,
Те стонут, эти ухают в ответ ему,
Когда он с жаворонком петь сбирается.

Затем взывает к солнцу он рассветному:
«Жестокое, к чему твое рождение?
Мне втуне свет твой, он не в радость бедному.

Ты всходишь, чтоб я вывел на пасение
Свои стада? Не мучь меня, я в трепете,
Во мне ты вызываешь отторжение.

Я от тебя стремглав бегу в вертепы те,
Где ночь царит; и тьмою очи застланы;
Лучи, меня вы только жжете, слепите.

Куда ни гляну, всюду мрак распластанный,

Мое светило озаряет край иной,

А здешний сумрак разогнать не властны мы.

Я словно бык, от зноя в тень утаенный,

Как жалкая лоза, опор лишенная,

Покинутый, крушусь тоской отчаянной.

Так плачу и стенаю нощно, дённо я.

«О Мелизео, — лира сокрушается, —

Не быть мне больше лавром оплетенною».

Вьюрки, дрозды меж тем ко мне слетаются,

И соловья я слышу трели близкие:

«Вам, мирты, травы, плакать полагается».

Вот со скалы вороны грают низкие:

«Днесь море скорбью дышит и обидою,

С ним Капри, Прочида, Мизен и Иския».

Я горлинку, что вскормлена Филлидою,

Увидел на ольхе сухой, которая
Уже не зацветет под злой планидою,

Стенала та: «Предвижу зиму скорую,
Где защититесь, где, телицы, ляжете,
Коль облысели горы словно хворые?»

При этом засмеяться можно, скажете?
И мнится, говорят быки мычанием:
«Ты тот, чей стон гнетет и высь, и пажити»».

По сей причине люд с великим тщанием
Внимает Мелизео: песни вечные
Растрогают и скалы состраданием.

О бук, простерший ветви безупречные,
Сочтешь ли, сколькими колеблем стонами,
Что словно ветры иль меха кузнечные?

И день и ночь, в душе запёчатлёнными,
Живу стихами Мелизео ныне я,
И хоть молчит он, всё ж пленяюсь оны-

ми.

Дабы доставить радость мне, Барчинио,
Их на коре древесной напиши же ты,
Чтоб их читать на дубе и на пинии.

О ветры, вы, что дерева колышете,
Несите песни чрез поля далекие,
Вы, Резина и Портичи, услышите.

Вот лавр взвалил на плечи он широкие
И молвит: «Лавр, склонись над сей могилою,
Пока тут сею мяту, артишоки я.

Велит мне небо, чтоб богиня милая
Была немолчно мною воспеваема,
Чтоб в сердце я навеки сохранил ее.

И будет слава та незабываема,
Пока живу, и пастухами близкими
Твоя могила будет почитаема.

С тосканскими расставшись, с Лигурийскими
Горами, деревень далеких жители

Придут и прах ее оплачут искренне.

Прочтут лишь надпись в скорбной сей обители,
И сердце будет холодом напоено,
И остро боль уколет посетителей:

«Филлида, как строга была со мной она,
А ныне здесь, безмолвная, смиренная,
Под камнем сим холодным упокоена!»»

Барчиньо мой, пока стихи почтенные
Под сводами читаешь ты древесными,
Со вздохом светит день на долы бренные.

Суммонцио, стволы я сими песнями
Здесь покрываю, чтобы без преград расти
Их славе между странами окрестными;

Тичино, Адда подивятся сладости
Тех песен, кои Мелизео сложены,
Филлида в горних возликует в радости;

И с Минция брегов пастух восторженный
Посадит лавр, чтоб помнили поэта мы,
Как помнить людям Титира положено.

С Филлидой в мире жить бы много лет ему,
С ней вечность провести б неизмеримую;
Но кто прочтет скрижаль Небес неведому?

Он часто здесь зовет свою любимую;
А днесь пред алтарем стоит в безмолвии
И фимиамом чтит невозвратимую.

Пусть, друг мой милый, у тебя ни молнии,
Ни град жестокий, ни ветра мятежные
Не тронут дома с закромами полными,

Ты плащ свой скинь на эти травы неж-

ные

И сбегай, призови скорее к нам его;

От Неба милость да познаем, грешные!

Нет, много легче, чем призвать упрямого

Из тайного его уединения,

Пойти самим к нему, послушать там его.

О, чтобы уловить живое пение,

Я б перечислил все его деяния.

Коль оплошаю, заслужу презрение.

Подняться надо, чтоб увидеть здание,

Там на холме живет отшельник благостный,

Сей пастырь, чей удел теперь — страдание.

Но дабы ветер не мешал нам тягостный,

Укроемся, давай под сень плодовую,

Взойти успеем мы на холм безрадостный.

Фортуна, доброй будь, а не суровою,
Тебе овечку жертвую; другую же —
Ветрам, чтоб хмарь не навели грозовую.

Мне смерти не желай, о ветр бушующий,
Но донеси-ка глас его возвышенный,
Пленяющий, хладящий и волнующий!

Да, он идет к нам, небом мы услышаны!
Звучит цевница сладостной молитвою,
Уйми-ка псов, а то ведь лают вишь они.

Филлида, на груди храню власы твои
И часто, часто взор к ним обращаю я,
Тоска тогда мне режет душу бритвою.

Их связываю часто, распускаю я
За прядью прядь, от слез пролитых волглую,
И осушив, со вздохом их скрываю я.

Я тешусь сирой, грубою эклогою,

Но если плач на Небе награждается,

И Смерть саму стенаньями растрогаю.

Филлида, плачу о тебе, красавица,

Мои стенанья мир весь растревожили.

Коль страсть благая Летой не смывается,

Прошу я, помни, как с тобой мы пожили.[380]

[380] Примечания: 380

В финале высказывается мысль о том, что память о земной любви пребывает в душах вопреки тому забвению, которое они должны обрести, испив из Леты. Таким образом, Любовь сильнее Смерти.

К СВИРЕЛИ

Вот и завершились труды твои, о сельская неотесанная свирель[381], по своей грубости достойная звучать у не столь ученого, сколь удачливого пастуха, который суть не я. Ты у губ моих и в руках моих недолго услаждала слух своей игрой, а теперь, как было угодно судьбам, принуждена к долгому молчанию, а может быть, и к вечному покою. Что же касается меня, то прежде чем мудрыми речениями и благой умеренностью сумел постичь я твою гармонию, по злой случайности, отнявшей тебя от губ моих, я выпустил в свет эти невежественные песни такими, какие они есть, а им скорей бы услаждать простых овечек в лесах, нежели ученых мужей в городах. Подобно мне поступает тот, кто ночными грабежами опустошает собственные сады, срывая нечестивой рукою незрелые плоды с отягченных ветвей, или дурной крестьянин, что из гнезд на высоких деревьях

[381] Примечания: 381

...о *сельская неотесанная свирель...* — Это обращение к свирели, символу пастушеской поэзии, эквивалентно традиционному напутствию поэтов к своей книге, свитку, а также посылке канцоны.

вынимает еще не оперившихся птенцов[382], боясь, чтобы змеи или пастухи их не потревожили. На том и прошу тебя, и, сколько могу, предостерегаю: довольствуйся своей простоватостью и оставайся в местах уединенных[383]. Тебе не подобает искать ни в роскошных дворцах государей, ни на величественных стогнах громких рукоплесканий, сомнительных почестей, суетной славы, пустейшей лести, обманчивых соблазнов, глупого и неприкрытого заискивания подлой черни. Да и твой слабый голос затерялся бы там, меж устрашающих букцин и королевских труб. Довольно с тебя и того, что в сих горах дмишься ты от уст какого-нибудь пастуха, заставляя внемлющие леса отзываться на имя твоей госпожи, и горестно оплакиваешь несчастную и преждевременную участь ее ранней смерти, коя есть первейшая причина моих непрестанных слез и той скорбной, безутешной жизни, кою влачу; если то можно назвать жизнью, когда погребен

[382] Примечания: 382

[Селянин] *вынимает еще не оперившихся птенцов*...-См. Вергилий. Георгики, IV, 511-513: «Так Филомела, одна, в тени тополевой тоскуя,/ стонет, утратив птенцов, из гнезда селянином жестоким/ вынутых вдруг, бесперых еще...»

[383] Примечания: 383

...*оставайся в местах уединенных*.. .-Ср. Петрарка. Книга песен. CXXV, 79-81: «Как ты груба, лесная песнь моя!/Для твоего же блага/ останься здесь [in questi boschi — в этих лесах.. — *A.T.J,* бедняга» (пер. Е. Солоновича).

под великим скопищем невзгод.

Так плачь же, злосчастная; плачь, ибо есть к тому верный повод. Плачь, безутешная вдовица[384]; плачь, несчастливая покинутая цевница, лишенная самого дорогого, что Небо даровало тебе. Не прекращай плакать и сетовать на свои жесточайшие невзгоды, пока для тебя остаётся хоть один тростник в этом лесу; неустанно воссылай свои пени, что станут утешением в твоем горестном и плачевном существовании. И если случится, что некий пастух захочет сыграть на тебе что-нибудь веселое, ты прежде дай понять, что ничего другого не знаешь, кроме слез и вздохов, и затем, когда долгим опытом и по вернейшим признакам он убедится, что так оно и есть, отвечай непрерывно на его выдохи своим скорбным и жалостным звучанием[385]; и тогда он из опасения претить своим радостям будет вынужден отлучить тебя от уст своих и оставит тебя в покое,

---

[384] Примечания: 384

Плачь, безутешная вдовица... — Ср. Петрарка. Книга песен. CCLXVIII, 78-82: «Беги, канцона, мест,/ где песни, смех, и зелень, и прохлада:/ дар слез тебе отрада;/ тебе ли быть, где юность веселится,/ в одеждах черных скорбная вдовица?» (Пер. Ю. Верховского).

[385] Примечания: 385

.. .отвечай непрерывно на его выдохи своим скорбным и жалостным звучанием... — Ср. Клавдиан. Похищение Прозерпины, III, 130-131: «Дхнути в самшит захочу — в нем плачи стенут погребальны,/ грянуть в тимпан — мне горьким тимпан отзовется биеньем».

повесив на дерево, на котором ныне я со стонами и обильнейшими слезами посвящаю тебя памяти той, что была до конца предметом моих сочинений[386], внезапная кончина которой лишила возможности меня сочинять, а тебя звучать.

Наши Музы умерли; зачахли наши лавры; сокрушен наш Парнас; рощи сделались немы, а долы и горы от тоски оглохли. Не встретим мы больше нимф и сатиров в лесах; у пастухов отпала охота к пению; стада их в разброде пасутся на лугах, грязными ногами продерзостно мутят прозрачные источники и, видя нехватку молока, не утруждают себя более кормить им детенышей. Также и дикие звери покинули свои привычные логовища; птицы улетели с насиженных гнезд; жесткие и бесчувственные деревья, не дожидаясь должной зрелости своих плодов, посбрасывали их наземь; нежные цветы в погрустневших полях все разом завяли. Несчастные пчелы оставили погибать в своих сотах недоработанный мед. Всё пошло прахом, все надежды не сбылись, всякое утешение мертво.

---

[386] Примечания: 386

...посвящаю тебя памяти той, что была до конца предметом моих сочинений... — Ср. Боккаччо. Амето, L: «Пусть же примет сей фимиам богиня, подавшая мне помощь в трудах; а заслуженный венец да увенчает чело той прекрасной, что подвигла меня взять в руки перо».

Не осталось тебе ничего иного, свирель моя, кроме как сокрушаться и денно, и нощно, с упорной непреклонностью изнурять себя тоской. Что ж, тоскуй, скорбнейшая, пеняй ненасытной смерти, глухим небесам, жестоким звездам на свой тягчайший жребий. И ежели ветер, пробегающий среди ветвей, по случайности вдохнет в тебя некий дух, не отзывайся иначе как криком, насколько хватит тебе дыхания. Не твоя забота, если кто-то, быть может, привык слушать более изысканную музыку и в презрительной манере станет потешаться над твоей посредственностью, или же обзовет тебя грубою, ибо воистину, как я полагаю, это тебе будет самая подобающая хвала, дабы ты из лесов и тех мест, где надлежит тебе пребывать, не отлучалась. Инде еще ведомо мне, что не убудет и тех, кто тонким суждением будет оценивать твои слова; скажут они тебе, что в некоих местах не как должно блюдутся законы пастушьи и что не подобает кому-то выходить за положенные ему пределы. Оным, смиренно признавая свою вину, ответишь, что не сыскать нигде такого оратая, искушенного в пахоте, чтобы тот мог пообещать всегда вести борозды только прямо и никак иначе. И всё же тебе немалым оправданием будет то, что в оном веке

первая ты пробудила спящие леса[387] и научила пастухов пению уже забытых ими песен. Тем паче что тот, кто соорудил тебя из сих тростинок, посетил Аркадию не как пастух-деревенщина, а как благовоспитаннейший молодой человек, пусть и был безвестным пилигримом Любви, направляющей его. В прежние же времена средь пастухов обретались столь смелые, что отваживались доносить свои творения до слуха великих римских консулов, под сенью коих сможешь ты, свирель моя, надежно укрыться и решительно защитить свою правоту. Но возможно, судьба пошлет тебе и такого, кто по природе своей будет более других великодушен, и он с состраданием внимет тебе, проронив какую-никакую дружескую слезинку; за него воспош-ли тотчас же молитву Господу, чтобы счастье не покидало его, а эти наши злоключения миновали бы его стороной. Ибо несомненно, что тот, кто проявляет участие к чужим невзгодам, припомнит и свои собственные. Но я сомневаюсь, что они будут столь же редки, как белые вороны; напротив, в изобилии и куда в большем числе их встретим

[387] Примечания: 387

.. *.в оном веке первая ты пробудила спящие леса...* — Саннадзаро здесь говорит, что его книга призвана продолжать античную традицию буколики и является прямой наследницей Феокрита и Вергилия.

в толпе недоброжелателей. А супротив оных не мыслю, каким оружием снабдить тебя я смогу, кроме как сердечно просить тебя проявить сколько можно смирения, терпеливо перенося все удары, что на тебя от них посыплются. Хотя мне кажется очевидным, что нужды в таких трудах у тебя не возникнет, ибо ты леса избрала себе местом обитания, согласно моих велений, и тайно, и без роскошеств. Кто не возвышается, не боится пасть; кто падает на ровном месте, хоть редко сие случается, тот может подняться, легко опершись на свою руку, без какого-либо вреда для себя. И потому истинно и с уверенностью могу сказать я тебе, что тот живет лучше и покойнее, кто подальше и по-надежней укроется от суетной толпы; и тот меж смертных будет с большим правом считаться блаженным, кто, не завидуя чужому величию, со смиренной душою остается доволен своей судьбой.

КОНЕЦ АРКАДИИ

КОММЕНТАРИИ

Перевод и справочный аппарат подготовлены по изд., принятому нами как базовое: *Scherillo 1888.* Учитывались комментарии по изд. *Portirelli 1826.*

Текст в *Scherillo 1888* приводится в старинной орфографии. При его переводе осуществлялась сверка с орфографией, приближенной к современной по изд. *Маиго 1961.* Ссылки на источники нами опускаются в том случае, если в переводе не удалось отобразить соответствующее заимствование (как правило, в эклогах). Краткие пояснения мифологических имен, географических и астрономических названий приводятся в Указателе и в раздел комментариев не включены, за исключением случаев, когда они требуют дополнительных объяснений, либо содержатся в тексте романа в качестве намека или перифраза. Нумерация строк прозы, присутствующая в *Scherillo 1888* нами опущена; ссылка на соответствующий комментарий в тексте дается арабской цифрой с верхним индексом. Арабские цифры в комментариях к эклогам означают соответству-

ющий номер стиха.

Источники ссылок и цитат

Арат Солийский. Явления /Пер. К. Богданова. СПб.: Алетейя, 2000.

Аристотель. Жизнь животных / Пер. В. Карпова. М.: Издательский центр РГТУ, 1996.

Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт / Пер. В. Чемберджи. Античный роман. М.: Худ. лит., 2001. С. 5-164.

Боккаччо Джованни. Амето. Пер. Г. Муравьевой и А. Эппеля // Малые произведения. Л.: Худ. лит., 1975. Фьямметта. Пер. М. Кузмина. Там же. Фьезоланские нимфы. Пер. Ю. Верховского. Там же. Ворон. Пер. Н. Фарфель (цитируется также и в нашем пер.) Там же. Филостратп^://Ьоссасао.1еиегаШгаор^ filostrato.html. Пер. наш. Филоколо. http://boccaccio.letteraturaoperaornnia.org/boccaccio_ filocolo.html. Пер. наш. Декамерон / Пер. А. Веселовского. М.: ГИХЛ, 1955.

Боэций. Утешение философией и другие трактаты / Пер. В. Уколовой и М. Цейтлина. М.: Наука, 1990.

Вергилий Публий Марон. Буколики (Экл. 1-Х) / Пер. Г. Стариковского. Торонто: АЕ-TERNA, 2012. Георгики. Пер. С. Шервинского// Буколики. Геор-

гики. Энеида. М.: Худ. лит., 1979.

Энеида. Пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского // Там же. Комар. Пер. С. Шервинского // Там же. Завтрак. Пер. С. Ошерова // Там же.

Гесиод. Работы и дни. Пер. В. Вересаева // Эллинские поэты. М.: ГИХЛ, 1963.

Гомер. Илиада / Пер. Н. Гнедича. СПб.: Наука, 2008 (Серия «Лит. Памятники»).

Гораций Квинт Флакк. Сочинения. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Худ. лит., 1979. Пер. оговорены в тексте. Ода. III, 10. Поэзия 1986: Альманах. Вып. 45. М., 1986. С. 182.

Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад. Чистилище. Рай / Пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967 («Лит. Памятники»). Пир. Пер. А. Габричевского и И. Голенищева-Кутузова // Малые произведения. М.: Наука, 1968 («Лит. Памятники»). Новая жизнь / Пер. А. Эфроса. М.: Худ. лит., 1965. *Кальпурний* Тит Сикул. Буколики / Пер. под ред. А. Подосинова. М.: Импэто, 2016.

Катулл. Лирика / Пер. М. Амелина. М.: Время, 2005 («Триумфы»). *Квинт Смирнский.* После Гомера / Пер. А. Большакова. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. *Клавдиан* Клавдий. Похищение Прозерпины. Пер. Р. Шмаракова // Полное собрание латинских сочинений. СПб.: СПбГУ, 2008.

Ливии Тит. История Рима от основания города / Ред. пер. М. Гаспарова и Г. Кнабе. Т.1-3. М.: Наука, 1994 («Памятники исторической мысли»).

Лонг. Дафнис и Хлоя. Пер. С. Кондратьева. М.: Худ. лит., 1964. *Мосх.* Идиллии. Пер. М. Грабарь-Пассек. См. Феокрит.

Немесиан. Эклога I. http://www.thelatinlibrary.com/nemesianusl.html. Пер. на русский язык нет. Эклога П. Пер. Ф. Петровского // Поздняя латинская поэзия. М.: Худ. Лит., 1982.

Овидий Публий Назон. Метаморфозы / Пер. С. Шервинского. М.: Худ. Лит., 1977. Фасты. Пер. Ф. Петровского // Элегии и малые поэмы. М.: Худ. Лит., 1973. Героиды. Пер. С. Ошерова // Там же. *Персии.* Сатиры. Пер. Ф. Петровского // Римская сатира. М.: Худ. Лит., 1989.

Петрарка Франческо. Книга песен. Стихи, Сонеты. Размышления. М.: РИПОЛ Классик, 1999. Пер. оговорены в тексте. Canzoniere. http://www.lib.ru/POEZIQ/PETRARKA/canconiere. txtjwith-big-pictures.html. Пер. Наш. Триумфы / Пер. В. Микушевича. М.: Время, 2000 («Триумфы»).

Полициано Анджело. Сказание об Орфее / Пер. С. Шервинского. М-Л.: Academia, 1933. Стансы на турнир. Пер. наш // Лоренцо Медичи и поэты его

круга. М.: Водолей, 2013.

Проперций Секст. Элегии. Пер. Л. Остроумова // Катулл. Тибулл. Проперций. М.: ГИХЛ, 1963.

Плиний Старший. Естественная История. Pliny. Natural History, Vol. 1-10. Loeb Classical Library, 1938-1963. Translated by H. Rackham. Пер. на русский язык нет.

Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Пер. С. Ошерова. М.: Наука, 1993 («Лит. Памятники»).

Стаций Публий Папиний. Фиваида / Пер. Ю. Шичалина. М.: Наука, 1991 («Лит. Памятники»). Сильвы. III, 5. Пер. Т. Александровой // Поэты имперского Рима. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 48-79.

Тассо Торквато. Аминта / Пер. М. Столярова и М. Эйхенгольца. М.-Л.: Academia, 1937.

Теренций Публий Афр. Комедии / Пер. А. Артюшкова. М.-Л.: Academia, 1934.

Тибулл Альбий. Элегии. Пер. Л. Остроумов // См. Проперций.

Феокрит. Идиллии. Пер. М. Грабарь-Пассек // Феокрит. Мосх. Бион. М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1958 («Лит. Памятники»).

Указатель[388]

Аверн, озеро в Кампании, близ Неаполя. Пещеры Аверна считались одним из входов в Преисподнюю. Экл.12

Авзония, поэтическое название Италии. Пр.7

Аврора (миф.) богиня, олицетворение утренней зари. Пр.5, Пр.И, Пр.12

Адда, река на севере Италии, приток По. Экл.12

Адмет (миф.) царь городов Феры и Периклимены. Его стада в течение года в наказание за убийство циклопов пас бог Аполлон. Пр.3

Адонис (миф.), охотник, возлюбленный Афродиты (Венеры). Погиб от клыков вепря и превращен в цветок анемон. Пр. 10

Адр, кличка собаки, означ. *«крепкий», «сильный».* Экл.2

Алексис, юный пастух, персонаж II эклоги «Буколик» Вергилия. Пр.Ю

Алкионей (миф.), один из гигантов, сражавшихся против олимпийских богов. Пр.12

Алфей, река и бог, влюбленный в Аретузу (см.)

---

[388] Примечания: 388

В аннотированный указатель включены все имена собственные, топонимы и названия небесных тел, упомянутые в тексте романа.

Пр.12

Алфесибей, пастух, персонаж VIII эклоги «Буколик» Вергилия. Пр.Ю, Экл.Ю

Альфонс Арагонский, Альфонсо V Великодушный (1396-1458), король Неаполя с 1435 г. Пр.7

Амаранта, пастушка, возлюбленная Галичо (см.). Ее имя означ. цветок одноименного растения. Экл.3, Пр.4, Экл.9

Амариллис (Амариллида), пастушка, персонаж III Идиллии Феокрита, I и VIII эклог «Буколик» Вергилия. Пр.Ю

Амендола, пастушка; ее имя означ. «миндалевое дерево». Экл.8

Аметo, побежден в беговом состязании Опико (см.). Пр.И

Амор, итальянский вариант имени Амура, бога любви, чаще выступает как ее олицетворение. Пр.7, Экл.Ю, Экл.12

Амфион (миф.), царь Беотийских Фив, воздвигавший стены этого города с помощью игры на кифаре. Пр.12

Амфриз, река в Фессалии, у которой Аполлон в образе пастуха пас стада Адмета (см.) Экл.Ю

Андроджео, пастух, смерть которого оплакивает Эргасто (см.). Пр.5, Экл.5.

Антиншна, гора близ Неаполя, на которой рас-

полагалась роскошная вилла поэта Понтано (см.) Нимфа с таким именем воспета в его латинских стихах. Экл.10, Экл.12

Аполлон (миф.), бог солнца, искусства и поэзии, некоторое время носил обличье пастуха. Прол., Пр.1, Пр.3, Пр.5, Экл.8, Пр.10

Арахна (миф.), искусная ткачиха. Вызвала на состязание в ткачестве саму Афину. Прогневив богиню, она повесилась и была превращена в паука. В «Аркадии» Саннадзаро в честь нее названа сеть для ловли птиц. Пр.8

Аргус (миф.), многоокий великан, страж превращенной в корову Ио. Усыплен игрой на флейте и убит Гермесом (Меркурием). Пр.3

Аретуза (миф.), нимфа-охотница. Спасаясь бегством от влюбленного в нее бога Алфея (см.), превратилась в реку. Ее имя носит источник в Сиракузах. Пр.10, Пр.12

аримаспы (миф.), народ на крайнем северо-востоке древнего мира, упоминаемый у Геродота как «одноглазые». Экл.12

Аркадия, историческая область в Греции на Пелопоннесе, счастливая страна пастухов. Пр.1, Пр.3, Пр.4, Пр.6, Пр.7, Пр.10, Экл.10, Пр.12, К свирели

Арктур, самая яркая звезда в созвездии Воло-

паса. Экл.10

Астерион, пес пастуха Эргасто; назван так в честь одноименного миф. персонажа. Пр.Н

Атропос (миф.), одна из *Парок* (см.) Экл.12

Африканец, Публий Корнелий Сципион Африканский (Старший), 235-183 г. до н.э., великий древнеримский полководец и политический деятель. Пр.7

Ахелой, река в Др.Греции, протекает на территории современной Болгарии. Пр.12

Аякс (миф.), сын Теламона, царь Саламина, участник Троянской войны. Рассчитывал получить доспехи павшего Ахилла, но когда их присудили Одиссею, обезумел и покончил с собой. Из его крови вырос алый цветок, на лепестках которого начертаны буквы — «жалобы отрока в них сливаются с именем мужа». (Овидий, «Метаморфозы», ХШ, 390-396). Пр.10

Байи, курорт близ Неаполя, славившийся еще со времен античности. Экл.10, Пр.И, Пр.12, Экл.12

Барчинио, неаполитанский пастух. Под этим именем выведен Бенедетто Гарет (14507-1514), каталонский поэт и певец-импровизатор. Пр.12, Экл.12

Батт (миф.), пастух; будучи единственным очевидцем кражи Меркурием коров у Аполлона,

был превращен Меркурием в камень. Пр.3

Ьоот, античное название созвездия Волопаса. Экл.10

Вакх (миф.), бог вина и виноделия. Пр.5, Экл.9, Экл.10, Пр.Н

Василиск (миф.), чудовище, способное убивать взглядом. Экл.2

Везувий, вулкан. Экл.10, Пр.Н, Пр.12, Экл.12

Венера (миф.), богиня любви. Пр.3, Экл.6, Пр.9

Вертумн (миф.), римский бог времен года и их даров, супруг Помоны (см.) Экл.10

Весы, зодиакальное созвездие. Экл.10

Владислав I Дураццо (1377-1414), король Неаполя с 1386 г. Пр.7

Вольтурно, река на юге Италии. Пр.7, Пр.12

Вулкан (миф.), бог огня и кузнечного ремесла, муж Венеры. Пр.12

Гамадриады (миф.), нимфы деревьев. Считается, что гамадриада умирает, если ее дерево засохнет или будет срублено. Пр.8, Экл.8

Галичо, пастух; по одной версии его имя означ. «петушиная песнь», по другой — «выходец из Галисии». Влюблен в Амаранту (см.); поет в ее честь канцону; участвует в беговом состязании пастухов. Пр3., Экл.3, Пр.4, Экл.9, Пр.Н

Галл Гай Корнелий (69/68-27/26 г. до н.э.), древ-

неримский политический и военный деятель, поэт-элегик, воспевавший свою любовь к Ликориде; адресат X эклоги «Буколик» Вергилия. Пр. 10

Геката (миф.), трехликая богиня колдовства, повелительница мрака и чудовищ. Пр.10

Гелика, созвездие Большой Медведицы, названное так по имени дочери Ликаона, превратившейся в него. Экл.10

Гений (миф.), тайный дух-хранитель человека. Экл.8

Геркулес (миф.), сын Юпитера и Алкмены, великий герой. Пр.1

Гесперия, античное название Италии, иногда Испании. Экл.10

Гиады, скопление звезд в созвездии Тельца. Пр.9

Гиацинт (миф.), юноша, любимец Аполлона; случайно убит им во время метания диска и превращен в цветок. Пр.10, Экл.И

гиганты (миф.), сыновья Земли и Неба, сражались против олимпийских богов на Флегрейских полях (см.) Экл.1, Пр.12

Дамет, пастух, персонаж III эклоги «Буколик» Вергилия. Прол.

Дамон, пастух, соперник Алфесибея (см.) в VIII эклоге «Буколик» Вергилия. Пр.10

Дафна (миф.), нимфа; спасаясь от преследования влюбленного в нее Аполлона, была превращена в лавр. Экл.5, Пр.10

Дафнис (миф.), пастух, персонаж античной буколики, прежде всего, идиллий Феокрита и романа Лонга «Дафнис и Хлоя». Экл.10

Дева, зодиакальное созвездие. Экл.10

Делил, одно из имен богини Дианы по названию места ее рождения, острова Делос. Экл.9

Диана (миф.), богиня луны и охоты, вечная девственница. Пр.3, Пр.8, Пр.9, Экл.9, Экл.10, Экл.12

Дорида (миф.), дочь Океана, жена Нерея. В романе ее имя — ан-тономасия моря (замена нарицательного имени собственным). Экл.10

Дриады, лесные нимфы. Экл.3, Пр.8, Экл.10

Дунай, река. Пр.12

Евгений, пастух; имя означ. «благородный». Аккомпанирует Галичо при пении третьей эклоги; вместе с Клоником исполняет восьмую эклогу; участвует в соревновании по метанию шеста. Пр.3, Пр.8, Экл.8, Экл.9, Пр.11

Земля, планета. Пр. 10

Зефир, западный ветер, а также мифологическая персонификация ветра, сын Авроры. Пр. 10, Экл.9

Идалого, побежден Опико в беговом состяза-

нии. Пр.11

Испания. Пр.7.

Иския, Искья. Остров в Тирренском море у входа в Неаполитанский залив. Пр.12, Экл.12

Италия. Пр.7

Ифис (миф.), кипрский юноша; из-за жестокости своей возлюбленной Анаксареты повесился на косяке ее двери. Экл.8

Каистр, река в др. *Лидии* (Малая Азия), на которой располагался город Эфес. Ныне — Малый Мендерес на территории Турции. Пр.12

Как, или *Какус* (миф.), имя означ. «уродливый». Сын бога Вулкана, великан, людоед. Убит Геркулесом за то, что похитил у него стадо. Экл.6, Экл.9

Капри, остров в Тирренском море, популярный курорт. Экл.12

Караньоло Тристан (ок.1439 — ок. 1517), неаполитанский гуманист, историк, друг Я. Саннадзаро. Экл.10, Пр.11

Карино, пастух. Его имя образовано от греч. слова «милость». Разыскивает корову, отбившуюся от стада; беседует с Опико; вызывает на откровенность Саннадзаро-Синчеро; рассказывает историю своей любви; принимает участие в беговом состязании. Пр.6, Пр.7, Пр.8, Пр.11

Каритео, пастух, выходец из Испании; резьбою

его работы украшен посох, который Синчеро обещает Монтано в награду за песню. Имя означ. «угодный богу», его прототип — Бенедетто Гарет (см.Барчинио). Пр.2

Карл Третий (1345-1386), король Неаполя, отец Владислава (см.) Пр.7

Кекропида (миф.), Филомела (см.), как потомок царя Кекропа. Экл.1

Кипарис (миф.), юноша, любимец Аполлона. Умер, оплакивая случайно убитого им оленя, превращен Аполлоном в дерево, названное его именем. Пр.1

Климена (миф.), дочь Океана и Тефии, мать Фаэтона и гелиад. Пр.1

Клопик, пастух «ученейший, искушенный в музыке». Страдает от любви; исполняет эклогу вместе с Евгением; у жреца Энарето проходит магический обряд и получает «исцеление» от несчастной любви; по просьбе Эргасто состязается в метании из пращи, перебив камнем веревку, на которой привязан волк. Пр.8, Экл.8, Пр.9, Экл.9, Пр.11

Клото (миф.), одна из *Парок* (см.) Экл.12

Коридон, пастух, персонаж II и VII эклог «Буколик» Вергилия. Прол., Экл.8, Пр.10

Кризальдо, побежден Опико на состязании в

борьбе. Пр.11

Крокус (миф.), юноша, превращенный в одноименный цветок после смерти своей возлюбленной нимфы Смилакс. Пр.10

Кумы, др. город на юго-западе Италии. Экл.12

Купидон, купидоны (миф.), божества любви в образе мальчиков, вооруженных луком, колчаном и стрелами. Экл.3, Экл.8, Пр.9

лары (миф.), у др. римлян добрые духи, боги-хранители, а также души усопших, оставшиеся хранителями своих живых родственников. Пр.10

Аахезис (миф.), одна из *Парок* (см.) Экл.12

Аачинио, некий аркадский вор; возможен исторический прототип. Экл.6

Аевкадия, один из Ионических островов. Пр.9

Аибра, зодиакальное созвездие Весы. Экл.10

Аикей, гора в Аркадии. Прол.

Аинтерно, городок в Кампании, вблизи которого располагалась вилла Сципиона Африканского (см. указ. *Африканец* и примеч)Пр.7

Айрис, другое название — Гарильяно, река в Средней Италии. Пр. 12

Аоджисто, пастух; его имя означ. «красноречивый», «способный убеждать». Вместе с Эльпино уславливается о наградах победителю в певческом состязании; исполняет эклогу; участвует в

беговом состязании. Пр.4, Экл.4, Пр.И

Аукания, в древности область на юге Италии или Великой Греции у Тарентского залива. Пр.7

Аукрин, или Лукринское озеро, в древности бухта или лагуна при заливе Бай и Путеол, на севере граничит с Авернским озером (см. *Лверн).* Экл.12

Ауна, как планета. Пр.10

Мантенъя Андреа (ок. 1431-1506), знаменитый живописец, представитель Падуанской школы. Пр.11

Манто (миф.), дочь Тиресия, прорицательница из города Фивы. Ее имя дало название городу Мантуе, родине Вергилия. Экл.11

Марс (миф.), римский бог войны. Экл.10

Марсий (миф.) сатир; подобрал флейту, брошенную Афиной Пал ладой; возгордившись, вызвал на музыкальное состязание Аполлона. В наказание за эту дерзость Аполлон заживо содрал с него кожу. Экл. 10

Массика, горная гряда, разделяющая Лаций и Кампанию. Пр.7

Массилия, аркадская прорицательница, мать Эргасто. Пр.10, Пр.И, Экл.И, Пр.12

Меандр, река в Малой Азии с очень извилистым руслом. Ныне — Большой Мендерес на территории Турции. Пр.12

Медведицы Большая и Малая, созвездия. Пр.9.

Медвежонок, пастух, отличающийся больше силой, чем умом. По поручению других пастухов успешно разыскивает пропавшую корову Карино; неудачно мечет шест; на состязании по выталкиванию из ямы получает в награду от Эргасто серп. Пр.6, Пр.8, Пр.И

Медея (миф.), дочь колхидского царя Ээта, волшебница. Пр.9

Меламп, кличка собаки, означ. «темноногий». Экл.2

Мелибео, Мелибей, пастух, персонаж I эклоги «Буколик» Вергилия. Экл.5, Пр.6

Мелизео, неаполитанский пастух; имя означ. «несчастный»; герой элегии Дж. Понтано. Пр.12, Экл.12

Менал, горная цепь в Аркадии. Прол., Пр.9, Экл.10

Мерджеллина, местность и источник вблизи Неаполя; там располагалась вилла Саннадзаро, подаренная ему королем Неаполя Федерико. Экл.12

Мерис, пастух, персонаж IX эклоги «Буколик» Вергилия. Экл.10

Мизен, мыс и др. город западнее Неаполя. Экл.12

Минерва (миф.), др.римская богиня, соответствующая греч. Афине Палладе. Пр.3, Экл.9, Экл.10

Минос (миф.), царь Крита; после смерти стал одним из судей в Царстве мертвых. Экл.Н

Минций, латинское название реки Минчо в Северной Италии. Экл.12

Монджибелло, итальянское название вулкана Этна на Сицилии. Согласно мифу, в нем находилась кузница бога Вулкана (Гефеста). Пр.12

Монтано, пастух; имя означ. «горный». По просьбе Синчеро за обещанную им награду исполняет эклогу, в которой сетует на волков и состязается с Уранио в пении куплетов; выступает судьей в певческом состязании Эленко и Офелии, примиряет соперников; побеждает в метании шеста. Пр.2, Экл.2, Пр.3, Экл.9, Пр.10, Пр.И

Музы (миф.), дочери Юпитера и Мнемозины, девять сестер, покровительницы поэзии. Пр.5, Экл.10, Экл.Н, К свирели

напей (миф.), луговые нимфы. Пр.4, Пр.8, Экл.8, Экл.10

Нарцисс (миф.), юноша, влюбившийся в собственное отражение; превращен богами в цветок нарцисс. Пр.10, Экл.Н

наяды (миф.), нимфы рек и озер. Пр.4, Пр.8, Экл.10, Экл.12

Неаполь. Пр.7, Пр.12

Нептун (миф.), бог морей. Экл.10

Низида, остров в Тирренском море, принадлежавший Неаполитанскому королевству. Экл.12

Нимфа, проводница Синчеро через подземное царство. Пр.12

нимфы (миф.), женские божества природы. Прол., Пр.2, Пр.3, Пр.4, Пр.5, Экл.5, Пр.6, Пр.7, Пр.8, Экл.9, Пр.10, Экл.10, Пр.П, Пр.12, К свирели

Ночь, как богиня. Пр.10

Океан (миф.) мировая река, омывающая землю, дающая начало всем рекам, источникам, морским течениям; приют солнца, луны и звезд. Пр.10

Опико, «самый старший и уважаемый меж пастухами». Его имя образовано от названия др.италийского народа, обитавшего в землях Кампании. Считается, что его прототипом послужил некий старший родственник поэта. Исполняет эклогу о Золотом веке; отводит пастухов к жрецу Энарето; рассказывает о победах времен своей юности. Пр.5, Пр.6, Экл.6, Пр.7, Пр.9, Пр.10, Пр.П, Пр.12

ореады (миф.), горные нимфы. Пр.8, Экл.10

Орион, созвездие и миф. охотник, превращенный в него. Пр.9, Экл.10

Орфей (миф.), сын музы Каллиопы; певец и музыкант, покоряющий своим пением живую и неживую природу. Экл.4, Экл.Н

Офелия, пастух; имя означ. «возвышенный». Аккомпанирует на свирели для Лоджисто и Эльпино; подсмеивается над Эленко и состязается с ним в пении; участвует в беговом состязании. Пр.4, Пр.9, Экл.9, Пр.И

Палее (миф.), древнеиталийская богиня скотоводства. Праздник в честь нее назывался Палилии (описан в романе), справлялся 21 апреля. Пр.3, Экл.8, Экл.9, Экл.10

Паллада (миф.), эпитет греческой богини Афины и римской Минервы. Прол., Экл.10

Пан (миф.), козлоногий бог природы, которому поклоняются пастухи; создал свирель, обитает в Аркадии. Экл.2, Экл.8, Пр.9, Экл.9, Пр.Ю, Экл.10

Панормита Антонио Беккаделли (1394—1471), итал. поэт, историк и гуманист. В1435 г. основал Неаполитанскую академию. Пр.Н

паны (миф.), божества природы, дети Пана и нимф. Экл.10

Парис (миф.), сын царя Приама, виновник Троянской войны; несмотря на свое происхождение, в молодости пас овец на горе Ида. Пр.3, Пр.6

Парки (миф.) три сестры, богини судьбы. Экл.8,

Экл.10, Пр.12, Экл.12

Парнас, гора в Фессалии, место пребывания Аполлона и Муз, символ поэзии. Экл.10, К свирели

Партенопа (миф.), сирена; на месте ее пофебения был основан Неаполь, в древности называвшийся Партенопея. Пр.7

Партенопей, охотник, сын Опико (см.). Принимал участие в состязаниях в беге и в метании из пращи. Пр.Н

Парфений, гора в Аркадии. Пр.1

Пеней, река в Фессалии, в долине Темпе. Пр.12

Персефона (миф.), жена бога Аида (Плутона), богиня Царства мертвых. Экл.Н

Петулко, кличка собаки; означ. «похотливый». Пр.Н

Плеяды, звездное скопление в созвездии Тельца. Пр.9

Позиллипо, холмистый выступ в северной части Неаполитанского залива. Пр.Н, Экл.12

Помона (миф.), римская богиня плодов и плодовых деревьев, су-прута Вертумна (см.) Экл.10

Помпеи, древний город в Кампании, погибший в результате извержения вулкана Везувий. Пр.12

Понтано Джоъанни (1429—1503), итал. поэт, философ и гуманист; глава Неаполитанской ака-

демии. Пр.Н

Портичи, город в Кампании, входивший в состав Неаполитанского королевства. Экл.12

Приап (миф.), бог-хранитель садов. Пр.4, Экл.9, Экл.10

Прокна (миф.), злодейски отомстила за поругание своей сестры Филомелы, за что была превращена в ласточку. Экл.1, Экл.11

Протей (миф.), морской бог-прорицатель, пастух тюленей; способен принимать любые формы и обличья. Экл.6

Прочида, остров в Тирренском море, принадлежавший Неаполитанскому королевству. Экл. 12

Резина, город в Кампании на берегу Неаполитанского залива. Экл .12

Рем (миф., истор.), один из легендарных основателей Рима, убит своим братом Ромулом. Экл. 10

Рим. Пр.9

Рок, персонификация судьбы. Экл.10

Саламандра, по средневековым поверьям, дух огня; согласно Плинию Старшему, змея, живущая в огне. Экл.2

Саннадзаро. Пр.7

Сарно, река в Кампании, вытекает с восточного склона Везувия, течет к югу от Помпеи и впадает в Неаполитанский залив. Пр.12

сатиры (миф.), мужские божества природы. Прол., Пр.3, Пр.5, Экл.8, Пр.Ю, Экл.10, Пр.И, К свирели

Себето, небольшая река в Неаполе. Экл.10, Пр.Н, Пр.12, Экл.12

Сельваджо, пастух; имя означ. «лесной». Первый, кого встречает Синчеро в Аркадии; исполняет эклогу совместно с Эргасто; судья в песенном состязании Лоджисто и Эльпино; исполняет эклогу совместно с Фронимо; участвует в состязании по борьбе. Пр.1, Экл.1, Пр.4, Экл.9, Пр.Ю, Экл.Ю, Пр.И

Серрано, пастух. Исполняет совместно с Опико эклогу о Золотом веке; участвует в беговом состязании. Пр.6, Экл.6, Пр.Н

Сивилла, в Др. Греции: странствующая прорицательница. Пр.Ю, Экл.Ю

Силара, река в Италии на границе между Луканией и Кампанией. Экл.12

Силен (миф.), воспитатель и спутник бога вина Диониса (Вакха). Изображается пьяным грузным стариком, комично восседающим на маленьком осле. Пр.Ю, Экл.Ю

сильваны (миф.), лесные божества. Экл.1, Экл.3, Экл.5, Экл.8, Пр.Ю, Экл.Ю

Сильвио, побежден Опико на состязании в

прыжках. Пр.И

Синуэсса, город в Кампании, ныне — Сесса. Пр.7

Синчеро, имя, которое принял автор во время пребывания в Аркадии; означ. «искренний». Пр.7, Экл.7, Пр.8

Сиракузы, крупный город на Сицилии, родина поэта Феокрита, основателя буколической (пастушеской) поэзии. Пр.10

Сиринга (миф.), аркадская нимфа; спасаясь от преследования бога Пана, превратилась в тростник, из которого Пан сделал тростниковую свирель, названную в честь нее. Пр.10, Экл.10

Скифия, скифы. Экл.1,ЭклЛ0

Смерть, как аллегорич. фигура. Экл.5

Солнце, как небесное тело. Пр.10

Старость, как аллегорич. фигура. Экл.8

стигийский, прилаг., образованное от назв. миф. реки Стикс, протекающей в Преисподней. Пр.10

Суммонцио, пастух, встреченный автором по возвращению на родину. Под этим именем выведен неаполитанский гуманист и историк Пьетро Суммонте (1463-1526), первый издатель «Аркадии» Саннадзаро. Пр.12, Экл.12

Тавр, созвездие Тельца. Экл.10

Танаис, река в Скифии, нынешний Дон. Пр.12

Термин (миф.), римский бог границ. Пр.5

Тибр, река. Пр.И, Пр.12, Экл.12

Тиррена, пастушка; ее имя образовано, как можно полагать, от Тирренского моря. Экл.2, Пр.4, Экл.9

Тиррено, отец Кризальдо (см.) Пр.Н

Тирсис, победил Опико в стрельбе из лука. Пр.И

Тисифона (миф.), одна из фурий, богиня ада. Изображается со змеями вместо волос. Экл.Н

Титир, пастух, персонаж I эклоги «Буколик» Вергилия. Часто под этим именем подразумевается сам Вергилий. Экл.4, Пр.6, Пр.10, Экл.12

Тифей или Тифоэй, один из гигантов (см.) Пр.12

Тичино, река в Италии и Швейцарии, левый приток По. Экл.12

Торибио, богатый пастух. Пр.2

Тринакрия, античное название Сицилии. Пр.12

Тритула, место вблизи Неаполя, где располагались природные потогонные бани, используемые в медицинских целях. Экл.12

Уранио, пастух; имя означ. «небесный». Исполняет эклогу совместно с Монтано; участвует в состязании по борьбе. Экл.2, Пр.3, Экл.9, Пр.И

Урсакио, см. Медвежонок. Пр.6

Фавн (миф.), древний царь Лациума, римский

бог лесов. Пр.3, Пр.6, Экл.9, Экл.Ю

фавны (миф.), лесные божества. Экл.3, Экл.8, Пр.10

Фалерно, местность в северной Кампании, где производится знаменитое со времен античности вино. Пр.7

Фаэтон (миф.) сын Солнца (или Аполлона) и Климены. Выпросил у отца колесницу солнца, но не удержал коней, сжег часть земли и был свергнут молнией Юпитера. Пр.8,

Феникс (миф.) птица, единственная особь на земле, возрождающаяся из пепла после своей смерти. Пр.12

феспиады (миф.), эпитет Муз по городу Феспия под горой Геликон. Экл.8

Филомела (миф.), дочь афинского царя Пандиона, сестра Прокны (см.) Превращена богами в соловья. Экл.1, Пр.10, Экл.Н

Филлида, 1)пастушка, возлюбленная Монтано. Экл.2, Экл.9; 2) нимфа или пастушка, смерть которой оплакивает Мелизео. Экл.12; 3) дочь царя Фракии; повесилась, когда сын Тезея Демофонт не сдержал обещания жениться на ней (миф.). Превращена богами в миндалевое дерево. Экл.8

Флегра, Флегрейские поля, местность к северо-западу от Неаполя, где, согласно миф., происходи-

ла битва олимпийских богов с гигантами. Экл.1

Фортуна (миф.), римская богиня и олицетворение судьбы. Пр.7, Пр.8, Пр.9, Экл.Ю, Пр.И, Пр.12

Фриксов баран, созвездие Овна. Согласно миф., на волшебном зо-лоторунном баране Фрикс и его сестра Гелла бежали в Колхиду. Во время бегства Гелла упала в воды пролива, получившего имя Геллеспонт, а Фрикс, добравшись до Колхиды, принес в жертву барана, повесив его руно в храме. Экл.8

Фронимо, пастух; имя означ. «благоразумный», «хороший советчик». Записал канцону Эргасто на коре бука; совместно с Сельваджо исполняет эклогу о путешествии в Неаполь, участвует в состязании в метании из пращи. Пр.6, Пр.10, Экл.Н, Пр.Н

Хаос. Пр.10

Халкидики, Халкида, город в Греции на о. Эвбея. Выходцами из Халкиды основан древний Неаполь. Пр.7, Экл.Ю

Церера (миф.), др. римск. богиня плодородия. Пр.5

Цизальпинская Галлия, провинция Римской империи, заключённая между Альпами, Апеннинами и Рубиконом. Пр.7

Цирцея (миф.), волшебница. Пр.9

Эвмениды (миф.), адские богини возмездия; то же, что фурии и эринии. Пр.10

Эвридика (миф.), жена Орфея. Пр.12

Эврот, река в Спарте. Экл.10, Пр.12

Эгерия (миф.), мудрая нимфа, жена легендарного царя Нумы Помпилия, правившего Римом после Ромула. Экл.И

Эленко, пастух; имя означ. «заслуживающий порицания». Состязается с Офелией в пении; неудачно метает шест на состязании. Пр.9, Экл.9, Пр.11

Эльпино, пастух. Расхваливает ручного оленя своей подруги; состязается с Лоджисто в пении эклоги; принимает участие в беговом состязании. Пр.4, Экл.4, Пр.11

Энария, древнее название острова Иския (см.) Пр.12

Энарето, жрец бога Пана; имя образовано от названия острова; возможен исторический прототип. Пр.9

Эндимион (миф.) пастух, возлюбленный богини луны Селены. Пр.3,

Эней (миф.), сын Анхиза и Венеры, популярный герой Троянского цикла, а также «Энеиды» Вергилия. Пр.10

Энкелад (миф.) один из гигантов, сражавшихся

против олимпийских богов. Пр.12.

Энона (миф.), нимфа, жена Париса, которую тот покинул ради похищения Елены. Пр.3

Эргасто, пастух, один из главных персонажей романа; имя означ. «трудолюбивый». Исполняет эклогу вместе с Сельваджо; оплакивает смерть Андроджео; устраивает спортивные состязания в память о своей матери Массилии и поет канцону в ее честь. Пр.1, Экл.1, Пр.2, Экл.4, Пр.5, Экл.5, Пр.6, Пр.9, Экл.9, Пр.10, Пр.11, Экл.П, Пр.12.

Эреб (миф.), царство мертвых. Пр.10

Эридан, древнее название реки По. Пр.12

Эриманф, река в Аркадии. Пр.5

Эрот (миф.) бог любви, аналог Амура. Пр.8, Экл.10

Эфир, персонификация воздушной стихии. Пр.10

Эхо (миф.), нимфа; от безответной любви к Нарциссу исчахла до того, что от нее остался только голос. Олицетворение природного явления эхо. Пр.8, Экл.10, Экл.И

Юнона (миф.), римская богиня, супруга Юпитера. Пр.3

Юпитер (миф.), верховный бог римского пантеона. Пр.10, Пр.12.

Литература[389]

Colangelo 1819 — Vita di Giacomo Sannazaro, poeta e cavaliere napolitano [Francesco Colangelo]. Seconda edizione. Napoli, 1819.

Portirelli 1826 — Arcadia di m. colla di lui vita scritta dal consigliere Giambatista Corniani con annotazioni di Luigi Portirelli. Firenze, 1826.

Scherillo 1888 — Arcadia di Jacobo Sannazaro secondo i manoscritti e le prime stampe con note ed introduzione di Michele Scherillo. Torino, 1888.

Mauro 1961-Sannazaro Jacopo. Opere volgari, a cura di Alfredo Mauro. Laterza, Bari, 1961.

Ricciardelli 1966 — Ricciardelli Michele. L' Arcadia di J. Sannazaro e di Lope de Vega, Napoli, Fausto Fiorentino Editore, 1966.

Gallart 2014 — Cecilia Canas Gallart. La traduccion de la Arcadia de Sannazaro por Jeronimo Jimenez de Urrea. Estudio y edicion critica de la egloga xii. Universitat de Barcelona, 2014.

---

[389] Примечания: 389

В список включены только те источники, которые применялись при подготовке настоящего издания.